

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

VIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1940 · ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

VIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

Печатается по распоряжению директора ИИМК М. И. Артамонова

Ответственный редактор С. Н. Бибиков

C. Mevick

АКАДЕМИКУ
СЕРГЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
ЖЕБЕЛЕВУ

Дорогой Сергей Александрович!

В связи с исполнившимся 50-летием Вашей научно-исследовательской и педагогической деятельности Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР приносит Вам свои поздравления. Полувековой труд Вашего служения науке принес неоценимые результаты. Вы вместе с великим советским ученым Николаем Яковлевичем Марром, не покладая рук, трудились над созданием нашего учреждения и воспитанием советских античников. Нам, работающим вместе с Вами, отрадно сознавать, что то великое чувство любви к труду, которым проникнута вся Ваша жизнь, весь Ваш творческий путь, служит ярким примером для советских ученых.

Ваши исследования прокладывают новые пути в советской исторической науке, открывают новые горизонты и будут всегда высоко цениться народом, любящим и уважающим науку. Примите, Сергей Александрович, наши сердечные поздравления и пожелания еще многих лет здоровья и творческого труда.

Директор Института истории материальной культуры
им. Н. Я. Марра АН СССР

М. И. Артамонов

І. ДОКЛАДЫ В СЕКТОРАХ ИНСТИТУТА

К ВОПРОСУ О РАННИХ СТАДИЯХ БРОНЗОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ГРУЗИИ

(Содержание доклада 7 III 1940)

Раскопками последнего десятилетия в верхней Месопотамии, в частности в верховьях Тигра, открыты культурные отложения, свидетельствующие о существовании здесь земледельческих обществ с прочной оседлостью, находящихся на стадиях неолита значительно более древних, чем глубоко уходящая в V тысячелетие первая в южной Месопотамии культура Эль Убайд. Несмотря на незнакомство населения с металлом, мы видим здесь, в самых нижних слоях холма Тепе Гавра,¹ так же как и в холме Арпачия² в северной Ассирии, высоко развитые формы хозяйственной жизни, соответствующие полностью средней ступени варварского состояния, с устойчивыми городского типа поселениями, имеющими замощенные улицы, монументальные из сырцового кирпича дома, круглого еще плана,³ развитые ремесла, искусства и торговые связи, а несколько позднее, в конце неолита, даже сложную храмовую архитектуру с точным планом, пилястровыми украшениями и красочной росписью стен.⁴

В резком контрасте с указанными археологическими открытиями и поставленными к разрешению историко-этнографическими проблемами находится уровень наших знаний по археологии горной зоны Передней Азии, в частности ближайшей к Закавказью ее части — Курдистана с озерами Ваном и Урмией.

Если не считать работ по нахождению и изучению ванских клинописей и совершенно случайных раскопок прошлого века близ озера Урмии,⁵ а также в новой столице Ванского царства на Топрах-кале, откуда происходит основной вещевой материал, освещающий исключительно второй период ванской истории, — мы не имеем ровно никаких исследований по археологии этой страны, богатой, однако, как это видно по имеющимся уже данным, многочисленными памятниками древнего пещерного строительства, зольными жилыми холмами, курганами и другими могиль-

¹ E. A. Speiser. Progress of the joint expedition to Mesopotamia. Bull. of the Am. School of Orient. Research, 1938, № 69, стр. 5—7. — Idem. Closing the Gap of Tepe Gawra. Asia, 1938, vol. 28, стр. 536—43.

² M. S. Mallowan and R. Cruikshank. Prehistoric Assyria, the excavations at Tell Arpachiyah. London, 1935. — M. S. Mallowan. Excavations at Arpachiyah in Assyria. Iraq, II, 1935, стр. 1 сл.

³ A. J. Tobler. Progress of the joint expedition to Mesopotamia. Bull. of the Am. School of Orient. Research, 1938, № 71, стр. 22—23, рис. 5.

⁴ E. A. Speiser. Excavations at Tepe Gawra during the season of 1936—1937. Bull. of the Am. Inst. for Ir. Art and Arch., 1937, vol. V, No 1, стр. 5.

⁵ R. Virchow. Fundstücke aus Grabhügeln bei Urmia. Zeitschr. f. Ethn., Bd. 32, 1900, стр. 609—612.

никами.¹ Немногие образцы расписной керамики указывают на ближайшие связи с „основной культурой“ Месопотамии и Элама, а найденный еще в 1888 г. в каменной камере, к юго-востоку от Урмии, цилиндрический барельеф, который Леман-Гаупт² относит к 2000 г. и рассматривает как местное подражание вавилонскому оригиналу, свидетельствует, если не заподозрить подлинности этого памятника, о своеобразном художественном стиле искусства лулубеев или гутиев на рубеже III тысячелетия до н. э.

Этот прорыв в археологическом изучении ближайшей к нам территории Передней Азии сказывается в сильной степени и на понимании нашего значительно более обильного и разнообразного закавказского материала. Как ни странно, для хронологической периодизации археологических явлений Закавказья, предшествующих ванской экспансии, приходится чаще обращаться к Северному Кавказу, Причерноморью и даже к Западной Европе, чем к Переднему Востоку, хотя по исторической роли Закавказья служило посредствующим звеном для севера в его тяготении именно к культурным очагам древнего мира. В недостаточной степени учтенное реальное направление исторических путей приводит нас нередко к ложному впечатлению об обратной зависимости и невольно вызывает неправомерное понижение хронологических дат. При этом тенденции к уменьшению хронологии способствуют еще и другие причины. Все еще существует пережиток старого представления о том, будто позднебронзовая индустрия на Кавказе не имеет местных предшествующих стадий развития металлического производства, что сказывается как в заметной нерешимости переносить за установившуюся для Кобани нижнюю границу целый ряд давно известных в Закавказье памятников, несомненно принадлежащих к более древним стадиям бронзы, так и в полном невнимании к дальнейшему их изучению.

Второй причиной можно считать, пожалуй, некоторое преувеличение роли письменных памятников ванской эпохи при периодизации археологических материалов Кавказа. Конечно, совершенно бесспорно, что эпоха образования на озере Ван самого северного древневосточного государства, включившего в свой состав южное Закавказье и оставившего там многочисленные следы своего пребывания, является переломной для построения истории всего закавказского Двуречья и культурно связанного с ним Главного хребта. Понятно и то огромное значение, какое принадлежит этим памятникам как для интерпретации непосредственно относящихся к ним исторических объектов, так и для понимания в общей совокупности всего соответствующего вещевого материала, находящего в клинописных свидетельствах наиболее надежную хронологическую опору. Однако, не оторвавшись от этих твердых границ, означенных Ванским царством, и не перейдя, так сказать, в стратосферу его истории, мы не сможем достаточно учесть реальной исторической перспективы, открываемой археологическими фактами Закавказья, и даже понять саму возможность появления урартского классового общества на озере Ван, если не захотим согласиться с теорией о неожиданном приходе его с запада.

Действительно, мы встречаемся со странной картиной. В то время, как территория Северного Кавказа, несомненно культурно зависимая от Закавказья и сильных культурных течений, шедших через Кавказ со стороны переднеазиатских культурных очагов, дает богатый материал для освещения всей хронологической последовательности развития, начи-

¹ A. W. Jackson. Persia past and present. N. Y., 1906, стр. 90—98. — В. М и н о р с к и й. Келяшин, стела у Топузава и древнейшие памятники вблизи Урмийского озера. Зап. Вост. отд. Археол. общ., т. XXIV₁₋₄, Пгр., 1917, стр. 145—193.

² C. F. Lehmann-Haupt. Armenien einst und jetzt, Bd. I. Berlin, 1910, стр. 277—279.

ная от неолита и ранних этапов металлического производства, вплоть до оформления скифского общества, в Закавказье, чуть ли не целиком, весь археологический материал, предшествующий греко-римскому времени, оказывается синхронизованным с кобанской бронзой и ванской эпохой.

Даже древнюю расписную керамику Закавказья, несмотря на смелую, хотя и не вполне удачную, попытку Пржеворского классифицировать ее и связать с двумя стилистическими разделами эламской керамики, исследователи все еще стремятся стягивать по чисто формальному признаку росписи в узкую, хронологически позднюю группу, хотя технически и стилистически ее типы совершенно различны и разновременны, а некоторые из них, несомненно, обнаруживают близкую связь с энеолитическим культурным слоем Закавказья. Но была тенденция и этот последний, определенный в свое время Лалаяном, с чисто любительской неточностью, как „неолитический“ (по нижнему его стратиграфическому положению, наличию обсидиановых поделок и отсутствию металлических находок), отнести к той же урартской эпохе вместе почти со всеми древнейшими циклопическими крепостями Армении, несмотря на обнаружение в ряде крепостей любопытного комплекса обсидиановых изделий¹ и несмотря на полное своеобразие керамических образцов, совершенно чуждых известным типам керамики из закавказских могильников поздней бронзы. Последнее с большой чуткостью впервые отметила Е. Г. Пчелина² еще в 1922 г. относительно своих находок подобной посуды в Грузии, не решившись их, однако, тогда датировать.

Поэтому ближайшей задачей всей закавказской, и в частности грузинской, археологии является выяснение хронологических и стадийных предшественников кобанской и синхроничной ей закавказской бронзы. Эту работу я начал с изучения археологических фондов Государственного Музея Грузии, подготовлявшихся тогда мною к выставке. Уже первоначальная классификация материала и проведение помогильного распределения инвентаря из раскопок Байерна (в Самтавро и Редкином лагере), Антоновича (в Северной Осетии), Чарковского (на р. Занге) и др. обнаружили существование целого ряда предметов и комплексов, которые побуждали пересмотреть вопрос о древнейших слоях бронзы на территории Закавказья. В результате произведенных поисков, направленных по пути обследования мест отдельных находок, что возможно было осуществить благодаря планомерному содействию Отдела охраны памятников культуры Грузии, мне удалось провести изучение любопытного комплекса, найденного Такайшвили в 1910 г. в Сачхери и относимого в археологическом отделе музея, по имевшимся в нем предметам римского времени, к „скифовизантийской эпохе“, в то время как его основное ядро — по характеру металла, по форме трубчато-обушных топоров, плоских клинков, булавок с завязанными концами, узких молоточковидных булавок, спиральных завитков и пр. — заставляло думать скорее об эпохе, близкой к западно-европейскому Унетицу. Поскольку этот комплекс в отдельных своих частях сближался с хорошо известным комплексом Северной Осетии из могильников аулов Кумбулта, Рутха, Фаскау и др., обычно относимым к послекобанскому времени, требовалось пересмотреть основания для этой датировки. Оказалось, что указанное представление вызвано, если не считать неряшливости раскопок и отсутствия методологической строгости, действительными случаями находок в некоторых могилах древних предметов (напр. трубчато-обушных топоров) вместе с поздними

¹ Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзальян. Крепости Армении доурартского и урартского времени. Пробл. ист. мат. культ., 1933₃₋₄, стр. 53.

² Евг. Пчелина. Археологическая разведка в районе Триалетского хребта близ гор. Тифлиса. Bull. du Mus. de Géorgie, t. V, 1928, стр. 159.

вещами — вплоть до фибул готского типа, что нельзя объяснить иначе, как только существованием в это позднее время обычая погребать с покойником предметы, находимые случайно при рытье могилы в древнем могильном слое. До сих пор в Грузии подобные древности принято хранить при кладбищенской церкви.

На самом деле инвентарь указанных могильников относится, по крайней мере, к трем хронологически различным культурным пластам, из которых один, несомненно, значительно предшествует кобанскому слою, отличаясь от него и по составу металла, в котором отсутствовало олово. Второй слой, более близкий к Кобани, но в целом древнее ее ранних стадий, приближается к середине II тысячелетия. О наличии здесь в конце второй стадии северо-кавказской бронзы достаточно интенсивной культурной жизни свидетельствует, между прочим, одна исключительная по значению находка из коллекции К. И. Ольшевского. Я имею в виду гематитовую цилиндрическую печать,¹ на которую не было до сих пор обращено должного внимания. В этой печати нетрудно признать изделие, близкое по стилю хуррийским печатям XIV—XV вв. до н. э. из Керкука² или находившегося в то время под его художественным влиянием Ассура; она имеет типичную двучастную композицию, которая состоит из характерного (кипрского) пальмового священного дерева в окружении козлов и крылатых сфинксов и из тройной группы крылатого божества (растительности?), держащего диск солнца, и двух предстоящих персонажей (Гильгамеш? и Энкиду?) с завитком волос на голове.

Происхождение столь древней печати из могильников Северной Осетии, культурно тесно связанной в бронзовую эпоху с западной Грузией, предполагает существование на всей этой территории соответствующих культурно-исторических и экономических условий, которые могли бы содействовать проникновению сюда этого драгоценного предмета в эпоху, значительно предшествующую оформлению колхидско-кобанской бронзы. Вспомним, что хуррийские печати прослеживаются в это время, по Герцфельду,³ на восток вплоть до Нихавенда.

Во всяком случае, произведенные в Сачхери небольшие работы (отпарировано 10 погребений) доказали несомненную древность интересовавшего нас богатого комплекса (рис. 1), тяготеющего по своему керамическому инвентарю (рис. 2, а и б) к более раннему металлическому слою, сравнительно еще мало до сих пор выявленному в Закавказье. Это подтверждается также химическим анализом сачхерской „бронзы“, оказавшейся чистой медью с содержанием олова не более 0.35%.

По некоторым линиям (между прочим и по отсутствию сердоликовых бус) Сачхерский комплекс сближается также с группой вещей, обнаруженной впервые М. М. Иващенко в дольменах Абхазии.⁴ Но как удалось установить на месте (раскопками 1934 г. экспедиции акад. И. И. Мещанинова⁵ и особенно раскопками 1937 г. при участии Л. Н. Соловьева и А. Л. Лукина), собранный в дольменах материал принадлежит,

¹ ОАК, 1882—1888, стр. 58 и 64, примеч. — П. С. У в а р о в а. Могильники Сев. Кавказа, М., 1900, стр. 324, табл. 127, 47.

² G. Conte n a u. Les tablettes de Kerkouk et les origines de la civilisation Assyrienne. Отт. из „Babyloniaca“ (т. IX₂—4, Paris, 1926, ср. рис. 80, 90, 73). — I d e m. La civilisation des Hittites et des Mitanniens. Paris, 1934, стр. 106—111. — A. G ö t z e. Hethiter, Churriter und Assyrer. Hauptlinien der vorderasiatischen Kulturentwicklung im II. Jahrtausend. Oslo, 1936, стр. 92—95.

³ Archäol. Mitteil. aus Iran, 6, 1934, стр. 167.

⁴ М. М. И в а щ е н к о. Beiträge zur Vorgeschichte Abchasiens. Eur. Sept. Ant., VII, Helsinki, 1932, стр. 98—103. — М. М. И в а щ е н к о. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935, рис. VII, X и XI.

⁵ Б. А. К у ф т и н. Материалы к истории культурного и этнического оформления дофеодальной Абхазии. Отчет о работе отряда Абхазской археологической экспедиции 1934 г., Тбилиси, 1940, гл. III (печ.).

по крайней мере, двум стратиграфически отдельным слоям. Оказалось, что абхазские дольмены (как впрочем и другие, исследованные в прошлом веке Фелициным) заключают погребения, последовательно происходившие в течение очень долгого времени после первоначального построения дольменного памятника, причем часто без нарушения накопившихся на дне почвенных отложений.

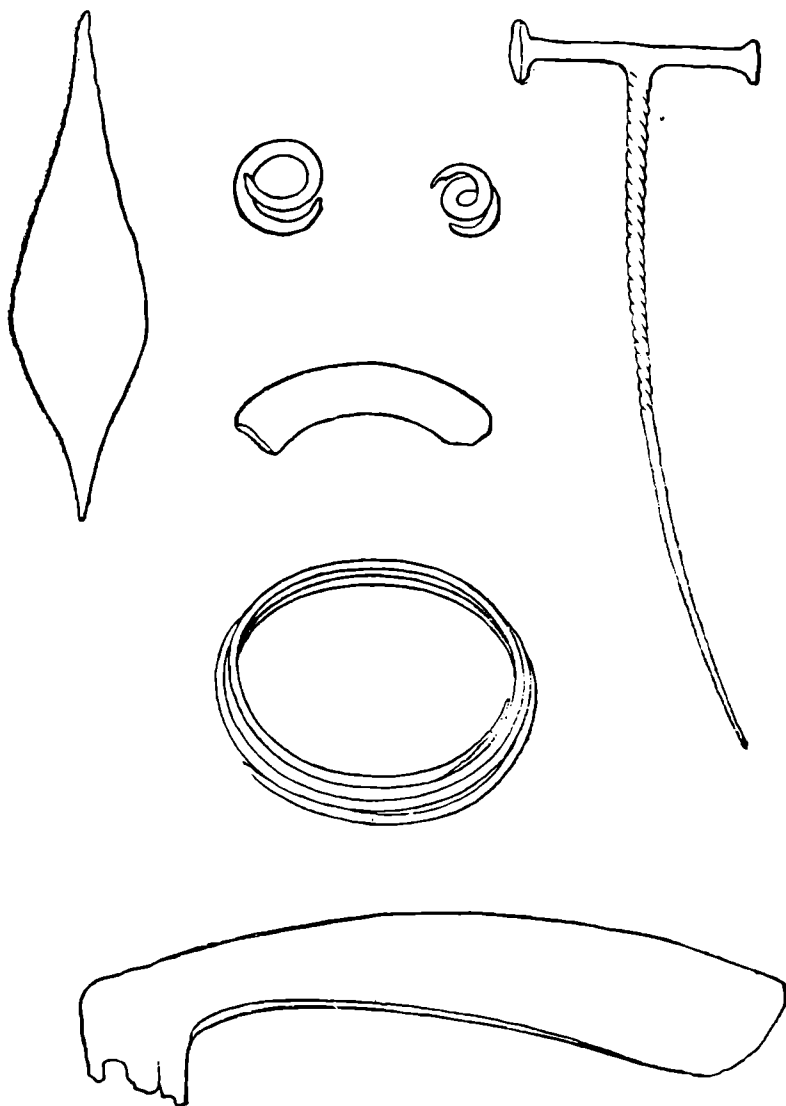

Рис. 1. Медные предметы из древнейших погребений в Сачхери и фрагмент браслета из мергеля ($\frac{2}{3}$ nat. вел.).

В ряде дольменов удалось совершенно точно установить, что инвентарь, относящийся к эпохе построения дольменов, — с характерными медными (со значительной примесью сурьмы) топорами, крюками и пластинчатыми ножами типа, сходного с нижним слоем сачхерского и дигорских могильников, и с керамикой, обнаруживающей некоторое соответствие с керамикой открытого в 1937 г. А. Н. Калантадзе неолитического селища в Одиши, — отделен от последующих вложений стерильным пластом слоистой глины. Второй комплекс (рис. 3) также связан с другой, собственно, основной группой вещей из тех же североосетинских могильников, в частности из могилы № 16 в Рутхе из раскопок 1939 г. Е. И. Крупнова (амулет в форме трубчато-обушного топора,¹ птичка-барашек,²

¹ МАК, вып. VIII, табл. LXXX, 16, CXVII, 4 и 6; CXVIII, 25.

² Там же, табл. CXV, 1, рис. 210.

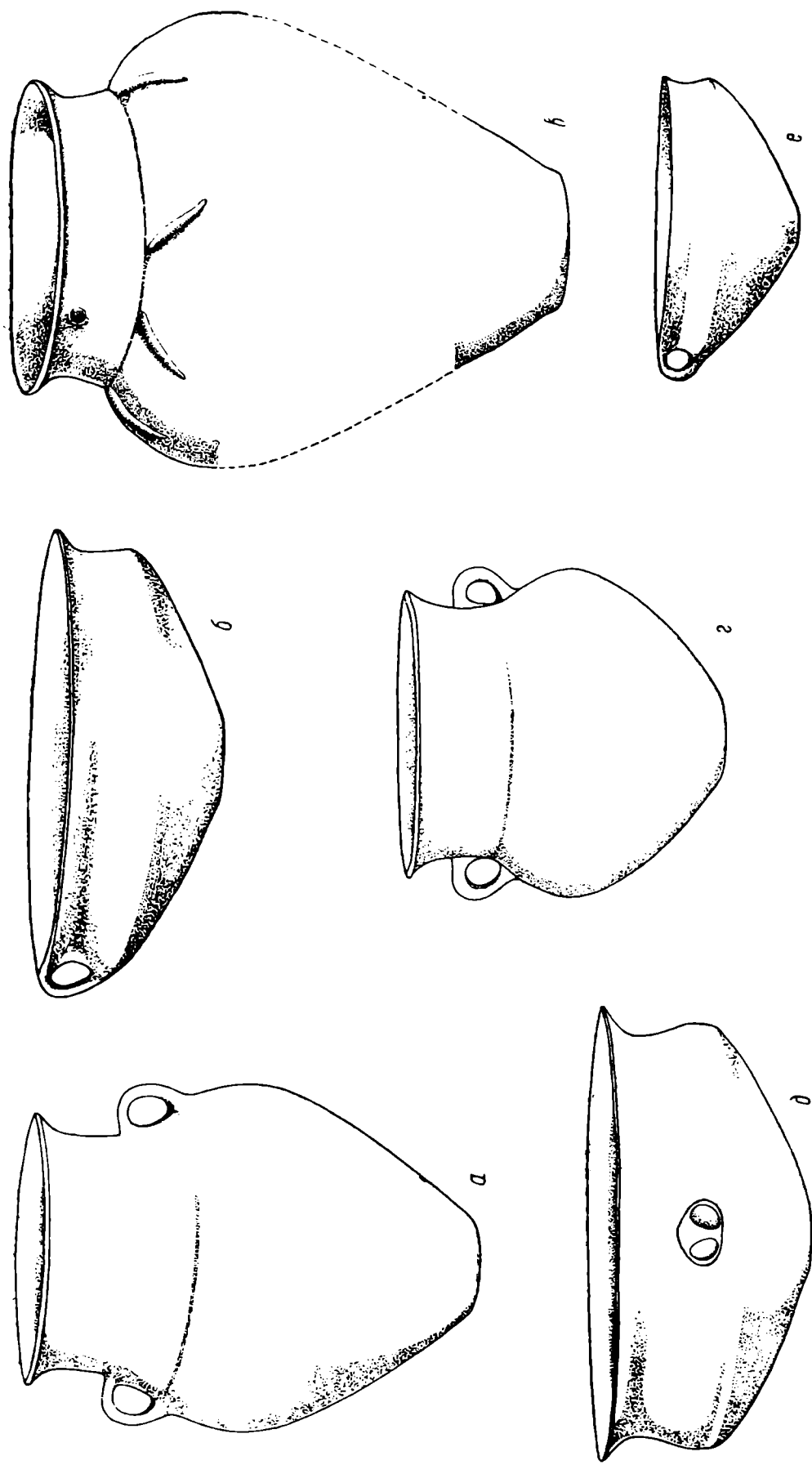

Рис. 2. Глиняные сосуды.

а, б — сосудам из древнейших погребений в Сачхери; в — чернолощадая с «розовой подкладкой» гдирня из Дабла Гоми (реконструкция); д, е — керамика из нижнего слоя циклопической крепости в Бешташене (д — сосуд из очага; е — чаша из культурного слоя крепости).

овальный полугораспиральный массивный завиток и пр.) и из могильника в Тли (такой же амулет в форме топорика), что, в свою очередь, дает возможность отделить в них этот средний предкобанский слой от более древнего и от типично кобанского с его богатой оловом бронзой. Судя по присутствию в могиле № 16 в Рутхе синего из стекловидной пасты бисера с тремя бородавчатыми выступами, эти погребения приближаются по времени к впускному 44-му погребению¹ (с овальным проко-

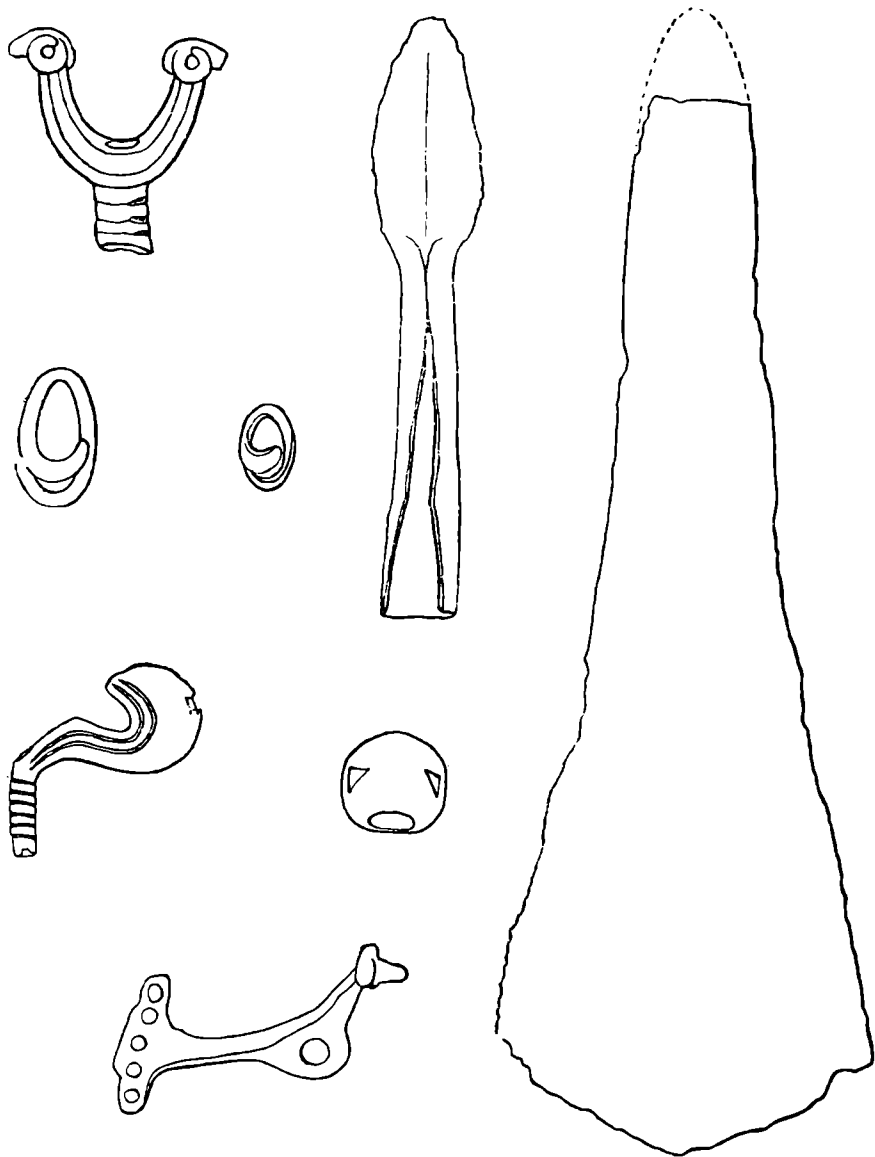

Рис. 3. Бронзовый инвентарь второго слоя Эшерских дольменов ($\frac{2}{3}$ нат. вел.).

ванным завитком и с сосудом, орнаментированным шнуром) в 1-м Нальчикском кургане 2-й стадии северокавказской бронзы, к которой, следовательно, надо отнести и 16-е погребение в Рутхе и соответствующий слой дольменных погребений с большими медными, со следами мышьяка (по двукратному анализу),² булавками, имеющими пластинчатые в два

¹ А. А. Миллер. Северо-кавказская экспедиция ГАИМК 1929 г. Сообщ. ГАИМК, 1931, 3. — Он же. Работа Северо-кавказской экспедиции ГАИМК 1932 г. Проблемы, 1933, 1—2, стр. 47—48.

² Zeitschr. f. Ethnol., Bd. XXII, 1890, стр. 419. — В. В. Данилевский. Историко-технологическое исследование древних бронзовых и золотых изделий Северного Кавказа и Северного Урала. Изв. ГАИМК, вып. 140, 1935, стр. 225, табл. IV, 5.

завитка головки и повторяющимися золотой прототип — булавку из Цалкинского кургана № XXII (рис. 4). Однако указанные погребения, так же как и второй слой дольменов, по присутствию в них чисто бронзовых, близких к Кобани предметов (кинжальные клинки), относятся уже к концу стадии, что подтверждается, повидимому, и временем бытования в Закавказье голубого бисера с тремя бородавчатыми выступами, судя по цалкинскому материалу, в могильниках развитой бронзы. Любопытно, что погребения с типичным кобанским инвентарем наблюдались на дольменном поле исключительно в грунте вне самих дольменов.

Рис. 4. Золотая булавка с штампованной имитацией филигрны из кургана № XXII.

После периода накопления в дольменах второй стерильной прослойки, следует новый слой погребений, связанный со вторичным проломом в стенке дольменов. Этот слой включает в себе предметы, точно датированные колхидскими монетами.

Работы по выяснению стратиграфических вопросов выполнялись мною и на территории Рионской долины. Проведенная в 1935 г. разведка у Очемчирского порта и организованная здесь работа, с участием М. М. Иващенко и Л. Н. Соловьева,¹ для изучения разрушавшейся Портстроем части берега с древним селищем и жилым холмом над ним — показали, что под культурным слоем с чернолаковой керамикой IV—V вв. до н. э. на самом уровне моря, в голубоватой глеевой глине, отделенной от него довольно значительными отложениями ржаво-бурого суглинка (мощностью более метра), залегает культурный слой раннеметаллической эпохи с поздними пережитками кремневой индустрии (стрелки и пилки), с грубо лепленой керамикой и костями домашнего скота (малорослой коровы, свиньи и мелкого

рогатого скота). Этот слой удается синхронизовать с другими подобными отложениями на колхидской территории в тех же стратиграфических условиях, напр. с нижним слоем жилого холма в Анаклии (раскопка А. И. Чантурия) и, может быть, отчасти холма Наохваму (раскопка С. Макалатия и А. И. Амираншвили), представляющего, однако, в основе уже значительно более развитую стадию бронзы кобанского возраста с богато орнаментированной штампованным и „скользящим“ желобчатым узором керамикой с „двуушными“ ручками прекрасной моделировки.

К сожалению, не пришлось пока установить непосредственно хронологического взаимоотношения керамики этого нижнего колхидского слоя с черной и бурой лощеной керамикой того особого типа, который в Закавказье генетически связан в древнейшем слое циклопических крепостей верхнеэнеолитического возраста, хотя одну позднюю модификацию этой последней керамики удалось обнаружить и на территории Рионской долины, собственно на материковой ее южной террасе в Дабла Гоми.

Раскопки, произведенные мною здесь от ИЯИМК Грузфильала Академии Наук, обнаружили существование трех культурных пластов: а) точно

¹ Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии. Тр. Абхазск. научно-исслед. инст. яз. и ист. им. Н. Я. Марра, вып. XV, Сухуми, 1939.

датированные колхидскими монетами урновые погребения¹ в своеобразно орнаментированных пифосах местной работы² и жилой слой с осколками этих пифосов и чернолаковой керамики; б) слой с керамикой ранне-железной и позднебронзовой эпохи, никогда не попадающей в погребальный инвентарь урн и характеризующейся, между прочим, канnelированной поверхностью и „двушными“ ручками; к этому слою принадлежат бронзовый черенковый наконечник стрелы и найденный здесь крестьянами бронзовый топор типа современного западногрузинского „цалды“, подобный имеющемуся в „кобанских“ комплексах Батумского музея³ и в кладе, найденном в Орду (где он значится, по недоразумению, в качестве „не вполне цельного предмета“);⁴ в) слой с черной и бурой лощеной керамикой интересующего нас сейчас древнего типа (рис. 2, в и 5).

Эта последняя керамика не имеет ничего общего по своей технике с обычной, изготовленной на гончарном круге чернолощенной посудой, хорошо известной в Закавказье по могильному инвентарю позднебронзовой эпохи. Внешним видом указанная керамика древнего типа скорее напоминает предскифскую „галльштаттского“ облика керамику юго-восточной Европы. Ее характерной особенностью является ручная лепка с тщательной последующей отделкой „в мокрую“ обеих поверхностей обожженного сосуда и затем лощение его снаружи и внутри. К этому присоединяется часто своеобразная многослойность черепка, как бы вызванная накладыванием сверху и изнутри тонких слоев мокрой более жирной глины на отощенный, нередко, органическими примесями скелет. Многослойность резко подчеркивается, кроме того, разнохарактерностью

обжига: после прокаливания в окислительном пламени сосуд подвергался только снаружи действию восстановительного огня, так что внутренняя поверхность не получала отложения углеродистых частиц и оставалась светлой. Таким образом получилась керамика „с розовой подкладкой“.

Для орнаментации этой керамики типичны рельефные налесты на поверхности сосудов. На даблагомских образцах они ограничиваются простыми шишками, шпалками и пр. Формы сосудов отличаются харак-

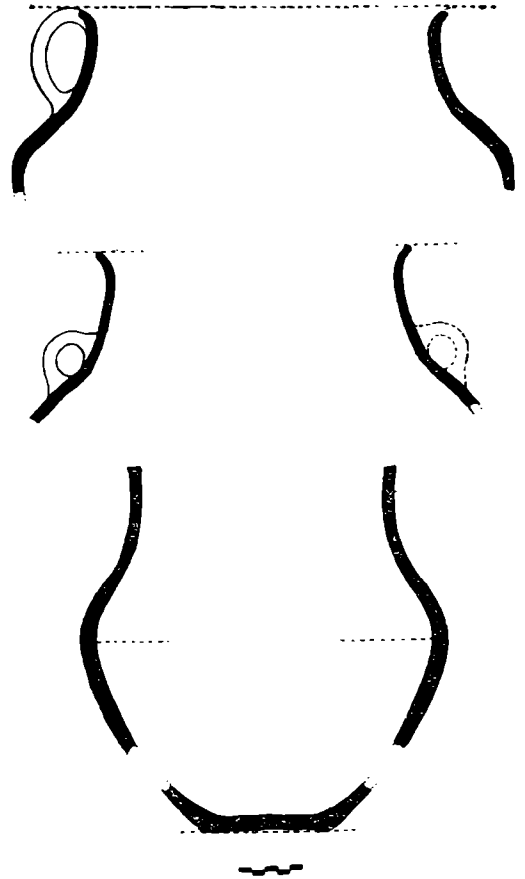

Рис. 5. Лощеная с „розовой подкладкой“ керамика из нижнего слоя в Дабла Гоми (профили).

¹ Б. А. Куфтин. Некрополь в Колхиде. Заря Востока, Тбилиси, 1939, № 3, рис. на стр. 4.

² Подобный колхидский пифос мною замечен среди находок экспедиции Гос. Эрмитажа 1939 г. в Крыму в древнем Нимфее. По сообщению В. М. Скудной, пифос был найден у древней крепостной стены V—IV вв. вместе с рядом лежавшими обломком (дно) чернолаковой котиллы IV в. до н. э. и фрагментом кидика той же эпохи.

³ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 120, рис. 14, 3.

⁴ St. Przeworski. Der Grottenfund von Ordu. Archiv Orientalni, vol. VII, 1935, стр. 408, табл. XLVIIc.

терными чертами, общими на значительной территории. Большой частью — это широкогорлые горшки разной величины с высокой цилиндрической шейкой, достигающей в диаметре не меньше $\frac{2}{3}$ ширины всего сосуда, или глубокие чаши с выгнутым профилем, а также цилиндрической формы кружки. Венчики — простые или с утолщенным, но не завернутым наружу, краем. Ручек часто нет совсем или они мелкие, без проуха, или с круглым малым проухом, то одиночные, отходящие от края венчика, то парные — у перегиба плечиков в шейку.

К этой керамике примыкает по общему характеру и найденная Я. И. Гуммелем в Азербайджане менее тщательно отделанная керамика раннеметаллической эпохи из степанакертских курганов¹ и керамика из нижнего слоя так наз. Киликдагской „мастерской“, с кремневыми отщепами и каменными молотами „кульпинского“ типа.² Многослойность лепки получает здесь еще особое обоснование в установленных Я. И. Гуммелем тканевых прослойках внутри черепка этой посуды.

Керамика Сачхерского могильника, также более грубая по внешней отделке, может рассматриваться как некоторый дериват той же группы. Напротив, керамика нижнего слоя колхидских жилых холмов (Очемчири, Анаклия) совершенно независима от нее. Ее техническое несовершенство и примитивность формовки вовсе не могут служить указанием на ее большую абсолютную древность. Гончарное искусство имеет для этого слишком большое культурное прошлое еще в неолите. Формы сосудов, ручек, донышек говорят, напротив, об отражении на ней более поздних вкусов. Скорее мы имеем здесь дело со вторичным явлением технической неряшливости, которая найдет свое объяснение только в хозяйственно-бытовых условиях приморского населения Колхиды в древнеметаллическую эпоху.

Наконец, в том же направлении мною проводилась в течение четырех лет систематическая работа на территории грузинского Триалети, именно в Цалкинском районе. Раскопки здесь удалось поставить более широко, благодаря тому что постройка в долине р. Храма грандиозной гидро-электростанции предусматривала затопление значительной площади и это вызвало необходимость для Отдела охраны памятников Грузии выделить специальные средства на обследование и систематические раскопки археологических памятников, подлежащих уничтожению.

Территория Цалкинского плоскогорья, являющегося частью обширного плоскогорья М. Кавказа, привлекала к себе особое внимание археологов,³ во-первых, как один из богатейших районов древней добычи обсидиана, игравшего на Древнем Востоке значительную роль в торговых сношениях накануне появления металла, во-вторых, как район распространения циклопических крепостей,⁴ явно независимых от ванской

¹ Я. И. Гуммель. Раскопки в Нагорно-Карабахской Автономной Области в 1938 году. Изв. Азерб. фил. АН СССР, Баку, 1939, № 4, стр. 86—88.

² Он же. Археологическая разведка на Киликдаге. Изв. Азерб. фил. АН, т. 2, Баку, 1938.

³ А. С. Уваров и А. В. Комаров. Об обсидиановых орудиях, найденных на р. Цалке. [Информация.] Тр. V Археол. съезда в Тифлисе в 1881 г., М., 1887, стр. LXXXV, табл. 29. — П. С. Уварова. Коллекции Кавказского музея, т. V. Археология, Тифлис, 1902, стр. 100—101. — П. С. Иоакимов. Выписка из дневника археологических работ на Цалке. Изв. Кавк. общ. ист. и археол., т. I, вып. 1, Тифлис, 1882, стр. 7—9.

⁴ Е. Такайшвили. Археологические экскурсии, разыскания и заметки. Борчалинский у., Триалетское приставство. Изв. Кавк. отд. Моск. археол. общ., вып. III, 1913, стр. 14—15, 36—37, 50. — Л. М. Меликсет-Бекоев. Из материалов поездки на Цалку в 1924 г. Изв. Кавк. ист.-археол. инст., т. IV, Тифлис, 1926, стр. 133. — Он же. Новая проблема в истории Грузии. Мнатоби, 1925, № 2, стр. 222—223. [На груз. яз.] — Он же. Мегалитическая культура в Грузии. Матер. для истории архаического монументального искусства, Тбилиси, 1938. [На груз. яз.]

экспансии и связанных здесь с большим количеством разнообразных курганов, относящихся, как показали первые же наши раскопки (в 1936 г.) разграбленного кургана, к эпохе древней расписной керамики.

К подробному изучению курганов было приступлено в первую очередь, поскольку значительная часть их находилась на территории предстоящего затопления. На ряду с курганами раскапывались и другие могильники, лежащие на той же территории, а также пещерные стоянки, из которых одна в Бармаксызском ущелье дала прекрасно выраженную эппалеолитическую обсидиановую индустрию (рис. 6) с остатками лошади в культурном слое. Что же касается крепостных сооружений и мест древних поселений, расположенных большей частью на неподлежащих затоплению террасах, то их изучение не удалось поставить параллельно, вследствие строго целевого назначения отпускаемых Отделом охраны.

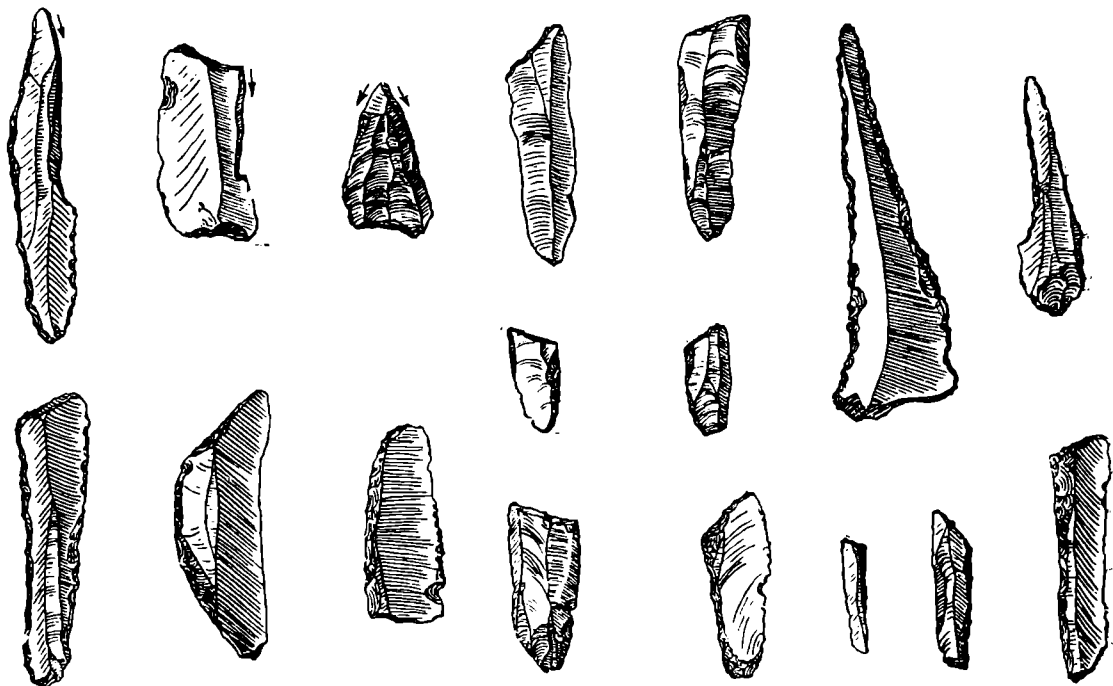

Рис. 6. Obsидиановые орудия из пещерной стоянки в Бармаксызском ущелье ($\frac{4}{5}$ нат. вел.).

памятников Грузии средств. Государственный Музей Грузии мог взять на себя лишь проведение сложной лабораторной обработки поступивших из раскопок в Исторический отдел Музея археологических коллекций. Таким образом в течение четырех лет мною был собран значительный материал, в основном связанный с различными погребальными памятниками, плотно укладываемыми, почти без пробелов, в большой промежуток времени от раннего металла и до сасанидской эпохи. Это обстоятельство позволило преодолеть в известной мере затруднения при хронологической периодизации материалов, почти лишенных опоры в памятниках с культурными слоями.¹

Сасанидские могильники дали инвентарь, датированный монетой Кавада. Это позволило, в свою очередь, легко выделить сходный инвентарь из раскопок Байерна и Такайшвили в Самтавро (Мцхета).

Беднее выявилась римская эпоха, но и она, вместе с небольшим материалом из прежних раскопок на Цалке, дала определенные ком-

¹ Б. А. Куфтин. Очаг древне-восточной культуры в Грузии. Заря Востока, Тбилиси, 1939, № 131, 10 июня.

плексы, сходные с некоторыми впускными погребениями в курганах, датированными римскими монетами и перстнями с сердоликовыми геммами этой эпохи. Также меньше других оказались изученными и могильники позднеэллинистического времени, к которым на Цалке относились прорезные бронзовые бляхи с изображением фантастических животных, хорошо известные по находкам в районе Главного хребта.¹

К следующей хронологической группе принадлежал могильник ахеменидской эпохи в урочище Нерон Дереси. Могильник этот уходил под массивные стены небольшой поздней циклопической крепости, сложенной без раствора из крупных камней с забутовкой более мелким камнем, и оказался, таким образом, *terminus post quem* для подобного рода построек, что замечательным образом соответствует свидетельству грузинского летописца Леонтия Мровели о первом появлении в Грузии построек „из камня на извести“ только в IV в. до н. э.²

Для самого могильника характерна подквадратная форма ящиков малого размера с сильно скорченными костяками. Инвентарь в точности совпадает с даблагомскими кувшинными погребениями, датированными колхидскими монетами. Независимо от этого, время могильника определено найденными в ожерелье одного погребения пронизками-геммами из синего стекла. Эти пронизки, в форме кирпичиков с пятью фасетками наверху, легко датируются на основании греко-персидских каменных моделей, происходящих с территории Малой Азии и относящихся к V в. до н. э. Как форма, так и изображения полностью совпадают: охота всадника с копьем на бегущих ланей, сражение конного воина с пехотинцем, бык, борющийся с Гераклом или, может быть, с восточным его аналогом и пр.³

Несомненно, старше этого могильника — другой могильник, раскопанный нами близ Бешташенской крепости. Его следует отнести к раннеахеменидской эпохе. В нем светлоглиняная посуда с охристой обмазкой преобладает над черной, характерной для следующего нижележащего слоя, сравнительно близкого по времени к тем могильникам с характерными массивными „булавками“, которые были раскопаны Ж. де Морганом в Лелваре (Армения).⁴ Подобные могилы найдены и нами в древней северной части Бешташенского могильника и в еще более древнем могильнике по другую сторону реки.

Наибольшую численно группу составляют грубаящичные индивидуальные погребения, относящиеся к развитой стадии древней железной эпохи. Основной инвентарь — несколько более поздний, чем культура, определяемая Ходжалинским курганом № 11,⁵ — состоит из железных наконечников копий, из ножей, кинжалов с бронзовыми головками, бронзовых стержневых длиннородчатых стрел, куполовидных бронзовых наверший и типичного ассортимента бус — сердоликовых, голубых пастовых разных форм с штриховой орнаментацией и белых тальковых, цилиндрических или призматических с глазками (типа „домино“), представляющих характерную местную особенность этой группы (рис. 7).

Хронологически близок к этому и могильник в урочище Маралын Дереси, заключающий в себе вещи кобанского типа — того варианта,

¹ П. С. Уварова. Коллекции Кавказского музея, V. Археология, Тифлис, 1902, стр. 98, № 2309.

² M. Brosset. Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX siècle. 1-re partie, 1849, стр. 23. [На груз. яз.]

³ A. Furtwängler. Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium. Berlin, 1896, стр. 19, табл. VIII, NoNo 185 и 184.

⁴ J. Morgan. Mission scientifique au Caucase, t. I. Paris, 1889, стр. 120—123.
Т. Пассек, Б. Латынин. Ходжалинский курган № 11. Изв. Общ. обслед. и изуч. Азербайджана, № 2, Баку, 1926.

который можно назвать колхидским, с присутствием в инвентаре типичных бронзовых или медных мотыжек, литых в односторонней форме. Характерный инвентарь этих могил сопровождался, кроме вышеуказанных бус „домино“, еще крупными палево-желтыми бородавчатыми бусами из стекловидной массы. В этом могильнике был найден, между прочим, глиняный кубок с густой светлозеленой глазурной поливой и бронзовый пояс с тонко гравированной сложной охотничье-мифологической двурядной композицией. Вся эта группа памятников легко помещается в эпоху ванской экспансии. По времени к ней близко и погребение в каменном ящике, с бронзовыми втульчатыми вилами (рис. 8), хорошо известными по целому ряду находок в курганах южного Закавказья. Генетически эти вилы, вероятно, связаны с несколькими, быть может, более ранними иранскими образцами бронзовых вилок без втулок (Тепе Сялк III, Тепе Гиссар III и пр.)¹

Несколько особое место занимает грунтовое погребение в Кушинском могильнике на Цалке, где был найден железный меч с особым типа бронзовой двураструбной рукоятью типа рукояти из Алигреха в Армении² и из Шагула-дере,³ которая легко сопоставляется с луристанскими формами.⁴

Следующим по возрасту памятником является Бешташенский могильник с глубокими грунтовыми погребениями, не заключающими в себе железных вещей. Инвентарь обнаруживает сходство с нижним этапом Самтаврского могильника, но древнее его (отсутствуют железо и бронзовые мечи, бусы — исключительно сердоликовые) и содержит примесь предметов кобанских и происходящих из южнозакавказских производственных центров. Так, в одном погребении одновременно находились типичные кобанский топор и кинжал и вместе с ними бронзовый кинжал с ажурной головкой ганджа-карабахского типа. На ряду с этим в погребениях отмечается ряд мало обычных для Закавказья черт: наличие золотой, а также серебряной отделки привесок, бус, браслетовидных височных колец типа, сходного с подобным кольцом, обнаруженным в Казахстане⁵ в кургане с „андроновской“ керамикой, и присутствие медно-бронзовых серпов (рис. 9, а), до сих пор, странным образом, почти неизвестных в археологическом материале Закавказья.

Погребальный инвентарь этих могил типичен. Так, в одном из погребений, содержащем бронзовый серп, находились двое бронзовых удил с псалями из рога оленя, кинжальный клинок одного из кобанских типов, конической формы бронзовый шлем, шитый из бронзового листа, с длинными наушниками по бокам, узкий бронзовый пояс и среди керамики кубок конической формы на высокой полой ножке, типа най-

Рис. 7. Бусы, пиленные из белого талька. Цинкарский могильник раннежелезной эпохи (1/5 нат. вел.).

¹ R. Ghirshman. Rapport préliminaire sur les fouilles de tepe Sialk, près de Kashann. Syria, XVI₃, 1935, стр. 244. — E. F. Schmidt. Tepe Hissar excavations 1931. The Museum Journ., v. XXIII₄, Philadelphia, 1933, pl. 116.

² Ерванд Лалаян. Раскопки курганов в Советской Армении. Ереван, 1931, рис. 112. [На арм. яз.]

³ J. Morgan. La préhistoire orientale, t. III, Paris, 1927, стр. 270.

⁴ A. U. Poppe. Exposition internationale d'art persan à l'Académie royale de Londres. Cahiers d'Art, Paris, 1931, стр. 34. — R. Forrer. Six bronzes préhistoriques du Louristan. Bull. de la Soc. Préhist. Française, 1932, № 4, кинжал № 4.

⁵ П. С. Рыков. Работа в совхозе „Гигант“ (Караганда). Изв. ГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 57, рис. 41, 2.

денного Баварном в Самтавро,¹ но большего размера. Кубок богато орнаментирован глубоко-резным прямолинейно-геометрическим орнаментом со стилизованными фигурами оленей и козлов.

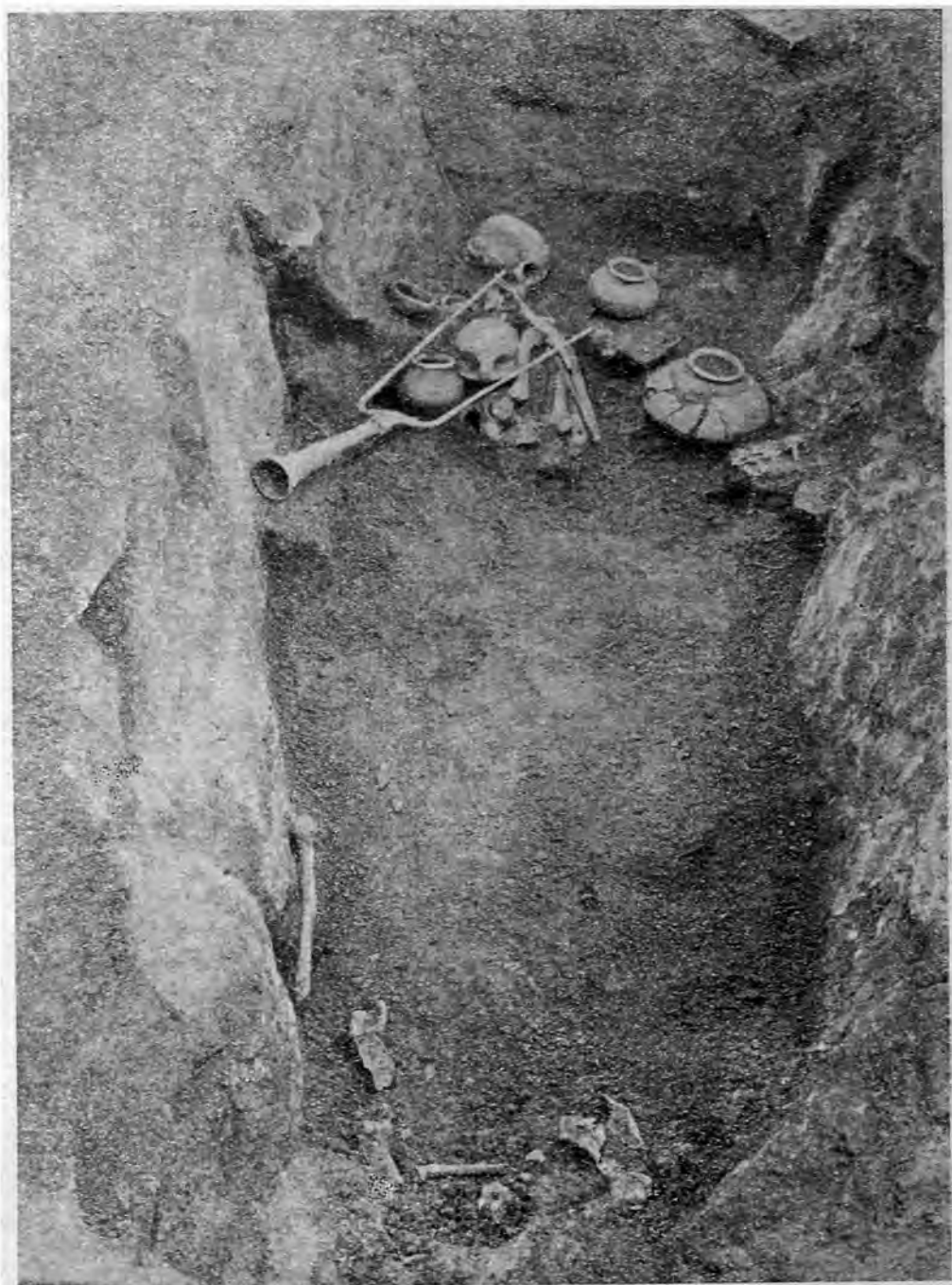

Рис. 8. Погребение № 35 Так-Киясинского могильника.

Особенно замечательно было присутствие в этих погребениях, вместе с бронзовым инвентарем, также серпов с кремневыми вкладышами, которые в ряде могил были отпрепарированы в своем естественном дугообразном расположении, сохранившемся после истлевания деревянной

¹ Fr. Bayern. Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde in Kaukasien. Berlin, 1835, табл. XIII₁₀.

основы (рис. 9, б). Так как подобные серпы окончательно вышли из употребления в Египте и Сирии только почти ко времени появления железа, не было неожиданным, что в могилах вместе с ними находились бронзовые втульчатые копья, шаровидные бронзовые булавы, булавки с отверстием, бронзовый „молоточек“¹ типа, близкого предмету из Ходжалинского кургана с бусой Ададнрари,² костяные трех- и четырехгранные стрелы, как в нижнем этаже Самтаврского могильника у Байерна. Скорее казалось странным, почему эти серпы, за исключением, может быть, отдельных вкладышей, не зарегистрированы до сих пор на остальной территории Закавказья.

Рис. 9. Медный серп (а) и набор кремневых вкладышей от серпа (б) из могилы № 4 Бешташенского могильника.

Весь рассмотренный нами, таким образом, ряд могильников (исключая курганные Цалкинского района), несмотря на обнаруженные в нем некоторые особенности, в целом не выступает из хорошо знакомой нам картины закавказского археологического материала с типичными для него бронзовыми изделиями, керамикой и ассортиментом бус. Совсем иное приходится сказать относительно цалкинских курганов. При всем разнообразии их возрастов и заключающегося в них керамического инвентаря содержимое курганов, не говоря уже о предметах из драгоценных металлов, вообще редких для этого времени, не обнаруживает никаких почти точек соприкосновения с известными нам археологическими памятниками Закавказья раннежелезной и позднебронзовой эпохи. Одно уже это обстоятельство при полном, вместе с тем, отсутствии следов железа сразу заставляет подозревать значительно более древний возраст даже для наиболее молодых (поздних) курганных погребений. Наличие же в них расписной керамики, нескольких неизвестных совсем в Закавказье типов или представленных там лишь случайными находками, без связи с инвентарем, делает возможным предполагать в цалкинских

¹ Т. Пассек, Б. Латынин, ук. соч., рис. 6.

² И. И. Мещанинов. Ассирийская бусина из Азербайджана. Изв. Общ. обслед. и изуч. Азербайджана, № 2, Баку, 1926. — Он же. Иригация в халдском периоде Закавказья. Сообщ. ГАИМК, 1931, вып. 6, стр. 13.

курганах свидетелей более близких отношений Закавказья к „основной передне-азиатской культуре“, чем это можно было думать до сих пор. Во всяком случае, найденная в одном из молодых курганов чашка сфероидальной формы с плоским дном и черной росписью по красной обмазке находит аналогию в наиболее древней группе закавказской расписной керамики из района циклопической крепости Кизыл-кала („Тазакенд“) на р. Занге,¹ а характер росписи некоторых других крупных сосудов типа гидрий без ручек, как и изданные недавно Я. И. Гуммелем² случайные находки 1928 г. близ Зурнабада, по сочетанию в них волнистого узора (схема изображения воды) с фигурами водоплавающих птиц (гусей) напоминает орнаментацию керамики 2-го эламского стиля.

В то же время чернолощенная курганная керамика с „розовой подкладкой“ примыкает сверху к керамике вышеупомянутого однородного для всего центрального Закавказья слоя, который я выделил как „культуру нижнего слоя зольных холмов и древнейших циклопических крепостей Закавказья“. Особенно замечательна в этом отношении близость к послед-

Рис. 10. Глиняные сосуды.

а — из Цалкинского кургана старшей группы с резными и выпукло-вогнутым орнаментом;
б — из нижнего слоя циклопических крепостей.

ней некоторых сосудов, между прочим, и по совпадению сложных орнаментальных мотивов из старшей группы курганов (рис. 10). Это обстоятельство позволяет установить сначала нижнюю границу цалкинских курганных погребений и отсюда провести уже с известной вероятностью периодизацию различных курганных типов в направлении реального движения исторического процесса, т. е. обратно тому, как мы шли до сих пор, а именно снизу вверх. Чтобы сделать это более ясным, нам придется вернуться еще раз к энеолитической керамике, о которой мы говорили выше в связи с находками ее поздней модификации в Дабла Гоми, так как с наиболее характерными формами этой керамики связано время возникновения циклопических крепостей и Цалкинского района.

К сожалению, как уже говорилось, необходимость в первую очередь использовать средства для исследования подлежащей затоплению долины не давала возможности приступить полностью к параллельным раскопкам мест поселений, расположенных выше, в частности циклопических крепостей. Однако проведенное мною в порядке разведок и научного контроля изучение некоторых из этих пунктов дало существенный материал для установления как первоначального времени возникновения здесь циклопических крепостей, так и для дальнейшей их истории.

¹ П. С. Уварова. Коллекция Кавказского музея, V. Археология, Тифлис, 1902, стр. 119, 122. — А. А. Спицын. Некоторые закавказские могильники. I. Могильники близ Кизыл-кала. Изв. Археол. ком., вып. 29, СПб., 1909, стр. 1—2, рис. 5, 9, 22.

² Я. И. Гуммель. Крашеная керамика в долине Ганджачая. Изв. Азерб. фил. АН СССР, Баку, 1939, № 5.

Наибольший интерес в этом отношении представила Бешташенская крепость, разрушенная до самого основания. Здесь, внутри крепостных стен, были обнаружены четырехугольные жилища с коридорообразным ходом вдоль одной из сторон, с каменным фундаментом стен и глинобитным „тондыром“ внутри помещения. Культурный слой под этими жилищами заключал кремневые вкладыши серпов (рис. 11, 3, 4) и керамику, типичную для соседнего могильника бронзовой эпохи. К этому же времени относилось и селище близ сел. Бармаксыз, в котором находились, кроме того, еще крупные зернотерки в виде четырехугольных туфовых плит и большое количество осколков обсидиана. Следующий слой, не везде хорошо выраженный, содержал своеобразную чернолощеную керамику с резным прямолинейно-геометрическим орнаментом — разнообраз-

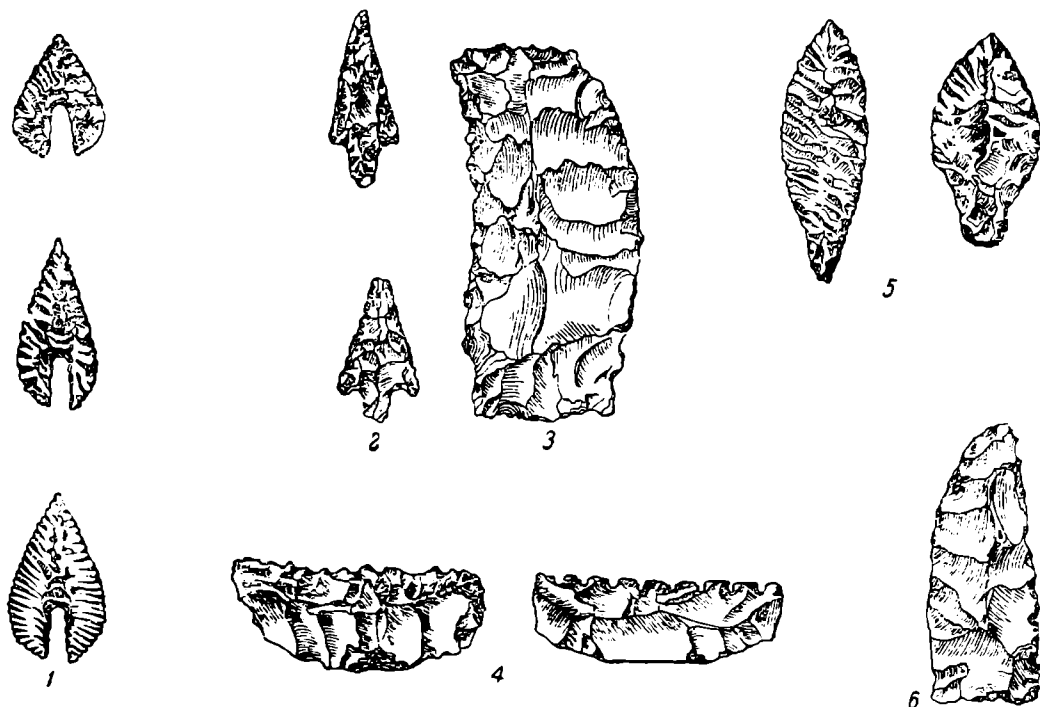

Рис. 11. Кремневые и обсидиановые орудия.

1, 3 — из Цалкинских курганов; 2 — 4, 6 — из Бешташенской крепости.

ным ленточным и штриховым. Наконец, самый нижний слой был обнаружен в трех местах в пределах Бешташенской крепости, а также в двух пунктах по соседству с крепостью: на противоположном берегу р. Герякчая, именно на площади могильника бронзовой эпохи, нарушившего этот слой, и на этой стороне реки, к северу от крепости — на площади могильника мидийской эпохи. Этот слой дал: кремневые, треугольные с шипами, стерженьковые наконечники стрел (рис. 11, 2); кремневый двусторонне обработанный широкий нож с отогнутым концом (рис. 11, 6); овальной формы зернотерки с длинными поперек ходящими ладьевидными курантами (их часто неверно принимают за самостоятельный основной камень); глиняную скульптурку быка или барана и керамику с характерным „слоистым“ строением черепка и тщательной обработкой обеих поверхностей при ручной лепке сосуда. Керамика обнаружена в двух разновидных комплексах с неясной пока стратиграфией между ними.

Один из этих комплексов, изученный по жилищной площадке с хорошо сохранившимся очагом каминнообразного вида, представляет вариант более массивной керамики без орнамента или с хорошо выраженным крупным лаконичным рельефным орнаментом (подковки, спирали), с сосудами

по форме плоскодонными, широкогорлыми, с высокой шейкой и ручками то ложными, то в виде пронизанного круглым проухом налепного полу шария с дужкой равной всюду ширины. Эта керамика приближается к находкам в Тбилиси—Дидубе, в Кикетах¹ и в Армении, напр. в Шенгавитском городище близ Еревана. В этом комплексе к керамике буролощенной или с черной наружной поверхностью присоединяются черепки с красной густой обмазкой, легко стирающейся.

Другой комплекс — по характеру сосудов, часто прекрасно обработанных, по их форме, узким вдавленным доньшкам, ручкам, отличающимся от предыдущих характерной выработанностью дужки с узким перехватом при том же основном строении в виде полушария, и, наконец, по своеобразному, технически и композиционно „вдавленно-выпуклому“ орнаменту — не отличим от керамики, раскопанной П. Ф. Петровым² в 1914 г. в сел. Малакю (Игдырского района) под слоем араратской лавы, сверх которой находился могильник с халдскими печатями, и от черной керамики, обнаруженной Лалаяном в Кюль Тапа (Нахичеванский район) под слоем полихромной расписной керамики.³ Эта керамика также полностью совпадает с образцами из холма Шреш Блур, Кюль Тапа (Эчмиадзинско-Вагаршапатского района), а также из Эйлара, обследованного впервые в 1928 г. Лалаяном,⁴ принявшим слой с этой керамикой за неолитический, хотя каменный топор здесь отсутствует и, очевидно, уже заменен металлическим.

Совпадают на всем этом пространстве и сопровождающие эту керамику некоторые особенности, напр. наличие дисковидных глиняных покрывок (с ручкой в середине блюдцевидного углубления), а также своеобразные подковообразные с ручкой глиняные подставки (для очагов?), которые известны почти из всех пунктов с этой керамикой:⁵ из Нахичевани, Малакю, древнего Армавирз, Каракурта (Саракамышского района).

Черные черепки, с замечательно блестящей наружной поверхностью, часто имеют в наших находках на светлой внутренней поверхности сосуда еще специальный красный прочный ангоб. Кроме того, к ним примешиваются в этом же слое фрагменты сосудов с высокими подножками, целиком покрытых блестящей красной вгерттой лощением краской, дающей, однако, поверхность, совершенно отличную от красной лощеной, с отделяющимся от черепка красочным слоем ванской керамики из Топрак-кале, древнего Армавира и из могильника в Малакю.⁶

В верхних частях этого слоя, близ того места, где была находима черная лощеная керамика с ленточным резным орнаментом, встретилось также несколько черепков со следами грубой росписи красной краской и один черепок, орнаментированный черными лаковыми заштрихованными треугольниками типа, не встреченного мною ни разу среди расписной курганной керамики Закавказья.

Погребения, относящиеся к культурному слою с подобной керамикой, прослежены пока только в двух случаях. В одном из них это оказалось,

¹ Евг. Пчелина, ук. соч., стр. 159, рис. 2—7.

² Б. А. Куфтин. Колумбарий ванской эпохи в районе Арарата и подстилающий его культурный слой зольных холмов Закавказья. Предварительные данные о раскопках П. Ф. Петрова в 1913 г. в с. Малакю. Bull. du Musée de Géorgie, t. X, Tbilisi, 1940.

³ Е. А. Лалаян. Археологические раскопки в Эриванской губ. Изв. Археол. ком. Прибавл. к вып. 14, СПб., 1905, стр. 48. — О н ж е. Нахичеванский район. Azgagrakan Handess, XIII, 1905, стр. 207—208. [На арм. яз.]

⁴ Ерванд Лалаян. Раскопки курганов в Советской Армении. Ереван, 1931, стр. 35, сл., 60. [На арм. яз.]

⁵ Б. А. Куфтин. Колумбарий Ванской эпохи., рис. 20.

⁶ С. F. Lehmann-Haupt. Armenien einst und jetzt, Bd. II. Berlin, 1931, стр. 575—580.

неожиданным образом, обычное по внешнему виду ящичное, сильно скорченное погребение с двумя типичными сосудами и кусочками каких-то окаменелостей (пластинка дентина от зуба гигантского млекопитающего?). В другом случае это было погребение под камнем; на утолщенном каменными плитами дне могилы находилось как бы вторичное захоронение костей трех человек с семью глиняными сосудами и двумя осколками обсидиана. Посуда этих погребений, состоящая из широких чашек и маленьких горшков типичной формы и техники, без орнамента, занимает какое-то промежуточное положение между двумя вышеописанными разнообразными комплексами керамики из нижнего слоя крепости.

Установив, таким образом, характер керамики нижнего слоя древних циклопических крепостей на Цалке, можно перейти к рассмотрению места, занимаемого в отношении их курганами. Так, старшая группа курганов имеет по характеру керамики заметное соприкосновение со вторым вариантом „энеолитического“ культурного слоя. Это сказывается, прежде всего, в некоторой общности схемы построения сосудов, именно в склонности к очень узким доньшкам, часто с углублением внизу, и к широким высоким шейкам — всегда с перегибом у плечика, а также в сходных приемах комбинированной орнаментации, резной на шейке и вогнуто-выпуклой на брюшке, с характерной разработкой узора в перевернутой симметрии (рис. 10). Форма сосудов, однако, совершенно своеобразна: это кувшины и кружки с конически суженым низом и резко вздутым средним поясом корпуса, отделяющимся перегибами как от нижней части сосуда, так и от верхней — широкой шейки. Кувшины, таким образом, если откинуть наличие ручек, поразительно напоминают, несмотря на всю огромную разницу в их хронологической датировке, среднедунайскую керамику, особенно гемейнлебарнскую галльштаттской эпохи, причем сходство усугубляется, помимо формы кувшинов, характерным черным лоском поверхности и выпукло вдавленным орнаментом брюшка со спиральными мотизами, т. е. с чертами, во всяком случае, присущими керамике нижнего слоя циклопических крепостей.

Форма среднедунайских кувшинов галльштаттской эпохи прослеживается, как известно, и на территории северного Причерноморья до Северного Кавказа, где мы видим ее на примере кувшина с гравированными оленями из Ставропольского музея,¹ датированного той же галльштаттской, предскифской эпохой. Факт значительного сходства настолько разителен, что его нельзя обойти молчанием, несмотря на то, что он не поддается пока никакому объяснению. Еще не прослежена реально усмотренная Гернесом² возможность связывать галльштаттскую керамику по технике и орнаментации (также и росписи) непосредственно с какими-то сохранившимися на месте или продвинувшимися с юго-востока пережитками древних неолитических и энеолитических традиций, отгесненых повсеместно почти полностью в эпоху бронзы. Намеченный А. А. Спициным³ переход некоторых оседло-земледельческих обществ Триполья (минуя господствовавшую здесь во II тысячелетии стадию скотоводческо-земледельческих хозяйств со шнуровой керамикой) в доскифскую культуру больших городищ типа Немировского требует еще проверки. В районе Цалки чернолощенные кувшины со вздутым средним поясом корпуса и суженной нижней частью не наблюдаются в более поздние эпохи, ограничиваясь курганами древнейшей группы. Весьма

¹ А. А. Иессен. Северо-кавказские сосуды с изображением оленя. Сообщ. ГАИМК, 1931, стр. 15.

² Hoernes-Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Wien, 1925, стр. 488—491.

³ А. А. Спицын. Скифы и Гальштатт. Сб. А. А. Бобринскому, СПб., 1911, стр. 162.

существенных указаний об отношении северокавказского „галльштэтта“ к керамике типа энеолитических крепостей Закавказья возможно ожидать от исследований в северном Дагестане, куда, судя по материалам из последних раскопок А. П. Круглоба,¹ проникают и эти ранние закавказские формы, в частности и „мешочный“ (по Я. И. Гуммелю) вариант керамики.

Погребения в старшей группе цалкинских курганов находятся на дне глубоких ям под центральной частью насыпи. Форма ям круглая или округло-четырёхугольная в три и более метров диаметром. В одном случае глубина ямы достигала 9.5 м от верха насыпи или 8 м от поверхности грунта. Несмотря на колоссальную энергию, затраченную на сооружение этих курганов, инвентарь их крайне беден и в лучших случаях

состоит из двух, трех глиняных сосудов. При обычно полном истлевании костяка часто дно ямы ничего не содержит кроме единичных черепков. Нами было раскопано шесть таких курганов и несколько типологически примыкающих к ним, но с иного характера керамикой, на которой я не имею возможности здесь остановиться.

В результате, в двух случаях по следам костяков удалось установить, что покойника клали в скорченном положении с сосудом у головы. Из металлических предметов были найдены только типичное четырехгранное заостренное в обе стороны шиловидное долото и плоский медный клинок

Рис. 12. Гематитовый наконечник булавки из Цалкинского кургана.

с суженным основанием (сильно разрушенный). В засыпи ямы кургана № XIX оказалось два разной формы обсидиановых наконечника стрелы. Наконец, сюда же можно отнести еще сделанную в одном кургане крестьянами находку сверленной гематитовой булавки округло-грушевидной формы (рис. 12).

Вторая, более молодая группа курганов, раскопанная в количестве двенадцати типичных и нескольких переходного характера курганов, представляет, в свою очередь, два разных курганных типа. Деление основывается на характере керамики и устройстве курганного погребения в одном случае в обширной могильной яме, в другом — на поверхности грунта под насыпью. Хронологические взаимоотношения между обоими курганными типами не даны непосредственно и выясняются лишь путем косвенных соображений. Курганы безъямные, в свою очередь, не являются однородными и объединяют, повидимому, различные виды, относительный возраст которых недостаточно еще прояснен. В одном лишь случае удалось установить стратиграфию двух курганных погребений — одного из старшей курганной группы, в яме, и другого из молодой группы безъямного варианта — погребения, расположенного поверх засыпанной ямы непосредственно под насыпью. При этом втором погребении находился один черный двуручный сосуд, серо-синий глазурованный бисер, золотой полый бисер, аметистовые и сердоликовые подвески (одна в форме человеческой ноги) и четыре цилиндрических завитка из золотой двойной проволоки. Это наблюдение, во всяком случае, подтверждает большую древность вышерассмотренной первой курганной группы с узкодонной керамикой.

¹ Краткие сообщения ИИМК, вып. V, стр. 66.

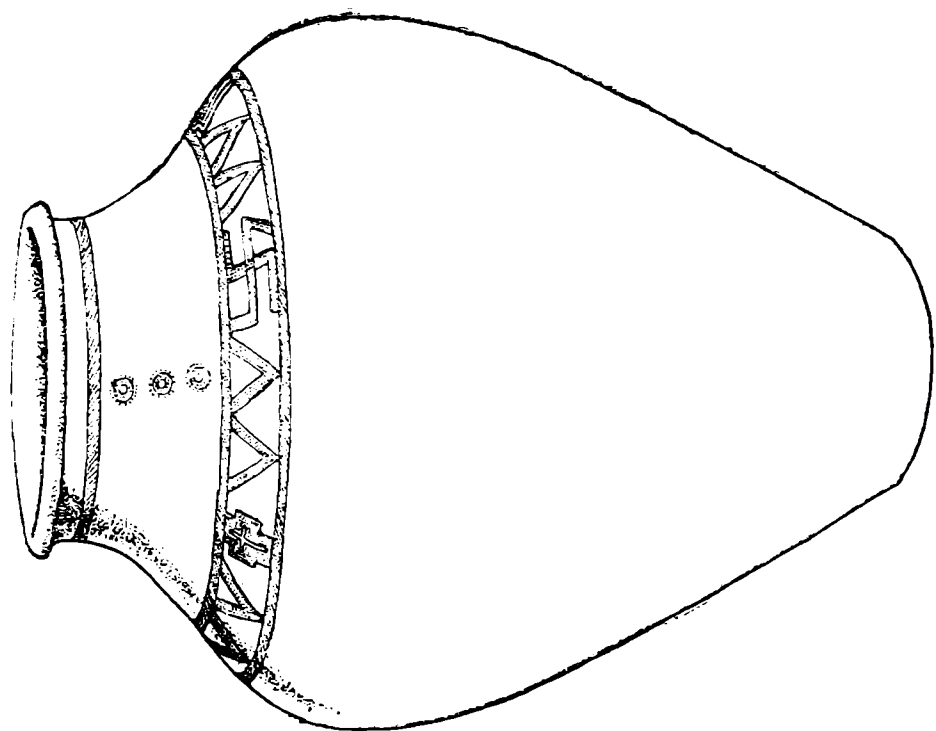
Основная масса курганов второй группы как ямных, так и безъямных, связываясь с древней группой техническими чертами, присущими чернолощеной керамике, характеризуется отличными от древних курганов общими чертами: обычаем класть погребяемому драгоценный золотой или серебряный кубок для питья (в пяти случаях), золотую арматуру от „стандарта“, реже личные золотые украшения, а также крупные глиняные сосуды (типа гидрий и пифосов) без ручек или с двумя маленькими дужками на плечиках. Общим для обоих курганных типов молодой группы являются также и редкие случаи нахождения в них оружия, представленного два раза серебряными кинжальными клинками, один раз бронзовым копьем и кинжалом и несколько раз обсидиановыми стрелками (рис. 11, 5).

Очень выразительна керамика, состоящая из двух главных групп, которые встречаются совместно: черной лощеной, с „розовой подкладкой“, с украшениями, с остроугольно-ленточным орнаментом (рис. 13) и светлой расписной. Эта светлая расписная керамика, чуждая древней группе курганов, принадлежит в младших курганах к двум разным типам, связанным один с ямными и другой с безъямными погребениями. В ямных курганах молодой группы расписные сосуды отличаются черной блестящей росписью по красной лощеной, но не прочной обмазке. Основным мотивом орнаментации является система шевронов, заполненных волнистыми линиями внутри, и фигурами птиц и свастики в свободных полях (рис. 14,а). Этот род керамики, вполне сходной с зурнабадскими сосудами,¹ ни разу не был встречен у нас в курганах с погребениями на грунте, где мы видим другой род расписной керамики, тоже монохромной, с черной лаковой росписью, но по светлокремовому лощеному прочному ангобу. В состав орнамента входят мотивы, среди которых характерны спиральные волюты и розетки. Однажды эта керамика оказалась в ямном курганном погребении (курган № XVII), отличавшемся особенным богатством и величиной (размер ямы достигал 14 м длины, 8,5 м ширины и 6 м глубины). На ряду с ней здесь был найден сосуд переходного типа между красной керамикой и светлоангобированной (рис. 14,б). Остальной инвентарь этого кургана состоял: из золотого кубка с ажурной ножкой,² богато отделанного филигранью, зернью и вставными камнями (рис. 15); из серебряного, украшенного золотом ведерка с чеканным изображением охотничьих сцен и ряда оленей (рис. 16,б); серебряных же булавок с золотыми шаровидными головками с филигранью и вставными камнями; золотого диска с выдавленным узором; серебряного клинка (рис. 17,а), золотого стержня неясного назначения; совершенно истлевшего медного котла и серо-синего глазурованного бисера.

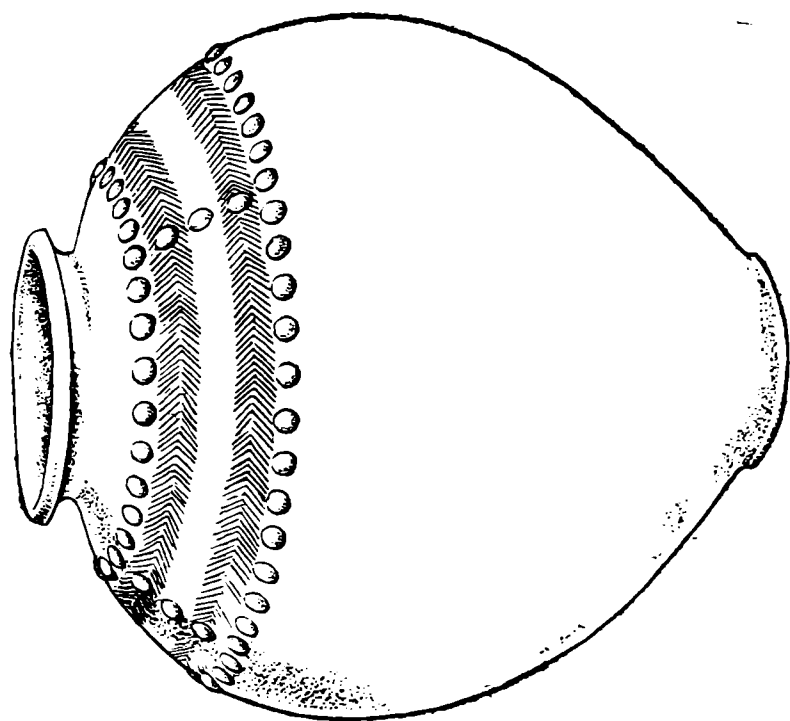
К серебряному ведерку этого кургана близко примыкает по стилю чеканки серебряный кубок с культовой сценой и оленями из другого уже безъямного кургана № V, заключавшего в себе также ряд глиняных сосудов, тождественных во всех деталях формы и орнамента с сосудами кургана № XVII. Кроме того, в кургане № V находились золотая трубка от арматуры древка и шнуров „стандарта“, орнаментированная зернью золотая пластинка, золотые ребристые бусы, золотой и серо-синий глазурованный бисер общего для младших курганов типа, золотая фигурка животного (козла) с деревянной основой на каменной подставке, обсидиановые наконечники стрел и обсидиановые диски.

¹ Я. И. Гуммель. Крашеная керамика в долине Ганджа-чая. Изв. Азерб. фил. АН СССР, Баку, 1939, № 5, стр. 37—41.

² Б. А. Куфтин. Раскопки в Цалке. Очаг культуры хеттской эпохи на территории Грузии. Вечерний Тбилиси, 1938, № 270, 26 ноября, рис. 1 и 2 на стр. 2.

б

а

Рис. 13. Чернолощенная керамика с "розовой подкладкой" из кургана младшей группы № XVII с шипечным и тонко-гребенчатым штампованным ленточным орнаментом.

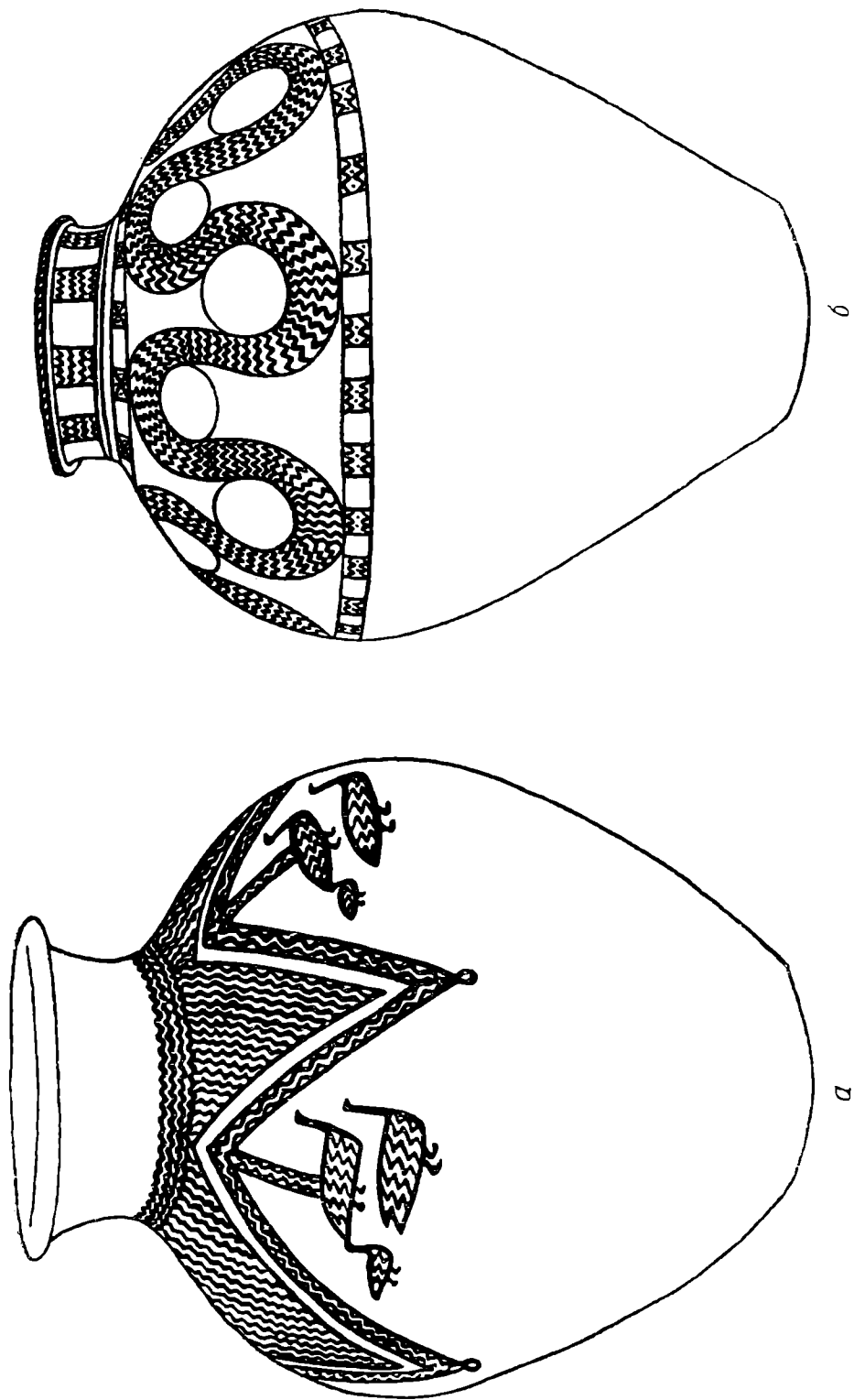

Рис. 14. Глиняные сосуды.

а — красивый расписной сосуд из кургана № VII; б — красивый с легким беловатым а:гобом расписной сосуд из кургана № XVII.

В другом безъямном кургане, с керамикой совсем особого типа (с глубоко-резным орнаментом), находилось золотое ожерелье из крупного размера (в большой грецкий орех) шаровидных бус, украшенных зернью и вставными камнями, и вделанного в золото агатового кулона.¹ Здесь имелись очень большой величины золотые височные завитки (рис. 18) и золотой, а также серо-синий глазурированный бисер.

Ямный курган № IX, с красной расписной керамикой типа зурнабдских сосудов, имел из металлического инвентаря только полушарную

гладкую, с выступающим доннышком чашечку, прекрасно кованую из червонного золота (рис. 16, в). В другом, более содержательном, кургане этого рода (№ XV) находились две серебряные гладкие чашечки той же техники изготовления, но иной острорезной формы (рис. 16, а), бронзовая кованая ваза с полой ножкой, золотая арматура погребального стандарта (барaban с рельефным изображением четырех львов), бронзовый кинжал (рис. 17, в), тончайшей работы, бронзовое втульчатое копьё с серебряной обоймой (рис. 17, г), десять обсидиановых и одна кремневая стрелка с глубоким прямоугольно-выемчатым основанием (рис. 11, 1), крупные бусы из сердолика и шаровидные пастовые с яркой сине-зеленой глазурью.

Погребальная обстановка грунтовых и ямных погребений этой более молодой группы курганов в общем, повидимому, являлась сходной, но только для ямных погребений удается установить существовавшее некогда покрытие погребальной площади бревенчатым накатом с одного края

ямы до другого. На дно ямы, до 6 м глубины от поверхности грунта, вел обыкновенно дромос. Погребальная площадка обставлялась по краям большими сосудами. Снаружи от них, и частью во внутреннем пространстве, находились кучи отдельных костей домашних животных (быка, мелкого рогатого скота, свиньи), а также целые туши и шкуры с остатками ножных костей, конечных хвостовых позвонков и черепа. Следов костей покойника, за исключением коронок зубов, при всей тщательности препарировки в больших курганах ни разу обнаружить не удалось. Центральная часть погребальной площади обычно оставалась пустой. Это заставляло даже иногда предполагать ее ограбление через колодец в вершине кургана. Однако в 1939 г. в кургане № XXIX, в центре ямы, была найдена

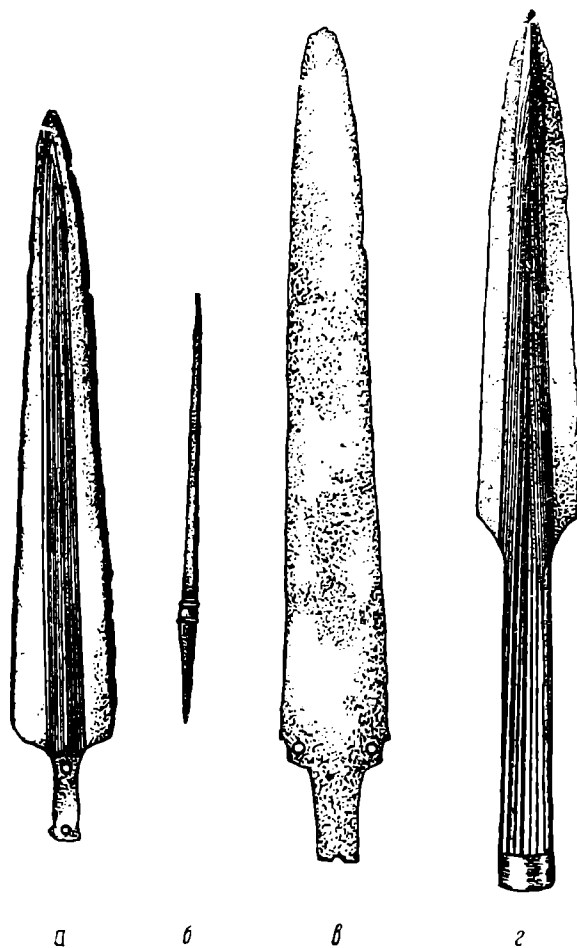

Рис. 17. Металлические предметы из младшей группы Цалкинских курганов (1/2 нат. вел.).

а — серебряный клинок кинжала из кургана № XVII; б — бронзовое шило; в — кинжал; г — наконечник копья из кургана № XV.

¹ См. рис. в газете „Вечерний Тбилиси“ (1938, 28 июля).

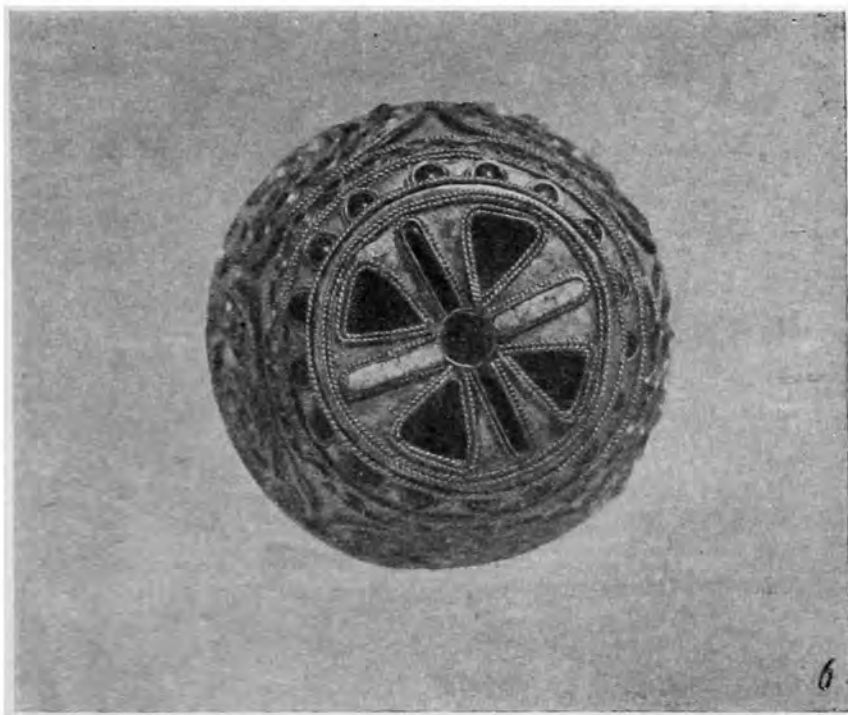

Рис. 15. Кубок из червонного золота, украшенный филигранью, зернью и вставными камнями из кургана № XVII ($\frac{2}{3}$ нат. вел.).

a — вид сбоку; *b* — вид со дна.

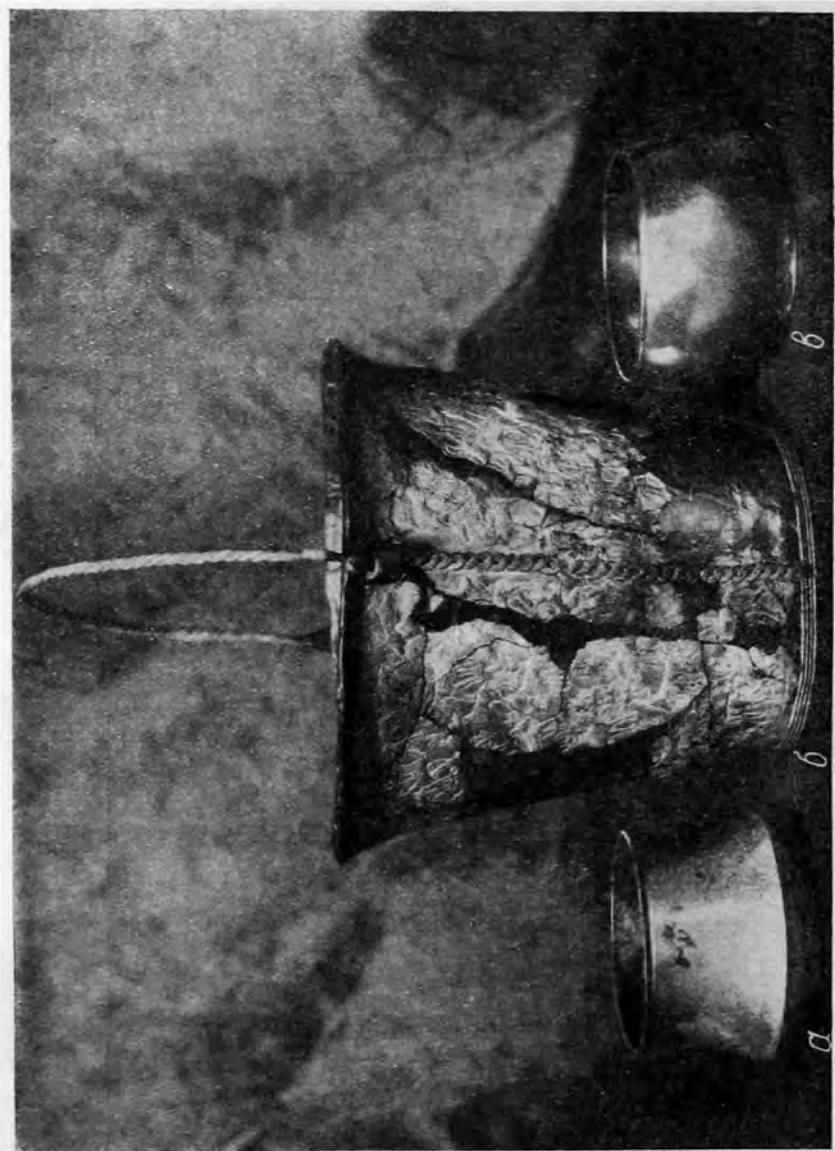

Рис. 16. Сосуды из младшей группы Дзалькинских курганов ($\frac{2}{5}$ нат. вел.).

а — серебряная чаша из кургана № XV; б — серебряное ведро с чеканным изображением охотничьих сцен и с золотой отделкой из кургана № XVII; в — чаша из червонного золота без орнамента из кургана № IX.

деревянная четырехколесная повозка, не имевшая дышел и оглобель, без костных остатков покойника, но с инвентарем (крупные золотые височные завитки, серебряный клинок кинжала, бисер от головного украшения и часть вязаного чулка), но без костных остатков. Эта находка позволяет думать, что погребальная колесница могла помещаться и в тех случаях, когда при раскопке кургана не было обнаружено повозки, но оставалось свободное пространство на погребальной площади, на которой она могла находиться. Это предположение подтверждается также и тем, что раньше в некоторых случаях нами уже были зарегистрированы на дне погребальных ям две глубокие „колеи“ со следами дерева.

Что касается возраста курганов младшей группы, то к его определению возможно подойти прежде всего путем сравнения золотого и серебряного инвентаря этих курганов с инвентарем царских погребений в Уре и находками в Уруке первой половины III тысячелетия до н. э. Обработка

Рис. 18. Золотые височные украшения из кургана № VIII (1/3 nat вел).

верхнего края золотой чашечки (рис. 16, в) из кургана № IX близко напоминает подобный край на малой золотой чаше царя Мескаламдуга. Способ прикрепления петель для дужки у серебряного ведерка — с помощью припаянных к краю вертикальных трубочек — близок к приему подвешивания серебряных и золотых сосудов в Уре через парные трубочки, припаянные к их краям.

Техника изготовления золотой скульптурки козла из кургана № V напоминает тот же прием золотой оковки деревянной формы на известных урских фигурках козлов, стоящих у дерева на задних ногах.¹ Техника устройства глаз на нашей скульптурке при помощи скорлупчатой основы — вполне сумерская и совпадает целиком с подобным же устройством глаз у упомянутых золотых козлов из Ура. Близкую аналогию в сумерских украшениях находят и золотые височные завитки.² Кулон в форме V из плоского агата³ в золотой оправе и с золотыми капсулами на концах принадлежит к популярному в Сумере типу украшений. Особенно пока-

¹ C. L. Woolley. Ur Excavations, vol. II. The Royal Cemetery. New-York, 1934, pl. 87—90, стр. 264—266.

² Woolley, ук. соч., pl. 146.

³ См. рисунок в газете „Вечерний Тбилиси“ (1938, 28 июля). — Woolley, ук. соч. стр. 342, рис. 79.

зательно сопоставить наш кулсн с агатовым кулоном из ожерелья, найденного в 1936 г. в Уруке¹ и принадлежащего, судя по надписи на одной из бус, жрице Абабашти. При сходстве в общем характере и в технических деталях — за исключением того, что в кулоне из Урука цветные камни в гнездах замешены эмалью, — оба кулона поразительно совпадают в архаичном приеме их скрепления в ожерелье путем трудного просверливания вдоль тонких агатовых пластин вместо использования для этого золотых капсул.

Наконец, находит себе реплику в наших серебряных кинжальных клинках и шумерский обычай изготовлять царское оружие из драгоценных металлов.

Однако при указанных чертах сходства еще сильнее проявляются различия, свидетельствующие о самостоятельности и о значительно большей молодости открытой нами культуры, несмотря на то, что связь ее с расписной керамикой, частью близкой 2-му эламскому стилю, могла бы говорить о еще более почтенном ее возрасте. Совершенно недопустимо, чтобы при значительно более слабом уровне зерновой техники в древнем Шумере в эпоху, близкую к царским погребениям в Уре, мог быть изготовлен удивительный золотой кубок из кургана № XVII. То же можно сказать и о шаровидных бусах с камнями и восьмерковидными волютами типа шумерских серег (инв. 11584, Рб 138), слабую аналогию для которых мы находим только в бусе из купольной гробницы в Вафио² середины II тысячелетия, когда зерновая техника получила уже в ряде стран значительное развитие. Новым, неизвестным для шумерской торовтики является и употребление циркульной правки стенок выковываемого сосуда с упором на дно; примеры этого мы имеем в наших золотой и серебряной чашечках и серебряной кружке из курганов №№ IX, XV и XVI.

Наконец, ничего общего с шумерским не имеет и стилистический характер чеканных изображений на серебряном ведерке и серебряном кубке, тесно связанных между собой общим мотивом и приемами трактовки идущих оленей. К сожалению, не имеется параллелей для этих уникальных предметов, чтобы получить материал для сравнения. Но совершенно очевидно сходство при полном отсутствии более поздних ассирийских черт с древнейшими образцами малоазиатского „хеттского“ искусства. Длинный ряд однородных паратактически расположенных фигур встречает некоторые аналогии в барельефах в Язили Кая. Одевание персонажей — короткие туники с бахромой, высоко поднятые носки обуви — имеет хеттский характер. В то же время наблюдаемые на наших памятниках своеобразные черты — общее содержание композиции приношения, характер сидения, волчьи хвосты как принадлежность костюма, тип священного дерева на кубке (род кедра или другого хвойного) и многоплановое расположение животных и деревьев на ведерке — говорят о значительной самостоятельности этого искусства и о каких-то особых архаических традициях, которыми оно питалось. Так, форма дерева на кубке и ведерке ближе всего стоит к изображениям дерева на раннединастической египетской шиферной палатке.³ Композиция животных и ландшафта встречает аналогию в известной египетской золотой оправе кремневого

¹ A. Nöldeke, A. Haller, H. Leuzen und E. Heinrich. Achter vorläufiger Bericht über die von der deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka unternommenen Ausgrabungen. Abh. d. Preuss. Akad. der Wissensch., Jahrgang 1936, Phil.-hist. Kl., № 13, Berlin, 1937, стр. 23, табл. 39, 2.

² Mare Rosenberg. Geschichte der Goldschmiedekunst auf technischer Grundlage. Granulation. Frankfurt a/M., 1918, стр. 33—34, рис. 49, 10. — *Τροῦντας Ἐφημερίς Ἀρχαιολογική*, 1890, табл. 7 (правый рис. сверху).

³ Jean Capart. Les débuts de l'art en Egypte. Bruxelles, 1904, стр. 234, рис. 159—160.

ножа¹ и в ряде других охотничьих сцен, начиная с додинастических палеток, где между прочим имеются изображения охотников с привесными волчьими хвостами, вошедшими позднее и в официальное облачение фараонов и богов.²

Если Б. В. Фармаковский с значительной убедительностью привлекал столь же древние египетские памятники к выяснению источников композиции калакейтских поясов, то мы в нашем случае можем сделать это еще с большим правом. Все это несомненно указывает на какую-то независимую от сумерской культурную струю, которой питалось древнее искусство времени цалкинских курганов в эпоху, близкую возникновению хеттских наскальных изображений и других каменных барельефов, не содержащих параллелей с ассирийскими.

Особенно убедительно на эту более позднюю, чем дают сумерские аналогии, датировку наших памятников указывает находка в кургане № XV прекрасного бронзового втульчатого копья с серебряной оправой. Как известно, втульчатое копье является совершенно чуждым предметом для всего Переднего Востока и Кипра. Из Трои (только из VI города) происходит всего единственный экземпляр. На Крите встречены лишь уклоняющиеся нетипичные формы того же времени, и только в Микенах втульчатые копья оказываются более обычными, начиная с IV шахтовой гробницы, откуда происходит копье изящной формы, датируемой XVII в. до н. э. Зато эти копья получают широкое распространение в это приблизительно время в Западной Европе (2-й период Монтелиуса). Так как на Северном Кавказе втульчатые копья появляются также лишь в самом конце бронзы (напр. станица Крымская), то совершенно естественно, что цалкинская находка копья ни в коем случае не может быть датирована эпохой более ранней, чем IV шахтовая гробница в Микенах и VI город Трои. Это является *terminus post quem* для всей молодой группы наших курганов.

В то же время, как мы уже видели, не имеется никаких оснований еще более приближать к нам эпоху вновь открытой культуры, резко отличающейся от всей известной поздней закавказской бронзы. Действительно, рассмотренная нами серия местных могильников, кончая наиболее древними с медно-бронзовыми и кремневыми серпами, обнаруживает полное несовпадение с курганами и по ассортименту бус, этого наиболее подвижного товара. Последнее является со своей стороны также веским аргументом против возможности синхронизировать курганные комплексы с любой из изученных нами могильных групп, тем более, что стилистические особенности курганных цалкинских художественных изделий резко отходят от всего того, что мы знаем в искусстве и художественной промышленности ахеменидской, ванской и ассирийской. Но кроме того, реальность подобных предположений вообще совершенно исключается тем обстоятельством, что культура поздних цалкинских курганов еще совершенно не знает железа и обрабатывает железную руду, гематит только холодным способом — оббивкой, шлифовкой и сверлением, как это видно по вышеупомянутому наконечнику булавы, происходящему, правда, из более древнего, видимо, кургана. Вместе с тем обращает внимание и полное отсутствие костей лошади среди многочисленного остеологического материала, собранного в курганных погребениях младшей группы, в то время как домашняя лошадь хорошо уже известна на Цалке и вообще

¹ Жан Морган. Доисторическое человечество, М. — Л., 1926, стр. 214, рис. 125. В книге G. Childe „New light on the most ancient East“ (London, 1935, стр. 123, рис. 52) рукоять ошибочно названа костяной.

² В. В. Струве. Эрмитажная стела Харемхеба. Ежегодник Инст. ист. иск., т. I, 1922, стр. 92. Ср. также табл. 185 и др. у: H. Schäfer und W. Andrae. Die Kunst des Alten Orients. Berlin, 1925.

в Закавказье в эпоху поздней бронзы (бронзовые удила вместе с бронзовым серпом в могиле № 13 Бешташенского могильника). В этой связи получает известное значение для датировки нашей культуры и найденная нами в кургане № XXIX деревянная повозка, введенная в погребальную яму, судя по отсутствию оглобелей и дышла, без помощи упряжных животных. Повозка эта своим четырехколесным типом, размерами, свободным вращением колес без спиц, трехчастным их строением напоминает древнейшие шумерские колесницы,¹ несмотря на имеющиеся различия в форме колесных сегментов и в замене шпонок для их соединения внутренними шипами, что, возможно, зависит и от характера древесных пород, служивших в нашем случае материалом для колес. В царских погребениях в Уре колесницы найдены вместе с быками, запряженными в них, хотя в додинастический период в Сумере пользовались также мулом и лошадью для передвижения в четырехколесных, а также и в двухколесных колесницах.²

Но во II тысячелетии в большинстве стран Древнего Востока, согласно многочисленным ассирийским, хеттским и египетским изображениям, четырехколесная колесница — бытовавшая, судя, напр., по глиняным моделям из Тепе Гавра³ или бронзовой северносирийской⁴ и по известной ливерпульской каппадокийской таблетке,⁵ также и в северной Месопотамии и Малой Азии — исчезает, и господствует исключительно двухколесная боевая колесница с колесами на спицах, запряженная лошадьми, как мы видим ее и на лелварском поясе, опубликованном Ж. Морганом.⁶

Все сказанное заставляет меня рассматривать вещевой комплекс позднейших цапкинских курганов как культуру достаточно архаичную и значительно отдаленную от более или менее однородного и взаимосвязанного материала поздней закавказской „бронзы“ в разных ее вариантах и видах.

Для более точного определения верхней границы не имеется пока еще необходимых данных, но ясно, что ее трудно продвинуть далеко вперед за середину II тысячелетия до н. э. Некоторой опорой для установления указанного промежутка может пока служить только рассмотрение расписной керамики Закавказья, хотя и плохо еще изученной, но несомненно образующей ряд последовательных хронологических групп.

Если не считать расписной керамики кувшинных погребений Мильской степи,⁷ датируемых парфянской эпохой, то наиболее младшую группу представляет керамика (горшки с кнопочной ручкой и трубчатым носиком, конические тарелки с петлей) с сочной красной лаковой росписью (особенно нижних частей сосудов), добытая А. А. Миллером⁸ в Кизил Ванке Нахичеванской АССР вместе с темноглиняной посудой в двух каменных гробницах с коллективными (разновременными?) погребениями и железными предметами (ножи) в сопровождении обсидиановых наконечников стрел и ассортимента бус, обычного для южнозакавказских могильников конца бронзовой эпохи.

¹ C. L. Woolley, ук. соч., стр. 64, 108, 109, табл. 33, 62.

² C. L. Woolley, ук. соч., стр. 271, 376, табл. 181. — G. Child, ук. соч., стр. 161, рис. 59. — British Mus. Quarterly, v. VIII, 1933, № 39.

³ E. A. Speiser. Excavations at Tepe Gawra, v. I. Lewels, I—VIII, Philadelphia, 1935, стр. 163, табл. XXXVa.

⁴ St. Przeworski. Altorientalische Altertümer in skandinavischen Sammlungen. Eur. Sept. Ant. X., Helsinki, 1936, стр. 88—89, рис. 14.

⁵ G. Couteau. Les tablettes de Kerkouk et les origines de la civilisation Assyrienne. Extr. de Babyloniaca, t. IX, fasc. 2—4, Paris, 1926, рис. 58.

⁶ J. Morgan. Mission scientifique au Caucase, t. I, Paris, 1889, стр. 141, рис. 145.

⁷ А. Алекперов. Материалы по археологии и этнографии Азербайджана. Изв. Общ. обслед. и изуч. Азерб., № 4, Баку, 1927, стр. 242.

⁸ А. А. Миллер. Археологические исследования в Нахичеванской республике летом 1926 г. Сообщ. ГАИМК, I, Лгр., 1926, стр. 326.

Следующую группу образует полихромная керамика (высокогорлые кувшины с ручкой и „чайники“) с сухой матовой росписью в виде сетчатых треугольников в две краски (черная и красная), происходящая из 6 могил, раскопанных акад. И. И. Мещаниновым¹ в 1926 г.; каждая из этих могил содержит также по несколько погребений, инвентарь которых — без следов железа — состоял из крутоплечих бронзовых кинжальных клинков, длиннородчатых бронзовых черенковых стрел с выступающим осевым ребром и из темноглиняной посуды. Повидимому, к еще более древней группе следует отнести большую часть сосудов из коллекции Исторического музея, собранной Н. В. Федоровым² в 1895 г. и содержащей в себе примесь образцов первой и второй групп. При сходных с предыдущей группой орнаментальных элементах и технике матовой полихромной росписи, сосуды представлены здесь иными типами, главным образом широкими низкогорлыми кратерами без ручек и округло-биконической формы мисками. „Метопной“ композицией узора, присутствием в нем иногда элемента „двойной секиры“, т. е. сложенных вершинами двух треугольников, и наличием размашисто выполненных изображений птиц, змей и человека эта последняя группа типологически приближается ко 2-му эламскому стилю и южномесопотамской полихромной керамике ступени Джемдет Наср, хотя несомненно является более поздней по времени.

Вместе с тем первая кизилванкская керамика имеет некоторую отдаленную связь и с территориально другой большой группой расписной керамики Закавказья с р. Занги близ крепости Кизил-кала³ (в 12 км от Еревана). Эта последняя керамика, о которой уже говорилось выше, типологически является значительно более древней ступенью сравнительно со старшей кизилванкской и обнаруживает заметное сродство со ступенью Эль Убаид и стилем I bis Элама. Она отличается тяжелой, но тщательной ручной лепкой сосудов в форме сфероидальных (с уплощенным дном) чаш-мисок и низкогорлых сферических кратеров, покрытых одноцветной черной росписью по сплошному красному покрову. Узорный пояс из прямолинейно геометрических, часто расположенных метопами элементов (сетка, шахматы, двойная секира, параллельные углы) обрамляется здесь снизу чуждой Востоку концевочной каймой из завитков, что заставляет вспоминать каппадокийские и кипрские образцы при совершенно иных, однако, формах сосудов. Как показали раскопки, произведенные здесь (близ б. сел. Тазакенд) П. В. Чарковским в 1896 г.,⁴ могилы, заключавшие эти сосуды, не имели примеси черноглиняной керамики и не содержали никакого иного инвентаря.

К этой керамике близко примыкают и отдельные находки в районе Нахичевани, указывающие на присутствие близ Кизилванкского могильника слоя еще более древнего, чем Кизил Ванк I. Отсюда происходят типичные для Кизил-кала на р. Занге расписанные черным по красному покрову сфероидальные тяжелые чаши с рантом по венчику, но не с прямолинейным узором, как в Кизил-кала на р. Занге, а с нетипичною там каймой из концентрических полукругов, как в цалкинском кургане № XV. К этому орнаменту присоединяется в нахичеванских находках и другой, характерный для Цалки мотив заполнения лент и треугольных полей

¹ И. И. Мещанинов. Краткие сведения о работах археологической экспедиции в Нагорный Карабах в Нахичеванский край, снаряженной в 1926 г. Сообщ. ГАИМК, I, Лгр., 1926, стр. 236—240.

² А. А. Спицын. Некоторые закавказские могильники, II. Могильник Кизил-Ванский. Изв. Археол. ком., вып. 29, СПб., 1908, стр. 3—5.

³ А. А. Спицын, ук. соч., стр. 1—2, рис. 5, 19, 22.

⁴ П. С. Уварова. Коллекции Кавказского музея, V. Археология, Тифлис, 1902, стр. 119, 122.

волнообразными линиями (находка в Шах-бузе и Нагаджире). Из Нагаджира происходит, между прочим, замечательный сосуд в форме цалкинских гидрий с яйцевидным корпусом, с также красиво моделированной шейкой и орнаментальной композицией из пяти ленточных шевронов с схематической фигурой животного и человека в одном из полей. Подобные сосуды известны и из находок в Армении, напр. из сел. Кизилтамур (Эчмиадзинский район) и из сел. Астатат.¹ Наконец, недавно в Грузии при строительных работах в Нареквари близ Мцхета был найден прекрасный небольшой безручный кувшинчик этого типа, с черной росписью пятью шевронами и свастическими фигурами между ними по красной лощеной обмазке.

Таким образом, если учесть и вышеупомянутую находку в Зурнабаде, мы имеем значительную территорию центрального междуречья Куры и Аракса, на которой распространен один из двух видов цалкинских расписных сосудов. Эта же территория является и областью, где в целом ряде пунктов обнаружен позднеэнеолитический слой циклопических крепостей с высоко развитой, совершенно однородной всюду, чернолощеной, искусно лепленой от руки керамикой с розовой ангобированной подкладкой.

Керамика из Кизил-кала („Тазакенд“) на р. Занге, с ее типичной орнаментацией „двойными секирами“, остается, напротив, пока несколько изолированным вариантом, не выявляющим широкого распространения и сколько-нибудь определенных стратиграфических отношений к слою ранних циклопических крепостей. Может быть эта керамика свидетельствует о еще более ранних культурных связях Закавказья с Ираном и верхней Месопотамией², где мотив росписи „двойными секирами“ является особенно излюбленным еще в неолите. В таком случае встал бы вопрос об исторических условиях появления в Закавказье всего своеобразного раннеметаллического культурного комплекса с древней чернолощеной ангобированной керамикой и о наличии здесь этнических смешений в III тысячелетии.

Во всяком случае, определенный нами концом первой половины II тысячелетия до н. э. возраст блестящей культуры младших цалкинских курганов слишком недостаточен, чтобы понять возникновение северокавказской высокой культуры типа Майкопа и Пролетарской (б. Царской), относящейся, может быть, к значительно более ранней стадии бронзы, чем даже старшая группа цалкинских курганов. Действительно, последнюю с известной вероятностью можно синхронизовать, — как показывает сопоставление плоских кинжальных клинков с недифференцированным шипом, четырехгранных обоюдоострых шильев, круглых полутораспиральных завитков, — с нижним слоем абхазских дольменов и Сачхерского могильника, тем более, что сачхерская керамика выказывает переживание форм, идущих от нижнего слоя циклопических крепостей.

С этим согласуется и вероятная абсолютная датировка старших цалкинских курганов, абхазских дольменов и древнего комплекса из Сачхери рубежом III и II тысячелетия до н. э., что следует из совпадения форм: гематитовой булавы короткогрушевидной формы с цилиндрическим отверстием из цалкинского кургана — с подобными же находками из второго слоя Алишарского холма² в Малой Азии и из Телейлат Гассул³ в Пале-

¹ Е. Байбуртян. Проблема крашеной керамики Армении. Вестн. Инст. ист. и лит. Арм. ССР, кн. II, Ереван, 1937, стр. 287—288. [На арм. яз.]

² Erich F. Schmidt. Anatolia through the ages. Discoveries at the Alishar Mound 1927—1929. Chicago, 1931, стр. 91, рис 138.

³ A. Mallon, R. Kaerppel et R. Neuville. Teleilat Ghassul, I. Compte rendu des fouilles de l'Institut Biblique Pontifical 1929—1932, Rome, 1934, стр. 71, pl. 35₃. — A. Iirku. Einige Kleinfunde aus Palästina und Syrien. Zeitschr. Deutsch. Morgenländ. Gesellsch., N. F., Bd. 13₂, 1934, стр. 168—169.

стине, в слое 1-й эпохи бронзы; круглого массивного серебряного полутораспирального завитка из цалкинского кургана IV — с таким же электроновым завитком из станицы Летницкой¹ и связь их обоих, а также сачхерских круглых бронзовых завитков с завитками из Трои II—V; молоточкоголовых медных булавок из Сачхери — с серебряной булавкой из скорченного окрашенного погребения в Ремеделло (Брешия в Италии)² при костяном подражании им булавок типа степных причерноморских в датских „гробницах с коридором“;³ сачхерских булавок (развитых форм) с завязанными головками⁴ — с тем же типом в Негаде, Трое II, Тепе, Гиссаре II, Унетице и, наконец, мергелевого браслета из Сачхери — с такими из древнейших погребений I нальчикского кургана.

В таком случае ранний период дольменной культуры на Северном Кавказе, начиная с комплекса кургана станицы Пролетарской, будет хронологически соответствовать эпохе строительства древнейших циклопических крепостей Закавказья с их еще едва выявляющейся своеобразной культурой, идущей от энеолита.

Решение вопроса об этнической принадлежности открывшейся в Грузии блестящей культуры младших цалкинских курганов зависит от возможности, с одной стороны, выяснить отношение этой культуры к позднему возникшему Ванскому царству и к синхроничным ей культурам хеттской и митанийской, с другой стороны, — от возможности в дальнейшем установить, на основах более точной стратиграфии и изучения строительных и хозяйственных остатков, ее социальный облик и преемственные связи с последующими и предшествующими стадиями развития местных обществ, в частности с нижним слоем циклопических крепостей и более древними этапами расписной керамики.

Не касаясь сейчас всех этих сложных вопросов, мы можем лишь сказать, что в отношении непосредственно интересующих нас памятников Грузии середины II тысячелетия до н. э. у нас более всего данных говорить о принадлежности их к хуррийскому племенному слою как по участию последнего в создании „хеттской“ культуры и искусства и посреднической роли между южной Месопотамией и Малой Азией (скульптура Тель Халафа, печати Керкука, эпос о Кумбабе и Гильгамеше), так и по языковой связи народов хурри — древнего Урарту — с создателями Ванского царства,⁵ в которых нет никакого основания видеть чуждых пришельцев с запада (как думал Леман-Гаупт),⁶ тем более, что и керамику с красной блестящей облицовкой возможно сопоставлять с малоазийской лишь после установления ее явного родства (и по форме, и по облицовке, и по пережиткам росписи) с расписной керамикой Закавказья, именно ее цалкинского варианта.

Б. А. Куфтин

¹ ОАК, 1898, стр. 53—54, без рис. (колл. Эрмитажа).

² В. А. Городцов. Культура бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916, стр. 57. — М. Гёрнес. Культура доисторического прошлого, ч. II. М., 1914, стр. 75, рис. 33.

³ G. Rosenberg. Nouvelles trouvailles de „Chambres de Géants“. Mém. de Soc. R. de Ant. du Nord, Copenhague, 1932—1933, стр. 433, рис. 12.

⁴ J. Déchelette. Manuel d'archéologie préhistorique, v. II. Paris, 1910, стр. 47, 320, рис. 124.

⁵ A. Götze. Kleinasien. Kulturgeschichte des Alten Orients. München, 1933, стр. 179—180. — J. Friedrich. Kleine Beiträge zur churritischen Grammatik. Mitt. d. Vorderas.-Ägyptisch. Gesellsch., 1939, Bd. 42, № 2. — E. A. Speiser. Studies in Hurrian Grammar. Journ. of the Am. Or. Soc., 1939, v. 59, № 3.

⁶ C. F. Lehmann-Haupt, ук. соч., т. II₂, стр. 579—580.

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

(Доклад на заседании сектора бронзы и раннего железа 27 VI 1940)

Еще недавно представление о скифо-сибирских памятниках на востоке СССР обычно связывалось с могильными сооружениями Минусинских степей и многочисленными находками предметов поздней бронзы в долине р. Енисея, а также с большими каменными курганами Алтая (Пазырык и др.). Последние раскопки на берегах р. Селенги показывают, что древнее население этого края прошло через общие для Центральной Азии и Восточной Европы стадии исторического развития.

В I тысячелетии до н. э. в степях Забайкалья жили скотоводческие племена, имевшие оружие из бронзы и оставившие нам погребальные памятники в виде плиточных могил. Здесь, в глубинах Азии, аборигены края перешли и к употреблению железа еще до появления на этой территории гуннов, владевших уже более сложной техникой металлического производства и испытавших на себе влияние китайской культуры (около начала н. э.). При археологических работах в бассейне нижнего течения р. Селенги сотрудниками бурят-монгольского отряда Академии Наук СССР было раскопано свыше 50 погребений эпохи ранних кочевников (у с. Саянтуй, горы Тапхар, в окрестностях Селенгинской Думы, в районе р. Чикоя в др.). В результате их изучения удалось установить, что плиточные могилы Западного Забайкалья, так же как и в Северной Монголии, принадлежат к нескольким типам.

В долине р. Селенги можно выделить следующие их разновидности: 1) могилы с прямоугольной оградой из плит, заметно выступающей над поверхностью земли; по углам более высокие камни „маяки“; 2) могилы с более низкой четырехугольной оградкой, окруженной плоской каменной насыпью (так наз. „прямоугольные могилы“); 3) могилы с плоской каменной насыпью, имеющей вогнутые стороны; края обрамлены невысокими плитами. Угловые камни бывают более крупного размера (так наз. „фигурные могилы“).

Перечисленные категории плиточных могил характеризуют целый культурный этап в истории Забайкалья и соседних районов Монголии.¹

Плиточные могилы Западного Забайкалья располагаются, главным образом, вблизи каменистых возвышенностей, группируясь обычно около их подножия и на склонах; нередко они находятся в глубине речных долин и в горных падах, вдали от берега реки или озера. Плиточные погребения I типа („маяки“) очень часто группируются по 10—12 могил, встречаются и одиночные могилы. По побережью Селенги от г. Улан-Уде к югу плиточные могилы встречаются довольно часто и в некоторых местностях они насчитываются десятками и сотнями.² По р. Уде численность их значительно меньше.

Расположение могил I типа в группе не отличается какой-либо правильностью. Иногда ограды отдельных могил примыкают друг к другу. Если плиточные могилы находятся на равнине около холмистой возвышенности со скалистыми выступами и россыпями камня, то они почти всегда опоясывают ее склон, располагаясь согласно конфигурации местности. В промежутке между отдельными могильными группами или вдали от них нередко попадаются одиночные плиточные могилы. Вообще, в расположении плиточных могил замечается сильная разбросанность их.

¹ На этой территории к эпохе ранних кочевников, кроме плиточных погребений, относятся и другие памятники: „оленные камни“ (с изображением оленей), писаницы на скалах и отдельные находки бронзовых предметов и керамики (на дюнных стоянках).

² Их много в горах по западному побережью Гусиного озера, по рекам Оронгою, Убукуну, Чикую (у г. Кумын) и в Боргойской степи.

Для плиточных могил I типа („маяков“) характерна не только их прямоугольная форма с возвышающимися по сторонам каменными плитами, плотно соприкасающимися друг с другом и составляющими ограду могилы, но и выступание крайних камней длинных сторон за обрамление узких стенок и наличие высоких плит с заостренной вершиной на углах ограды. Плиточные могилы I типа обычно имеют величину 3.10×2.30 , 2.70×1.70 м и т. п. Значительно реже попадаются могилы с оградой 2×1.20 или $3.80-5 \times 2.50-3.50$ м. Боковые плиты у могил в бассейне р. Селенги выступают в среднем на 20—50 см над уровнем почвы и бывают врыты в землю на 50—70 см. Угловые же камни достигают высоты больше 1 м. Обычно могилы вытянуты в направлении ВЗ, иногда они несколько отклоняются от указанного румба в ту и другую сторону (ВЮВ—ЗСЗ, ВСВ—ЗЮЗ); попадаются и могилы, у которых длинные стенки направлены на ЮВ—СЗ. У некоторых плиточных могил на расстоянии нескольких метров от конца их ограды бывает врыт в землю каменный столб или плита, поставленная в вертикальном положении, так наз. „сторожевой камень“, высотой свыше 1 м.

Внутри ограды плиточных могил посередине или ближе к одной из длинных стенок помещается погребальная яма, имеющая обычно овальную форму¹ (длина до 2—3 м, ширина от 0.50—0.70 м до 1.90 м, глубина около 1 м от поверхности почвы).

Могильная яма заваливалась камнями и обломками плит, перемешанных с землей.

Обряд захоронения в плиточных могилах I типа удалось выяснить по нескольким хорошо сохранившимся погребениям, где отдельные части костяков были найдены в первоначальном положении.

В 17 плиточных погребениях, где было возможно установить положение костяка по отношению к странам света, наблюдалась следующая их ориентировка: головою к В было обращено 9, к ЮВ—З, ВЮВ—4 и ВСВ—1.

Следовательно, наиболее характерной ориентировкой будет положение умершего головою на В, с небольшим отклонением в некоторых погребениях к Ю или С.

Во всех случаях нахождения в плиточных могилах костяков или частей их, сохранивших первоначальное положение, установлено, что погребенные клялись на спину с вытянутыми конечностями (Зап. Забайкалье, Сев. Монголия), с руками вдоль бедер (2) или же согнутыми в локте (2) и с кистями в области таза. Ноги, как правило, были вытянуты.

Половые и возрастные отличия похороненных в плиточных могилах прослеживаются по анатомическим признакам и, отчасти, по составу погребального инвентаря. Можно выделить мужские, женские и детские захоронения. Последние снаружи бывают заметны по небольшому размеру могильных оград и обычно оказываются зарытыми на меньшую глубину. В мужских погребениях встречаются бронзовое оружие, ножи и пуговицы. Для женских характерно присутствие костяных игольников с иглами и различных украшений (бусы и пр.).

Предметы из бронзы найдены в 6 исследованных нами плиточных могилах (кельт клиновидной формы, кинжал, нож, дисковидное зеркало с боковой ручкой, обломок котла, пуговицы и пр.). Обломки глиняных сосудов обнаружены в 7 погребениях. Кости животных в 23.

Остатки керамики чаще всего попадались в верхних слоях могил (в насыпи или в засыпке погребальной ямы) и нередко вместе с расколотыми костями животных.

---

¹ У большинства могил границы погребальных ям и точные их размеры определить не удалось вследствие их устройства в песчаном грунте.

В 5 исследованных нами плиточных могилах на дне погребальных ям, под костями человека, были найдены угольки или зола.

По географическому распространению плиточные могилы I типа занимают значительную территорию, в которую входит бассейн р. Селенги в пределах СССР и Монголии, долина р. Толы, Орхона, побережье оз. Косогола, районы Восточного Забайкалья (Агинская степь, р. Ингода, р. Онон, Нерчинский округ).¹

Могилы II типа — „прямоугольные“ — известны в пределах Зап. Забайкалья и Монголии. Наши раскопки показали, что по составу инвентаря и обряду погребения они близки к плиточным могилам I типа.

В тех случаях, когда удавалось установить положение захороненного, костяк всегда лежал вытянуто на спине, будучи ориентирован головою на В, ВСВ или ВЮВ.

В могилах II типа попадаются бронзовые пуговицы такие же, как и в могилах предыдущего вида, костяные игольники, украшения (бусы из пасты) и керамика. Для инвентаря рассматриваемых могил характерно наличие предметов из железа (удила с небольшими кольцами, псалии). Последние были найдены Ю. Д. Талько-Грынцевичем в могиле № 8 пади Ихерик.

Наличие в плиточных могилах изделий из железа на ряду с бронзовыми вещами, некоторые отличия во внешнем устройстве и целый ряд других данных дают основание думать, что они относятся к несколько более позднему времени по сравнению с наиболее ранними из плиточных могил I типа, содержащими характерное бронзовое оружие и орудия. Но связь их с предыдущим типом памятников ясно заметна. В наружных признаках это выражается в сохранении еще четырехугольной оградки из плит, хотя и меньшей величины (окруженной каменной насыпью), в присутствии около могил невысоких „сторожевых камней“ и в ориентировке самих могил.

Относительно плиточных могил III типа („фигурных“) необходимо прежде всего заметить, что они еще очень мало исследованы; в них была найдена только одна бронзовая пуговица (на р. Толе), такая же как в погребениях II типа в Забайкалье. Фигурные могилы по своему устройству значительно отличаются от „маяков“ (плиточных могил I типа). Встречаются фигурные могилы обычно отдельными группами (вне связи с керекурами) или попадают поодиночке.

Хотя найденный в плиточных могилах материал количественно не велик, все же в числе изделий, происходящих из этих погребений, есть достаточно характерные для их датировки предметы.

Обзор географического распространения бронзового кельта „красноярского типа“ (рис. 19, 4) и кинжала без эфеса (рис. 19, 1), обнаруженных в могиле № 10 у с. Саянтуй, и ножа (рис. 19, 2), найденного в могиле № 61 у горы Тапхар, показывает, что они не характерны для Минусинского края и встречаются преимущественно в северных районах — в таежной зоне Вост. Сибири и на прилегающей территории.

Эти предметы принадлежат к особому локальному варианту поздней сибирской бронзы.

На некоторых бронзовых вещах из плиточных могил долины р. Селенги заметны карасукские черты (вырезы лезвия кинжала, орнамент из трехугольников на его рукоятке и на кельте, своеобразная форма ножа с изогнутой рукояткой).

Эти „архаизмы“ на бронзовых изделиях заслуживают внимания в сопоставлении с другими предметами погребального инвентаря плиточных могил.

---

¹ Плиточные могилы Восточного Забайкалья, повидимому, составляют особый вариант — они имеют более крупные размеры и несколько иную конструкцию оградки.

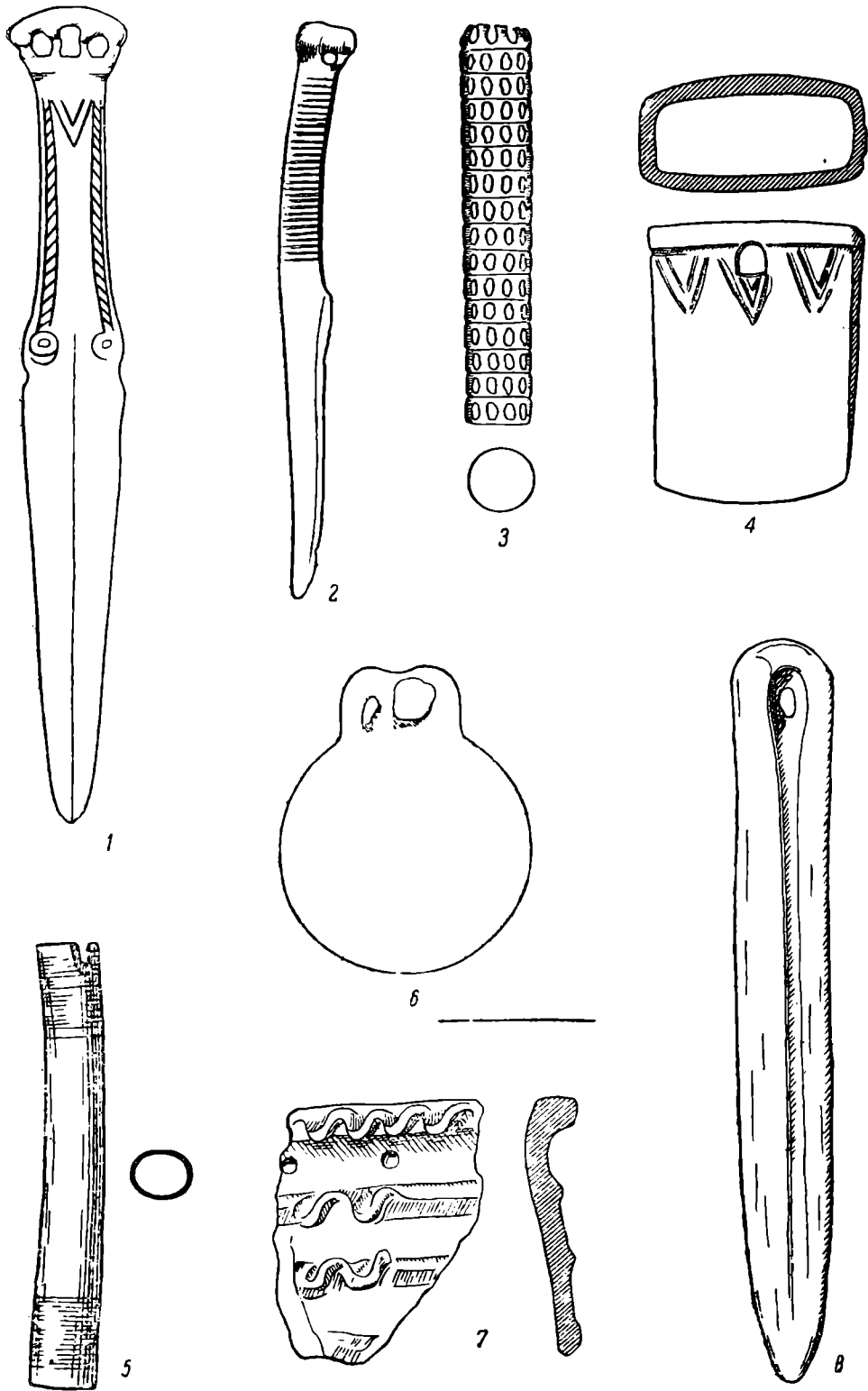

Рис. 19. Предметы из плиточных могил.

1 — кинжал; 2 — нож; 3 — трубочка; 4 — кельт; 5 — игольчик; 6 — зеркало; 7 — обломок гършка; 8 — заостренное орудие (1—4 и 6 — бронза; 5 и 8 — кость; ок. 1/2 ег. вел.).

В одной могиле (у с. Саянтуй, № 4) найдена буса из красного сердолика „бочонкообразной“ формы, являющаяся точным воспроизведением такой же бусы, обнаруженной в погребении № 19 энеолитического могильника у с. Тологой.

В могиле № 61 у горы Тапхар вместе с упоминавшимся бронзовым ножом найдено костяное орудие (рис. 19, 8), находящее себе аналогии среди вещей из энеолитических комплексов долины р. Ангары. Игольники из трубчатых костей, украшенные концентрическими резными линиями (рис. 19, 5) и бусы из белой пасты встречаются и в древних могильниках Прибайкалья.

Наконец, керамика из плиточных могил Зап. Забайкалья имеет также сходство с находками в более северных районах Вост. Сибири. Характерный накладной орнамент из рубчатого валика (рис. 19, 7), сглаженная „штриховка“ и другие технические приемы обработки поверхности глиняных сосудов из плиточных погребений известны и среди керамического материала ряда стоянок на берегу оз. Байкала (Улан-Хада, Коты), по р. Ангаре (окр. г. Иркутска и другие пункты) и по р. Енисею (около г. Красноярска). В районе г. Братска на р. Ангаре А. П. Окладниковым раскопано погребение с бронзовыми, каменными и костяными наконечниками стрел, роговыми накладками на лук и вышеупомянутого типа керамикой. Это захоронение содержит вещи, попадающиеся в плиточных могилах Забайкалья.

Особо следует остановиться на металлических изделиях и других предметах из плиточных могил, позволяющих сравнивать их с памятниками южных районов Сибири и Центральной Азии.

Бронзовое зеркало с боковой ручкой (мог. № 91 у с. Саянтуй; рис. 19, 6) весьма близко к таким же зеркалам из земляных курганов в Туве (V—III вв. до н. э.) и на Алтае (IV в. до н. э.—I в. н. э.), а также к миниатюрным экземплярам из коллективных могил Красноярского округа.

Следует отметить находку днища бронзового котла „скифского типа“ (мог. № 73, Тапхар). Котлы с конусообразным поддоном в большом количестве известны в Минусинском крае.

Список бронзовых изделий из плиточных могил I типа необходимо пополнить бронзовыми удилами, найденными Талько-Грынцевичем в могиле № 15 на Ихерике.

Железные предметы обнаружены в могилах II типа (удила с небольшими кольцами, пропеллеровидный псалий).

К какому же времени следует отнести плиточные погребения долины р. Селенги?

Наличие в плиточных могилах, с одной стороны, вещей древних типов (энеолитического облика и с пережиточными карасукскими чертами), с другой стороны — бронзовых изделий, встречающихся в погребальных комплексах других районов Центральной Азии вместе с первыми железными предметами, позволяет поместить плиточные могилы I типа (маяки) между VII—IV вв. до н. э.

Более ранней дате будет соответствовать первый могильник у с. Саянтуй, где были найдены бронзовые кинжал и кельт, а также могила у горы Тапхар № 61 (бронзовый нож, костяное орудие типа кинжала и пр.). Остальные погребения более поздние (№ 91 у с. Саянтуй с бронзовым зеркалом и др.).

Могилы II и III типа едва ли возможно относить слишком близко к рубежу нашей эры, так как инвентарь погребений, похоронный обряд, внутреннее устройство и некоторые наружные признаки этих могил указывают на связь их еще с памятниками конца бронзы. По нашему мнению, их дата III—II вв. до н. э.

Основным занятием населения, оставившего плиточные могилы, было скотоводство. На это указывают кости домашних животных, найденные в значительном числе в плиточных могилах. Природные условия края, наличие в южной его части открытых степных пространств и холмистых возвышенностей, где снег сдувается зимой, разнообразие состава кормовых трав в предгорьях и на равнинах, все эти данные благоприятствовали возникновению здесь скотоводства с сезонным кочеванием в весьма раннее время.

Плиточные могильники почти всегда находятся в глубине долин, часто вдали от реки, и встречаются в местностях, удобных для скотоводства.¹

О составе стада у обитателей края можно судить по следующим данным. Кости лошади при наших раскопках были найдены в 12 могилах.² Кости овцы обнаружены в 14 могилах и быка в 10 погребениях.

У древних насельников края скот, и в частности конь, использовался для передвижения (всадничество в это время было уже развито — находки удила и псалий).³ Прямых указаний на существование земледелия, у населения, оставившего плиточные могилы в долине р. Селенги, не имеется.

Следует отметить тот факт, что на территории Забайкалья и Северной Монголии пока не найдено ни одного бронзового серпа, тогда как в Минусинском крае от этой эпохи сохранилось большое число бронзовых орудий для уборки урожая.

Охота на степных и лесных зверей занимала в хозяйстве населения рассматриваемой эпохи второстепенное значение, являясь по сравнению со скотоводством подсобным промыслом. В плиточных могилах были найдены остатки зайца (1 раз), косули (1), антилопы (1) и благородного оленя (1).

Специально для охоты, вероятно, употреблялись те костяные наконечники стрел, которые были обнаружены в некоторых плиточных погребениях.

Из предметов бытового инвентаря, имевшихся у древних скотоводов, следует прежде всего отметить бронзовые котлы с высоким поддоном („скифского типа“), столь удобные для подогревания в условиях степи, где мало топлива. Как указывалось, в плиточных погребениях находилась и глиняная посуда. Все глиняные сосуды имеют признаки местного приготовления. На некоторых из них виден орнамент из накладных рубчатых валиков. Сосуды больших размеров попадаются редко. Одни сосуды имеют гладкую поверхность, другие — шероховатую. Обжиг средний.⁴

Из предметов, связанных с одеждой, следует упомянуть бронзовые пуговицы.

Древним обитателям края была знакома обработка металла.

В бассейне р. Селенги известны остатки древних горных разработок, часть которых должна быть отнесена к весьма раннему времени. Металлическое производство, возникшее около Байкала еще в карасукскую

---

¹ Обращает внимание разбросанность плиточных могил на большой территории, группировка их небольшими могильными группами.

² У других исследователей остатки лошадей встретились в 11 могилах из 21, содержащих остатки фауны.

³ Наличие большого количества крупного рогатого скота, отсутствие обряда захоронения с умершим конем и другие данные свидетельствуют об имевшихся у забайкальских скотоводов отличиях в хозяйственном укладе и быте от типичных ранних кочевников горного Алтая.

⁴ Керамика плиточных могил Забайкалья значительно отличается от синхроничной ей в Минусинском крае и еще более, чем металлические изделия, указывает на локальные особенности селенгинских памятников.

эпоху,¹ получило свое дальнейшее развитие в VII—II вв. до н. э. Изучение форм изделий этой эпохи говорит о превосходной технике литья. Материалом для орудий служила преимущественно золотистая и желтая бронза. На кинжалах имеются рельефные украшения в виде стилизованных фигур животных. На ряду с ними встречаются и простые пластинчатые ножи. Находка бронзового кельта (топора), насаживавшегося на деревянную рукоятку, говорит о том, что у древних селенгинцев имелись орудия для обработки дерева.

Население края в рассматриваемую эпоху переживало процесс распада первобытнообщинного строя. Расширение скотоводства, дальнейшее развитие металлического производства (первоначально бронзо-литейного дела, а впоследствии железо-плавильного), усилившийся обмен с таежными областями и югом и целый ряд других причин, в связи с переходом от прежнего разделения труда к новому, способствовали росту частной собственности отдельных семей и имущественного неравенства внутри рода. Погребальные памятники следующего культурного этапа, принадлежащие гуннам, уже отчетливо отражают произошедшие перемены — социально-экономическую дифференциацию в обществе древних кочевников Сев. Монголии и Забайкалья около начала нашей эры.

Г. П. Сосновский

О МОРДОВСКОМ „ФЕОДАЛИЗМЕ“

(Доклад на заседании сектора дофеодальной и феодальной Восточной Европы
21 II 1940)

„Европейские ученые ... превращают базилевса
в монарха в современном смысле слова“ (К. Маркс).

В последнее время среди работающих над историей культуры малых народов Поволжья, в частности мордвы, дебатруется вопрос об общественном строе этих народов в период вхождения их в состав Московского государства. Существует взгляд, что мордва имела некогда свою государственность, своих князей-феодалов и города и что в мордовской среде в XII—XIII вв. сложились феодальные отношения. Сторонники этого мнения основывают свои утверждения, главным образом, на сведениях начальной летописи, которая под 1228—1229 гг. повествует о столкновениях мордвы, возглавлявшейся Пургасом, с русскими князьями; в качестве доказательств иногда фигурируют ошибочно и неправильно используемые данные мордовского фольклора.

Однако изучение мордовской культуры по всем доступным нам источникам не позволяет согласиться с указанным мнением и убеждает, что в течение всего самостоятельного существования мордовских племен они не выходили за пределы первобытнообщинного строя и что внутри мордовской массы общественные отношения не успели оформиться в феодальные. Нигде, ни в каких источниках нельзя найти указаний на наличие в мордовской среде основных признаков феодального строя. Нам могут возразить, что умалчивание исторических источников не может служить доказательством отсутствия того или иного факта. Однако в нашем распоряжении имеются не только данные отрицательного характера, но и положительные указания на дофеодальный характер общественных отношений у мордвы.

¹ Залежи медных руд, которые могли разрабатываться в древности, известны в южной части Забайкалья.

Археологические памятники позволяют составить ясное представление о состоянии производительных сил у мордвы XII—XIII вв. Мордва обрабатывала землю, переходя местами от первобытных форм ее возделывания к пашущему орудью, но ремесло еще не отделилось от сельского хозяйства и носило, как и в дальнейшем, еще полностью домашний характер. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические данные о способе выплавки и обработки железа, о медном литье — производстве, в котором принимали участие и женщины и дети, о домашнем изготовлении лепной (не гончарной) посуды и т. д. Производственные отношения вполне соответствовали состоянию производительных сил: общественная собственность на средства производства существовала у мордвы не только в XII—XIII вв., но и в значительно более позднее время. Без применения общего труда мордва в данный период не могла бы обеспечить свое хозяйство.

Исключительный консерватизм мордовской культуры выразился, между прочим, в задержке на долгое время становления классовых отношений. Причиной медленности развития общественных отношений была, повидимому, крайняя территориальная замкнутость большей части мордвы, населявшей громадный лесной массив восточного Волго-Окского междуречья, и вместе с тем рассеянность мордовских общин по этой обширной площади. Нельзя не учитывать и тех различных по своим последствиям влияний, которым мордва подвергалась со стороны своих соседей. Восточные раннефеодальные государства — хазарское и болгарское — проводили по отношению мордвы одну и ту же политику выкачивания ценностей (главным образом пушнины), но без захвата ее территории и без насилия над ее культурой.

Даже при татарском завоевании мордва в своих лесах пострадала не в такой мере, как другие племена и народы. Постройка золотоордынского города Мохши в центре мордовской земли также не повлекла за собой утраты мордвой ее племенных особенностей: в ближайших окрестностях этого города открыты и изучены могильники, погребения в которых совершены по мордовскому обряду. Можно думать, что правящие классы Золотой Орды, извлекая экономические выгоды от непосредственного соседства с мордвой, не ставили себе целью навязывать им свою религию, что должно было бы привести мордву к утрате ее древней культуры.

Иной образ действий наблюдается со стороны западных соседей мордвы — русских феодальных княжеств, втягивавших мордву в орбиту своего влияния. Княжества, сложившиеся частично на древнемордовской земле, как, напр., Рязанское, Муромское и Нижегородское, имели с самого начала смешанное мордовско-русское население и в дальнейшем неуклонно проводили политику обрусения и христианизации соседней мордвы.

В результате этих исторически сложившихся взаимоотношений различных частей мордовского населения с его соседями наиболее сохранившей свои племенные особенности и традиции оказалась юго-восточная мордва — мокша и в меньшей степени северо-западная — эрзя.

Самобытной устойчивости мордовской культуры мы обязаны сохранением в народном быту большого количества явлений, иногда имеющих характер пережитков, иногда же совершенно живых и действенных. Они наблюдались и были зафиксированы в XVIII и XIX вв., а в ряде случаев существовали в живом виде до последнего времени и дают богатый материал для суждения о характере общественного строя у мордовских племен прошлого. К такого рода явлениям в жизни мордвы нужно отнести общее владение средствами производства, экзогамию, родовые религиозные праздники, совет старейшин и др.

В общественной жизни мордвы даже недавнего прошлого на первом месте стоит род. В мордовском языке отсутствует слово для обозначения семьи. Единство живущих вместе определяется понятием двор — „куд“, а объединение родственников, род, обозначается словом „тев“. Об устойчивости родовых начал свидетельствуют ярко выраженные пережитки экзогамии. Род жениха никогда не становился для рода невесты „тев“, он всегда был чужим и понятие о свойстве было мордве незнакомо. Даже в тех местах, где мордва сильно обрусела, переняла многие русские обычаи и потеряла в языке номенклатуру родства, родня жениха считается ниже родни невесты. Еще в XVIII в. родители жениха не могли показываться на свадьбе, хотя на праздники и семейные моляны родню жениха уже стали приглашать, но ее место за столом было ниже самых отдаленных родственников невесты. Отголоском экзогамии являлся ряд обрядов, связанных со вступлением невесты в семью жениха, как, напр., представление молодой умершим предкам на родовом кладбище; без выполнения этого обряда женщина считалась чужой и не имела права посещать кладбище даже при похоронах своих детей.

Характерным в жизни мордовских общин является сохранившийся до XIX в. совет старейшин. Несмотря на то, что мордва утратила в своем языке множество слов, она удержала слово, обозначающее совет старейшин — „атят“, что свидетельствует о крепости и устойчивости этого элемента старого общественного строя. Еще в X в. Ибн-Русте сообщал о буртасах-мокше, что у них нет „единого владыки“ и что управление осуществляется „старшинами“. Это — именно представители совета старейшин, о которых живет память в мордовском фольклоре. Это те „старики“, которые идут выбирать вождя, держа в руках священные родовые свечи „штатолы“, зажигающиеся перед избранником, это те „сельские старики“, которые творят суд и расправу, к которым обращаются с жалобами. „Ой, сельские судьи в край ворот вошли, ой, сельские старики, как осудят“, или в песне о парне, который

Отца избил, село оставил,
 Мать избил, дом покинул,
 Ох, мать ходила к сельским старикам,
 К сельским старикам, к судьям.
 „Сельские старики, сельские судьи,
 Рассудите дитя мое верно“.

и т. д.

Живучесть и действенность этого института родового строя, так же как и разработанная система общеродовых празднеств, указывает на непрерывность существования „старшин“ в мордовской массе, не знавшей классовых отношений до тех пор, пока они не были ей навязаны извне.

Чистота родовых отношений исчезла еще задолго до русского завоевания. Каждый род успел разделиться и расселиться на довольно значительные расстояния. На его основе создались более мелкие ячейки — семейные общины, большие семьи, являвшиеся как бы переходной ступенью к соседской, сельской общине. Однако родовая связь между этими общинами надолго оставалась очень крепкой. Где бы они ни находились, они всегда собирались на родовое кладбище для поминальных моляны в честь общих предков или для отправления общих родовых культов. Мордва создала много поговорок, сущность которых сводилась к тому, что сколько бы ни отпрыскалось отпрысков, единство рода нерушимо: „ветви одного и того же дерева — то же дерево“, „много ветвей, а дерево одно“.

Семейные общины, которые в виде больших семей дожили до XX в., являлись, таким образом, основной производственной единицей. Совместная обработка земли родом заменилась совместной ее обработкой членами семейной общины, которая сообща владела и всеми средствами производства. В. Майновым был описан один мокшанский многотягловый двор: семья состояла из 51 чел. и выезжала пахать в 21 соху. Главой семьи был дед-родоначальник, которому подчинялись беспрекословно. Старший в семье называется „сирэ“, т. е. старик, и члены семьи в обращении к нему употребляют термин „атя“, то есть „старейшина“. Эта сохранившаяся до настоящего времени терминология еще раз свидетельствует о живучести начал родового строя.

Интересные и доказательные данные для решения вопроса об общественном строе мордвы мы получаем из произведений мордовского словесного творчества. Мордовский героический эпос представлен несколькими дошедшими до нас сказаниями и песнями об „инязорах“. Обычно в русских переводах слово „инязор“ обозначали словом „князь“, а иногда даже „царь“, отсюда и пошло первоначально неправильное представление о наличии у мордвы своих князей-феодалов. В дословном переводе „инязор“ значит „наибольший хозяин“. Не придавая большого значения термину, необходимо вскрыть социальную природу его носителя. Это название, как увидим ниже, больше всего соответствует понятию „вождь“. Наиболее распространенной темой сказаний об инязорах являются или внутренние неурядицы или разгром мордвы врагами, что заставляет мордву искать себе инязора. Вопрос этот решается на собрании, на сходе, иногда путем бросания жребия, иногда путем посылки стариков на поиски подходящего человека. Поиски вождя, избрание его в сказаниях обычно окутано дымкой чего-то необычного, чудесного, и сам он наделен какими-то сверхъестественными свойствами. Указание на место, где находится избранник, старики получают от какого-то таинственного голоса, к нему их мчат волшебные кони-лебеди, часто намеченного в вожди застают работающим на пашне, причем он пашет тридцатью сохами и боронует сорока боронами, живет он внутри тысячетлетнего дуба и т. д. В некоторых произведениях инязор выступает как правитель, чаще же как военачальник, являющийся на защиту мордвы, после чего он иногда исчезает. Это в полном смысле слова народные герои, вышедшие из родовой массы и возглавлявшие ее в борьбе с врагом. Для правильного понимания природы мордовского инязора самым существенным в этих сказаниях является момент выборности его. Это совершенно точно определяет его как племенного вождя, но не как князя-феодала. Временность выполнения функции вождя также противоречит природе феодальной владыки. Наиболее популярным из инязоров является „царь Тюштянь“, который был избран, как и другие, был заступником мордвы и исчез из ее среды также не совсем обычным путем. Защитники идеи мордовского феодализма не учитывают вышеприведенных соображений о социальной природе мордовских инязоров, в том числе и „Тюштяня“, и хотят считать его настоящим мордовским князем-феодалом.

В чем они видят указание на это? В одной из песен, где говорится:

Тюштя сидит в палате,
Тюштя сидит на лавке,
Перед ним дубовый столик,
Под его ногами серебряный стульчик,
Он пишет мордовские бумаги,
У его крыльца часовые,
Под его окнами караул.

Нечего говорить, что на основании слов этой песни делать заключение о существовании у мордвы своей письменности и царя с регулярным войском совершенно не приходится. Это ошибочное заключение является следствием неумения отделить от истинной исторической основы тех позднейших наслоений, которые всегда покрывают ее.

Яркий образ мордовского выборного вождя запечатлен в предании, записанном в XVII в. и отражающем события XII в. Мордвин, по имени Абрам, жил со своим родом на месте Нижнего Новгорода; у него было 14 сыновей и 3 дочери, для которых он построил 17 домов. С ним вели переговоры суздальский князь Мстислав, требуя чтобы Абрам уступил занятое им место русским. В своем ответе Абрам совершенно ясно определил свои взаимоотношения с мордовской массой, сказав, что он не прирожденный владыка мордвы, а только выборный их управитель и не может самолично принимать никаких решений. Попытка Абрама собрать мордву к себе в городок, с целью противостоять захватническим намерениям Мстислава, потерпела неудачу и, несмотря на проявленное мордвой мужество, она была побеждена и сам Абрам погиб в этой борьбе.

Дошедшие до нас исторические сведения о военных столкновениях мордвы с соседями всегда рисуют мордву как обороняющуюся сторону. Она защищает не только свою территорию и хозяйство, но и свою независимость. О нападениях мордвы на ее соседей мы не знаем, но, учитывая общее состояние ее культуры, можно думать, что организованных походов с целью грабежа, получения добычи, мордва не предпринимала. Если бы такие факты имели место, то они неминуемо должны были бы получить отражение как в исторических известиях, так и в археологических памятниках. Между тем, в инвентаре мордовских могильников отсутствуют предметы, которые можно было бы рассматривать как военную добычу, и также отсутствуют погребения, которые могли бы рассматриваться, как погребения высшего военного класса. Входящие в состав могильного инвентаря вещи иноземного происхождения по своему характеру (женские украшения, металлическая посуда и т. п.) являлись объектами меновой торговли мордвы с ее соседями, но не военной добычей.

Единственный случай нападения мордвы, о котором сообщает летопись под 1229 г., — случай нападения на Нижний — должен рассматриваться не как набег с целью захвата города и добычи, а как выступление ответное на нападение русских князей в предшествовавшем году. Обычно же мордва сама терпела от нападений своих соседей, что отражено не только в русских летописях, но и во многих произведениях мордовского фольклора. Из летописных данных известен лишь один факт удачного отражения мордвой нападения на нее муромского князя Ярослава в 1103 г. В остальных случаях она делалась жертвой набегов и грабежей и, не будучи в силах вести открытую борьбу, должна была скрываться в лесах, где имела укрепления — тверди. Наиболее полную картину такого набега на мордву рисует летопись под 1228 г. „... великий князь Гюрги и Ярослав, и Константиновичи Василько, Всеволод идоша на мордву; и муромский князь Гюрги Давыдовичь вшед в землю Мордовскую, Пургасову волость, пожгоша жита и потравиша и скот избиша, полон послаша назад, а Мордва вбегоша в лесы своя, в тверди; а кто не вбегл, тех избиша наехавшие Гюргеви молодии в 4 день генваря. То видевше молодии Ярославли, и Василькова и Всеволожи, утаившеся, назаутрие ехаше в лес глубок, а Мордва давше им путь, а сами лесом обидоша их около, избиша и, а иных изимаша; бежаша в тверди, тех тамо избиша и князем нашем не бысть кого воевати“. Этот эпизод как нельзя лучше характеризует роль мордвы в столкновениях ее с русскими.

Нельзя не обратить внимания на одну мелкую подробность, служащую косвенным указанием на общественный уклад мордвы этого времени. Заманив в глубину лесов русских воинов, мордва часть из них избила, а других взяла в плен и увела в свои тверди, где их тоже избила. Будь на месте мордвы болгары, татары или русские — народы с более высоким социальным строем, они бы, взяв в плен людей противника, не убили бы их, а использовали как рабочую силу в хозяйстве, или же продали в рабство. Повидимому, такой способ использования пленных был чужд мордовским общинам. Рабы, о существовании которых можно заключить из факта наличия в языке мордвы слова „раб“ — „ура“ и „рабыня“ — „урень“, вероятно, были не из числа военнопленных, а из членов другого рода, вводимых в семью иногда путем усыновления. На связь раба с семьей указывает название жены брата — „уряшь“.

К XIII в. относится и упоминание в летописи Пургаса и Пуреша. Некоторые историки готовы видеть в них именно тех мордовских князей-феодалов, существование которых мы отрицаем. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что летопись ни Пургаса, ни Пуреша не титулует князем: „придоша мордва с Пургасом“, „победи Пургаса Пурешев сын“, „болгарский князь пришел был на Пуреша“. В то же время русские князья титулуются так же, как и болгарский князь. Этим летописец как бы подчеркивает социальные различия между русским и болгарским князьями-феодалами и мордовским Пургасом, который в глазах русских соседей не был феодалом, как не был им и в действительности.

Летописные известия не дают возможности относить Пургаса к числу князей-феодалов в правильном понимании этого термина и, напротив, позволяют его рассматривать как племенного вождя небольшой части мордвы. Если мордовское (эрзянское) происхождение Пургаса бесспорно, то этого нельзя сказать про Пуреша. Этническая принадлежность Пуреша не указывается летописью, и лишь сходство имени его с мокшанским именем Пурес позволяет допустить, что он был также мордвином, но мокшанином. В таком случае мы имеем в лице Пургаса и Пуреша двух племенных вождей, враждовавших между собою. То обстоятельство, что летопись называет Пуреша ротником кн. Юрия, т. е. его вассалом, позволяет некоторым настаивать на феодальной природе Пуреша. Однако известно, что союзник, давший клятву верности феодалу, может быть и племенным вождем. Племенной вождь может также заключать союзы и с другими племенными вождями — в разных комбинациях. Пуреш, будучи союзником русского князя, в то же время вступил в союз с половцами для борьбы с другим племенным вождем — Пургасом. Название части мордовской земли „Пургасова волость“ или „Пургасова Русь“ также не может быть использовано в качестве доказательства для определения Пургаса как феодального владыки, имевшего под своей властью некое мордовское княжество. В этом позволяет усомниться этимология имени Пургаса. Пургине, одно из главнейших лиц мордовской мифологии, — бог грома. Совпадение имени мордовского вождя с именем бога должно пониматься как указание на представление об их родственной связи, так как: „Каждый род ведет свое происхождение от одного из богов, а род главы племени уже от «более благородного»¹ бога.“ Таким образом Пургас, глава одного из наиболее сильных родов северо-западной мордвы, самим именем определяет свою социальную сущность как племенного выборного вождя. От имени Пургине и получила название территория, занятая им и называемая русским летописцем „Пургасова волость“. Что касается имени „Пургасовой Руси“, то в нем следует

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 85.

видеть определение состава населения территории, представляющей угол, образуемый нижним течением Оки и Волги, где издавна в мордовскую среду проникали русские. Число последних было, повидимому, настолько значительно, что определило название „Русь“ в соединении с мордовским именем „Пургине“ — рода, искони веков обитавшего в данном месте.

В свете высказанных соображений с летописных Пургаса и Пуреша спадает та феодальная оболочка, в которую произвольно заключают их некоторые историки. Становится совершенно ясно, что это персонажи героического периода жизни мордвы, племенные вожди, тесно связанные с остальной родовой массой, вышедшие из ее среды, облеченные временными правами военных вождей, овеянные мистическими представлениями о „божественности“ их происхождения и наделенные сверхъестественными свойствами.

Упомянутые в русских документах мордовские князья-мурзы также не могут быть рассматриваемы как собственно мордовские феодальные князья. Завоевав в числе других областей мордовскую землю, татары не нашли здесь готового аппарата, через который они могли бы установить обложение населения ясаком, и им приходилось, повидимому, действовать через родовые организации. Посредниками в этом, естественно, выступали главы более сильных и более имущественно-обеспеченных родов. Само название „мурзы“ указывает на то, что это были золотоордынские ставленники, вызванные к жизни не закономерным развитием общества, а потребностями завоевателей. В дальнейшем некоторые из этих мордовских мурз оказались в числе московских служилых людей и получили дворянство, большинство же осталось в составе мордовского тяглого населения.

В. В. Гольмстен, Е. И. Горюнова

II. СТАТЬИ

ИЗ ИСТОРИИ ДУНАЙСКОГО ПОНИЗОВЬЯ В НЕОЛИТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

После возвращения Бессарабии Советскому Союзу юго-западные границы нашей родины достигли берегов Дуная и Прута. Новые области, богатые древними памятниками, входят в сферу советских археологических исследований, новые проблемы встают перед советской исторической наукой. Роль и значение Дунайского понизовья в сложении древнейших культур на юго-западе СССР были исключительно велики прежде всего потому, что оно стояло на пути культурных влияний со стороны Восточного Средиземноморья в первую очередь, а затем со стороны древневосточных цивилизаций.

К началу III тысячелетия до н. э. на огромной территории Западной, Средней и юго-восточной Европы сложилась довольно однородная земледельческая культура, известная в археологии под именем „культуры ленточной керамики“, или дунайской. В настоящее время наиболее западные районы распространения этих древнейших земледельческих поселений связаны с течением Марны и Соммы, а наиболее восточные — с течением Днестра.¹

Ко второй половине III тысячелетия до н. э. из массы этого однородного населения постепенно выделяются различные культурно-племенные образования. Они отличаются друг от друга не системой хозяйства и не орудиями производства, а более второстепенными, „этнографическими“ признаками. Отличия эти проявляются частично в форме жилищ, а больше всего в домашней утвари, в деталях религиозных культов, в стиле изобразительного искусства и, вероятно, во многом другом, еще не поддающемся определению на одном только археологическом материале.

Но чем же объясняются эти отличия и неповторимые, своеобразные особенности смежных племенных культур?

Историческая среда — такова одна из основных причин. Первобытные племена никогда не развивались в безвоздушном пространстве и чем ближе к нам, тем шире и устойчивее становились их взаимные культурные связи. В неолитическое время — в III тысячелетии до н. э. — культурные связи и влияния как будто впервые получают серьезное значение в жизни первобытного населения Европы. Этого, конечно, не могло бы быть, если бы на юге уже не существовали династический Египет, Сумеро-Аккадская Месопотамия, Минойский Крит. В сложении различных племенных культур характер, интенсивность и направ-

¹ R. Lantier. Ausgrabungen und neue Funde in Frankreich aus der Zeit von 1915 bis 1930. Ber. der Römisch-German. Kommission, XX, 1930, стр. 102. — W. Buttler. Die Bandkeramik in ihrem nordwestlichen Verbreitungsgebiet. Там же, XIX, 1929. — Е. Кричевский. Древнее население западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы. Краткие сообщ. ИИМК, вып. III, стр. 5. — Он же. Мезолит и неолит Европы. Там же, вып. IV, схема № 1.

вление культурного влияния со стороны Восточного Средиземноморья имели важнейшее, а в некоторых отношениях даже решающее значение. Естественно, что влияние это было наиболее ощутимо на территориях, непосредственно примыкающих к бассейну Эгейского моря, и постепенно затухало в более отдаленных районах.

Трипольская культура складывается в результате сложного взаимодействия: влияния со стороны Восточного Средиземноморья перекрещивались с прогрессивным развитием автохтонного земледельческого населения, характеризуемого линейно-ленточной керамикой. Конечно, вопрос о происхождении трипольской культуры еще не является решенным.

Предположение о том, что трипольская культура в своей значительной части есть лишь результат дальнейшего развития „дунайской“, нам представляется наиболее вероятным, хотя поселения с древнейшей линейно-ленточной керамикой еще не известны восточнее Збруча.

Система хозяйства, своеобразный характер культурных слоев, неповторимое сочетание орудий производства в трипольских поселениях ни в чем существенном не отличаются от „дунайских“.¹

Древнейшие трипольские поселения состоят из таких же полуземлянок и „жилых ям“, как и все „дунайские“ поселки.²

Лишь позднее складывается специфическое трипольское домостроительство, представленное „площадками“, причем получают дальнейшее развитие многие особенности „дунайских“ больших жилищ (многокамерность, многоочажность, постепенное разрастание и т. д.).³

Во всех трипольских поселениях встречается так наз. „кухонная посуда“, часто толстостенная, всегда изготовленная из неотмученной, или содержащей искусственные примеси, глины. Для этой группы трипольской керамики характерна своя определенная орнаментация. Сосуды украшаются рельефными валиками, лепными полосами, различными выпуклостями, широко используются защипы, оттиски пальцев, ногтей и некоторых простейших штампов.⁴

При стратиграфическом изучении целого ряда местонахождений в Бессарабии (Дарабаны, Таргул-Липчаны, Мамалыга) установлено было, что эта „кухонная керамика“ встречается в самом основании культурного слоя и только на более высоких горизонтах к ней присоединяется расписная.⁵ Каково происхождение этой группы трипольской керамики? Почти такая же посуда всегда представлена в днестровских поселениях, относящихся к культуре ленточной керамики.⁶ Можно думать, что трипольская „кухонная керамика“ является лишь ее дальнейшим продолжением. Не менее очевиден „дунайский“ генезис другой важнейшей группы трипольской керамики, отнесенной по классификации Т. С. Пассек к типам XII, XIII, XV, XVI секции IV.⁷ Трипольские сосуды с нарезной или желобчатой орнаментацией являются естественным результатом дальнейшего развития линейно-ленточной керамики. Прежним остается основ-

¹ Ср. О. Kandyba. Kamenne nástroje neolithické malované keramiky v Haličii. *Obzor Praehistorický*, IX, 1930—1931.

² Ср. о Дарабанах: С. Ambrojević. L'époque néolithique de la Bessarabie du Nord-Ouest. *Dacia*, III—IV, стр. 26; о Городнице: М. Smiszkó. Tymczasowe sprawozdanie z badań na osadzie neolitycznej w Horodnicy pow. Horodenka. *Bul. de l'Acad. Polon. d. Sciences et d. Lettres*, 1939, стр. 67—73 или: *Sprawozdan. Polskiej Akademii Umiej.*, XLIV, 1939, стр. 38—40; о Борисовке: М. Беляшівський. Борисівське городище. Трипольська культура на Україні, стр. 1—7.

³ W. Buttler. Die donauländischen und westischen Kulturkreise der jüngeren Steinzeit, 1938, стр. 12.

⁴ Т. Passek. La céramique tripolienne. Section V, стр. 107—115.

⁵ С. Ambrojević, к. соч. *Dacia*, III—IV, стр. 25, 43—44.

⁶ W. Antoniewicz. Z badań archeologicznych u górnem dorzeczu Dniestru. *Wiadomości archeologiczne*, VI, 1921, стр. 79—91.

⁷ Т. Passek, ук. соч., стр. 88—104.

ной прием нанесения орнаментов, только окончание палочки делается более тупым и нарезки превращаются в неглубокие желоба. Попрежнему линии объединяются в ленты. Неизменным остается и основной характер орнаментальных композиций: спиральные построения и „вращающийся стиль“.

Тем не менее, желобчатая орнаментация даже наиболее ранних трипольских сосудов имеет уже явные отличия от линейно-ленточной. По характеру желобчатого орнамента, как и во многих других отношениях, отчетливо устанавливаются различия между двумя основными группами трипольских племен — юго-западной и среднеднепровской.

Юго-западные группы занимали области Прута, Днестра, южного Буга и доходили до Липовца (Борисовка) и Казатина (Плискс-Чернявка). Среднеднепровская группа выступает на территории нынешнего Обуховского района Киевской области (Триполье, Веремье, Шербаневка) и затем, распространяясь на юго-запад, достигает Уманщины (Пьянишково). Уманщина является пограничной территорией.

В среднеднепровской желобчатой керамике число линий в одной ленте доходит до шести; в юго-западной ленте обычно состоят из двух-трех, реже четырех линий.¹

В древнейшей керамике неолитических земледельцев Европы орнамент выполняется несколькими параллельными линиями, фон, т. е. поверхность сосуда, не имеет никакого декоративного значения и орнамент непосредственно не связывается с формой украшаемого предмета. Это объясняется тем, что орнамент, наполненный магико-религиозным символизмом, имеет какое-то самостоятельное значение.²

На территории Центральной Европы и Дунайского бассейна дальнейшее развитие орнаментального искусства приводит к постепенному возрастанию декоративного характера орнаментации. В ритмических сочетаниях основных элементов, составляющих орнамент, в их соотношении с очертаниями сосуда, в чередовании украшенных и неукрашенных частей поверхности по-новому проявляется чувство ритма и красоты первобытных людей. Ранняя трипольская керамика с желобчатыми узорами выражает ту же закономерность в развитии орнаментального творчества.

Устанавливается все более непосредственная связь орнамента с формой сосудов. Но горизонтальные линии, ограничивающие орнамент сверху и снизу, во многих случаях еще чисто механически срезают последний, не включаются в общую композицию, не составляют ритмического ряда с основными мотивами. Орнамент еще в полной мере сохраняет самостоятельное магико-религиозное значение. Различные спиральные завитки и овалы покрывают сосуд сверху донизу и иногда даже заходят на дно. Нарезные ленты окружают неорнаментированные участки, заштрихованные поля чередуются с пустыми пространствами. Последние получают форму круга, овала, угла и в общей композиции играют такую же роль, как и сам орнамент. Во многих случаях становится неясным, что собственно является основным орнаментом — ленты, образованные нарезными линиями, или выделенные ими участки поверхности сосуда. Орнамент из линейного превращается в „выявленный“ (ausgesparten), из позитивного в негативный, фон получает важнейшее декоративное значение.

В юго-западной группе это осуществляется полнее, чем в среднеднепровской, и последняя дольше сохраняет традиции линейно-ленточной орнаментации.

¹ Юго-западная группа по классификации Т. С. Пассек, типы XII, XV, XVI; среднеднепровская — тип XIII. Ср.: P a s s e k, ук. соч., стр. 88—104.

² Е. Ю. Кричевский. Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы. Ученые записки ЛГУ по кафедре археологии (печатается).

В юго-западной группе больше используются ямки и черточки для заполнения лент и пустых пространств и негативный желобчатый орнамент получает красочный „расписной“ характер. Эта его особенность наиболее ярко выступает при соединении желобчатых линий с инкрустацией и настоящей росписью. В Озаринцах, напр., нарезные линии заполняются белой массой или прорисовываются белой краской, а окруженные ими участки фона покрываются красной росписью. Характерными представителями юго-западной группы ранней желобчатой керамики являются два цилиндрических сосуда, найденные в Бессарабии, близ Унген и хранящиеся ныне в Одесском музее.¹ Сосуды этих форм известны из юго-западных трипольских поселений и полностью отсутствуют в среднеднепровских. Один из этих сосудов орнаментирован несколькими рядами нарезных овалов. Сами овалы оставлены пустыми, но зато вся остальная поверхность сосуда покрыта короткими линиями и штрихами. Основной орнамент, следовательно, имеет негативный, „выявленный“ характер. Другой сосуд украшен нарезными спиралями. Наиболее интересны здесь некоторые дополнительные орнаменты. В углах, заполняющих промежутки между спиралями, вырезаны на поверхности сосуда небольшие треугольники, а параллельно краям располагаются полосы из таких же небольших прямоугольников, расставленных в шахматном порядке. Техника нанесения этих орнаментов, отличающихся от техники простейших нарезов, и сама система орнаментации, как, напр., шахматное расположение прямоугольников, не имеет точных аналогий в желобчатой трипольской керамике других областей. Очевидно, перед нами одно из локальных своеобразий бессарабского варианта юго-западной трипольской керамики. Можно было заранее предполагать, что бессарабское Триполье, как наиболее южная область распространения этой культуры, рядом своеобразных черт будет приближаться к одновременным культурам Нижнего Дуная. Все, чем отличается унгенский сосуд от обычной трипольской керамики, — все это оказывается наиболее характерным для древнейшей неолитической керамики Нижнего Дуная. Унгенский сосуд занимает как бы промежуточное положение между ранней трипольской керамикой и керамикой культуры Боиан.

Относительная хронология культуры Боиан в настоящее время может считаться установленной. На левом берегу Дуная в двух случаях была совершенно точно установлена стратиграфия: при раскопках в Глине² и у Выдры близ Букареста,³ такие же результаты дали исследования в Добрудже у Атмагеу Татараска.⁴

Культура Боиан всегда располагается в самом основании культурного слоя, и до сих пор более древние неолитические культуры не известны ни в Валахии, ни в Добрудже. В Семиградии (Трансильвании) она встречается преимущественно в восточной части страны, в верховьях Ольта, но доходит и до Мароша-Кокёля. Здесь племена Боиан непосредственно соприкасаются с племенами тордошской культуры⁵ — древнейшим неолитическим населением Семиградии.⁶

¹ T. Passek, ук. соч., табл. XIX, 6—7.

J. Nestor. Fouilles de Glina. Dacia, III—IV, стр. 229—230.

D. Rosetti. Rapport préliminaire sur les fouilles de Vidra. Publicatiile Muzeului Municipiului Bucuresti, № 1, 1934.

⁴ V. Dumitrescu. La stratigraphie des stations appartenant à la civilisation énéolithique balkano-danubienne, à la lumière des fouilles d'Atmageaua-Tătarasca. Istros I, 1934, стр. 37—43.— Proceedings of the First International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences, London, 1934, стр. 208—209.

⁵ H. Schröller. Die Stein- und Kupferzeit Siebenbürgens. Berlin, 1933, табл. 17, 1.

⁶ Roska. La stratigraphie du néolithique en Transylvanie. Dolgozatok, 1935, XII, стр. 43 сл.

Характерная для культуры Боиан нарезная керамика встречается вместе с довольно развитой тордошской посудой, отвечающей верхним слоям тордошского поселения.¹ Это, между прочим, говорит о том, что культура Боиан едва ли сложилась намного раньше середины III тысячелетия. Нелегко еще решить вопрос о происхождении культуры Боиан. Шроллер во всяком случае неправ, отрицая ее генетическую связь с кругом „культур ленточной керамики“.² Прежде всего обращает на себя внимание характер культурного слоя в древнейших поселениях Валахии. „В первом слое (поселения у Глины.— *Е. К.*) остатки жилищ выступают почти всегда разбросанно и спорадично. Этот первый слой более тонкий, чем все другие, соответствует кратковременному поселению небольшой общины, судя по редким остаткам жилищ и немногочисленному инвентарю“.³

„Первый слой (Атмагеу-Татараска) не отличается богатством, остатки состоят почти исключительно из керамики“.⁴

Слабая насыщенность культурного слоя типична для многих древних поселений, характеризуемых ленточной керамикой, в том числе и трипольских. Она является результатом определенной системы земледельческого хозяйства. Земледелие имело еще крайне экстенсивный, хищнический характер. Поле обрабатывалось недолго, почва его скоро истощалась и оно на многие годы забрасывалось. После того как все земли, окружающие поселения, были использованы, земледельцам не оставалось ничего другого, как искать себе новое пристанище и новые поля. И, очевидно, трипольские племена сравнительно быстро меняли места своих поселений, но через несколько десятков лет, вероятно, снова возвращались к своим старым участкам.

С этим частично могли быть связаны и постоянные перестройки трипольских жилищ. При раскопках раннего трипольского поселения у Бонтешти (в округе Рымника—Серета) установлено было наличие пяти отдельных прослоек: пять раз люди поселялись на этом месте, уходили и возвращались вновь.⁵ Этим, наконец, объясняется сравнительно слабая насыщенность культурного слоя и в трипольских поселениях и в поселениях культуры Боиан.

В поселениях культуры Боиан, как и в ранних трипольских поселениях, нет кремневых топоров, но всегда встречаются плоские каменные топоры-долота с асимметрично поставленным лезвием.⁶

Племена Боиан, подобно трипольским, жили в очень больших прямоугольных домах.⁷ При раскопках поселения у Боиан были сделаны некоторые стратиграфические наблюдения. Оказалось, что керамика с характерными для культуры Боиан нарезными линиями встречается преимущественно во втором слое, в третьем, нижнем, слое она попадает все реже и уступает место посуде с рельефным орнаментом.⁸ Такую посуду мы уже видели и в самом основании культурных слоев трипольских поселений в Бессарабии и в древнейших „дунайских“ поселениях на Днестре.

¹ J. Nestor. Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien. Ber. der Römisch-German. Kommission, 22, 1932, стр. 55.—H. Schrolller. Die Stein- und Kupferzeit Siebenbürgens. Zeitschr. für Ethnol., 1930, стр. 251.

² H. Schrolller, ук. соч., стр. 70.

³ J. Nestor, Dacia, III—IV, стр. 230.

⁴ V. Dumitrescu, Istros, I, стр. 39.

⁵ V. Dumitrescu. La station préhistorique de Bonesti. Dacia, III—IV, стр. 93.

⁶ V. Christescu. Les stations préhistoriques du lac de Boian. Dacia, II, стр. 259—260.

⁷ Rosetti, ук. соч., т. V, стр. 34.

⁸ V. Christescu, ук. соч., стр. 252—254.

Культура Боиан известна не только на левом берегу Дуная, не только в Добрудже, но и на правом берегу Дуная, на территории современной Болгарии. Но там как будто намечается определенная группа поселений более древнего возраста и более примитивного типа. Речь идет о так наз. „открытых неолитических поселениях и пещерах“, широко распространенных по северной и западной Болгарии и почти не известных в юго-восточной.¹

Керамика этих „селищ“ в основном соответствует посуде из самых нижних слоев Боиан, она украшена рельефным орнаментом и простейшими нарезками.²

„Одно только можно утверждать положительно, — пишет Михов, — что селища конца неолита и каменно-медной эпохи входили в круг спирально-меандровой ленточной керамики“.³ Колодкообразные клиньямотыги были и здесь основными каменными орудиями.⁴

Своеобразная нарезная керамика культуры Боиан является результатом дальнейшего развития линейно-ленточной керамики (рис. 20). Усложняется техника нанесения орнамента. Нестор называет ее техникой *Kerbschnitt* и описывает следующими словами: „В одних случаях делаются два глубоких нареза — один вертикальный, другой косой на таком расстоянии друг от друга, которое равняется ширине соответствующего желоба, и потом между ними выскабливается глина. В других случаях глина извлекается при соприкосновении обоих нарезом“.⁵ Такими приемами вырезаются не только линии, но и небольшие черточки, треугольники и прямоугольники, обычно располагающиеся, как на одном унгенском сосуде, в шахматном порядке. Декоративное значение имеют не только и даже не столько сами желобчатые орнаменты (меандры, зигзаги, спирали), целиком покрывающие значительные поля на поверхности сосуда, сколько выделенные ими неорнаментированные участки фона. Желоба заполняются белой инкрустацией, коричневая или черная поверхность сосуда подвергается полировке, весь орнамент получает негативный характер и производит красочное, „расписное“ впечатление. Подобное усложнение примитивной линейно-ленточной орнаментации можно считать закономерным; осуществление тех же декоративных принципов мы встречаем и в бюккенской керамике Венгрии⁶ и в ранне-трипольской желобчатой и расписной керамике.

Трипольская культура и культура Боиан, как явствует из всего сказанного, имеют общую основу; они представляют собой различные локальные варианты культуры ленточной керамики. Об этом свидетель-

---

¹ В. Михов. Предисторически селища и находки в България. София, 1933 стр. 33 сл.

² Ср. о Курило и Кремиковцах: Р. Попов. Материали за проучване на предисторическата епохе в Софийската котловина в Материали за историята на София, кн. V, 1921, стр. 10—17. О Мадаре: Р. Попов. Материали за проучване на селището „Под Града“ при Мадаре. Изв. на Бълг. Арх. Друж., III, стр. 90—100; R. Poroff. Beiträge zur Vorgeschichte Bulgariens. Prähist. Zeitschr., 1912, IV, стр. 88—103; Попов. Материали за предисторията на Мадара. Мадара. Разкопки и проучвания. 1934, т. 1, 5. Ср. также: Чилингаров. Предисторически находки Край Дунова. Изв. на Бълг. Арх. Друж., II, 1911, стр. 148—174; В. Михов. Принос към неолитичната култура у нас. Изв. на Бълг. Арх. инст., III, стр. 235—236. Из пещерных поселений также выделяются более древние, чем так наз. „селищни могилы“. Ср.: Р. Попов. Беяковското плато (пещери и доисторически селища), 1925, стр. 41; R. Poroff. Die Ausgrabungen in der Höhle „Malkata Podlizza“ unweit der St. Tirnowo. Prähist. Zeitschr., 1913, V, стр. 442 сл.

³ В. Михов. Предисторически селища... стр. 34.

⁴ Р. Попов. Предисторически изследвания в Вратчанското поле. Изв. на Българск. Арх. инст. II, 1923—1924.

⁵ J. Nestor. Zur Chronologie der rumänischen Steinkupferzeit. Prähist. Zeitschr., XIX, 1928, стр. 116.

⁶ F. Tompa. Die Bandkeramik in Ungarn. 1929.

ствуют многочисленные черты сходства, существующие между Боан и ранним Трипольем. Вместе с тем бросаются в глаза значительные отличия между ними. Они объясняются конкретной исторической обстановкой и, прежде всего, направлением и интенсивностью восточно-средиземноморского влияния.

На ряду с желобчатой и „кухонной“ керамикой в поселениях юго-западной группы трипольских племен устанавливается еще один вид керамических изделий. Сосуды этого вида исключительно тонкостенны и принадлежат к числу наиболее совершенных произведений трипольского гончарства. Наиболее характерна обработка поверхности — сосуды покрываются тонким слоем глины (ангоб) и подвергаются тщательному лощению (полировке), создающему впечатление примитивной глазури.

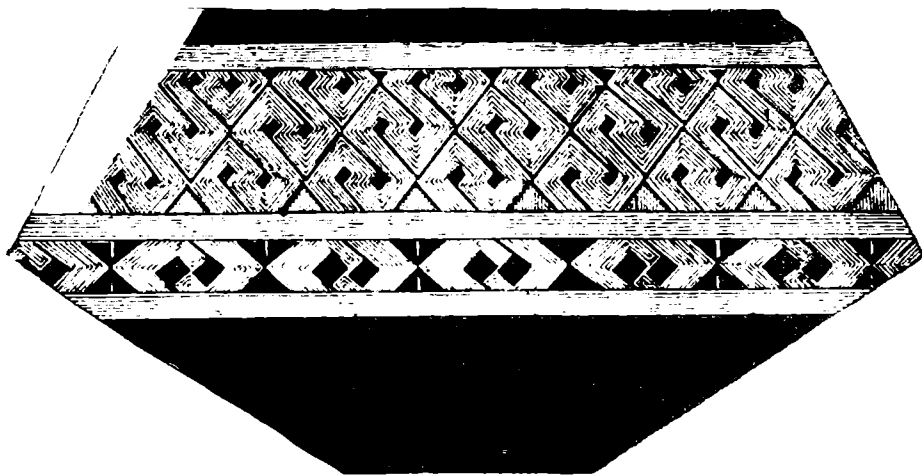

Рис. 20. Сосуд из нижнего слоя поселения у Глины (культура Боан).

В поверхность сосуда, очевидно, втирали соль, после этого тщательно полировали и затем подвергали обжигу на восстановительном или окислительном огне. От характера или степени обжига зависел цвет глины, он мог стать красным, серым или совсем черным.

Полировка — важнейшее средство обработки поверхности — здесь используется для орнаментации сосудов. На поверхности выглаживаются полосы, вероятно при помощи шпателя с широким, округлым концом, и даже просто пальцем.

Полосы имеют вид более или менее глубоких и узких каннелюр, составляющих несложные орнаментальные узоры в соединении с желобами-нарезами и рядами точек.¹ Каннелированная орнаментация чужда линейно-ленточной керамике. Как же объяснить появление у ранних трипольских племен этой относительно совершенной черной и серой полированной керамики с орнаментацией каннелюрами? Где искать ее происхождение?

Исследования последних лет показали, что эта керамическая группа имеет совершенно определенное распространение в областях Дунайского бассейна и на Балканском полуострове.

Она встречается только в ранних трипольских поселениях и только в юго-западных районах распространения трипольской культуры, в областях Южного Буга, Днестра, Прута и Серета.

В Семиградии каннелированная посуда входит в древнейший керамический комплекс, представленный, напр., в поселении у Тордоша на

¹ Ср. у Т. Passek, тип. XVII (ук. соч., стр. 104—107).

Мароше.¹ Тордошская культура установлена в центральной, западной Семиградии и в Банате; окрестности Турн-Северина являются наиболее восточным районом ее распространения.²

В области слияния Дуная и Моравы тордошская культура переходит в культуру Винчи. В самых нижних слоях поселения у Винчи встречается керамика с орнаментами, выполненными полировкой и в частности каннелюрами.³

Поселения, содержащие эту керамику, далее следуют вверх по Мораве от Белграда до Ниша и еще выше до самых источников Вардара.⁴ По дороге Моравы—Вардара уже в III тысячелетии, как и в более поздние времена, осуществлялись связи Эгейского моря, Карпат и Срединной Европы.⁵

От племени к племени, с юга на север, передавались, вместе с многими другими культурными достижениями, навыки изготовления этой относительно совершенной керамики, с ее характерной техникой (втирание соли, полировка) и орнаментацией (каннелюры). Следуя течению Вардара, мы доходим до территории Македонии. Распределение неолитических поселений на территории Македонии достаточно выразительно.

Наиболее древнее поселение здесь открыто в юго-западной части страны, в долине р. Галиакмона у Сервии.⁶ В нижнем слое (до 2600 г. до н. э.) встречается преимущественно расписная керамика, в верхнем (2600—2400 гг. до н. э.) особое распространение получает чернополированная посуда и орнаментация каннелюрами.

Во всех других поселениях, расположенных севернее, — в Халкидики⁷ и в Центральной Македонии⁸ — чернополированная керамика характеризует самые нижние слои. В Фессалии она известна в поселениях 1-го периода (Ракхмани)⁹ и, следовательно, восходит к началу III тысячелетия. Орнаментация каннелюрами получает наиболее широкое распространение ко 2-му периоду, т. е. за 2600 лет до н. э., сохраняясь и в более позднее время.¹⁰ Черная и серая керамика с полировкой, использованной для обработки поверхности и для орнаментации сосудов, встречается далее по всей Греции, в поселениях доэладского периода¹¹ (конец четвертого и первая половина III тысячелетия).

¹ J. Nestor, ук. соч., стр. 36.—H. Schmidt. Tordos. Zeitschr. f. Ethnol., 1903.

² L. Franz. Funde aus dem Banat. Wien. Prähist. Zeitschr., XIII, 1925.—Idem. Vorgeschichtliche Funde aus Rumänien. Wien. Prähist. Zeitschr., IX, 1922.—Al. Bárcácsi. Antiquités pré- et protohistoriques des environs de Turnu-Severin. Dacia, I, стр. 180 сл.

³ G. Child. The Danube in Prehistory. 1929, стр. 26 сл. Литературу о Винчи см.: Е. Кричевский. Индо-германский вопрос, археологически разрешенный. Изв. ГАИМК, № 100, стр. 199.

⁴ V. Fewkes. Neolithic Sites in the Moravo-Danubian Area (Eastern Yugoslavia). Bull. Am. School of Prehist. Research, 1936, № 12, стр. 5—77 (особенно карта на табл. I).

⁵ I. Thallon. Some Balkan and Danubian Connexions of Troy. Journ. of Hellenic Studies, 39, 1929, стр. 185 сл.

⁶ W. Heurtley. Excavations at Servia in Western Macedonia. The Antiquaries Journal, 1932, стр. 227 сл.

⁷ W. Heurtley a. C. Radford. Two Prehistoric Sites in Chalcidice. The Ann. of the Brit. School at Athens, XXIX, 1927—1928, стр. 117 сл.

⁸ W. Heurtley. Report on an Excavation at the Tomba of Vardino, Macedonia. Annals of Archaeol. and Anthrop., XII, стр. 15 сл.

⁹ Wace and Thompson. Prehistoric Thessaly. 1912, стр. 28.

¹⁰ H. Hansen. Early Civilisation in Thessaly. 1933, рис. 30, 6—7.—G. Child. The Dawn of European Civilisation. 1927, стр. 68.

¹¹ Ср., напр., Орхомен: Kunze. Orchomenos II. Die neolithische Keramik, стр. 16—25, каннелюры см. табл. VII; Херонеа: Wace a. Thompson, ук. соч., стр. 199, 202; Беотия: H. Goldman. Excavations at Eutresis in Beotia, 1931, стр. 76—79, каннелюры см. рис. 94; Коринф: Weinberg. Remains from prehistoric Corinth. Hesperia, 1937, VI, стр. 496, 511; Афины: H. Hansen. The prehistoric pottery on the north slope of the Acropolis. Hesperia, 1937, VI, стр. 541; Мессения: Valmin. The Swedish Messenia Expedition, 1938, стр. 269—272.

На Крите среди неолитической посуды также особое место занимает черная полированная керамика с отполированными орнаментами, но там она относится уже к середине IV тысячелетия, если не к более раннему времени.¹ К глубокой древности восходят образцы чернополированной, даже каннелированной керамики в Малой и Передней Азии.²

Передняя Азия и Восточное Средиземноморье были источником распространения этой своеобразной керамики с ее характерной техникой обработки поверхности и орнаментации. Чем дальше на юг и восток, тем раньше вырабатываются навыки ее изготовления. Но примерно в одно и то же время — в середине III тысячелетия — распространяются они у первобытных племен Дунайского бассейна, находящихся под непосредственным влиянием северогреческой и, особенно, фессалийской культуры. Это влияние в первую очередь затрагивает племена, живущие по течению Вардара, Моравы, Мороша, а затем Серета, Прута, Днестра и Южного Буга.

Из этого явствует, что население низовьев Дуная, т. е. племена Боиан, в меньшей мере были затронуты средиземноморским, в частности фессалийским влиянием. В этом была одна из основных причин отличия юго-западной группы ранних трипольских племен от племен Боиан. Нам известно очень мало неолитических поселений из Южной Болгарии, в бассейне Марицы.³ Напротив, их установлено довольно много в северной и западной частях страны, но они непосредственно примыкают к юго-славским.

В середине III тысячелетия не прослеживается прямых связей Нижнего Дуная и северной Греции, влияние направлялось в обход, по Мораве и Марошу, оставляя в стороне область племен Боиан. В поселениях Боиан встречаются небольшие группы керамических фрагментов с плоскими и широкими каннелюрами,⁴ но навыки изготовления такой керамики проникали сюда не с юга, а с запада. Племена Боиан не стояли под непосредственным влиянием со стороны северной Греции и Македонии. В отличие от одновременных тордошских (семиградских) и ранне-трипольских племен им, напр., неизвестны такие характерные изделия, как глиняные идолы или сосуды, украшенные цветной росписью.

У племен Боиан применялось заполнение углубленных орнаментов белым и красным красящим веществом и даже покрытие краской поверхности сосуда после обжига.⁵ Но настоящая расписная керамика, когда краски наносятся на сосуд перед обжигом, здесь неизвестна. Распространение настоящей многоцветной расписной керамики следует основному пути восточно-средиземноморского влияния: Фессалия, Мораво-Дунайская область, Семиградия и юго-западная Украина.

В Македонии расписная керамика фессалийского типа встречается в южной и западной частях страны. Она известна в южной Халкидике,⁶ юго-восточной Македонии⁷ и доходит до низовьев Струма.⁸ Но в это

¹ Evans. Palace of Minos, I, стр. 36.

² G. Child. Neolithic black ware in Greece and on the Danube. The Ann. of the Brit. School at Athens, XXXVII, 1940, стр. 32—35.

³ В. Миков. Предисторически селища.... Карта.

⁴ V. Christescu, Dacia, II, стр. 272—273.

⁵ Этот прием нанесения расписной орнаментации известен в археологии под названием „crusted ware“. Его следует сопоставлять с инкрустацией и строго отделять от расписной орнаментации, выполняющейся перед обжигом сосудов. Ср.: Langsdorff u. Nestor. Nachtrag zu Cornovoda. Prähist. Zeitschr., XX, 1929, стр. 209—210.

⁶ Оливф: G. Mylonas. Excavations at Olynthus, p. 1. The Neolithic Settlement, 1929, стр. 46—49; Критсана: W. Heurtley. Prehistoric Macedonia, 1939, стр. 75.

⁷ Реу. Observations sur les premiers habitats de la Macédonie. Bull. de Corr. Hell., 1917—1919, стр. 201.

⁸ Дикилиташ: F. Welch. Prehistoric Pottery. Ann. Brit. School at Athens, XXIII, 1918—1919, стр. 44 сл.

время, в середине и в третьей четверти III тысячелетия, навыки изготовления цветной расписной керамики не распространяются ни в Центральной Македонии,¹ ни в Болгарии, ни в Добрудже, ни в Валахии. Зато они в полной мере усваиваются племенами Моравы, Мороша и Ольта. Поселение у Старчева на Дунае близ устья Моравы² и многочисленные поселения на Мароше³ отмечают основное направление культурного влияния со стороны северной Греции.

Керамика из Ержда и ему подобных поселений на Ольте трехцветными расписными узорами, несогласованностью и атектоничностью орнаментальных зон ближайшим образом напоминает керамику второго фессалийского периода типа Димини.⁴ С другой стороны, культура Ержда непосредственно переходит в культуру нижних слоев Кукутен и других ранних трипольских поселений. Раскопки в Извоаре (Молдавия)⁵ показали, как к нарезной и каннелированной керамике наиболее ранних трипольских поселений под семиградско-фессалийским влиянием постепенно присоединяется трехцветная расписная керамика.⁶ Эта керамика была совершенно неизвестна одновременным племенам Дунайского понизовья. Дальнейшие исследования должны показать, почему в середине III тысячелетия непосредственное влияние из северной Греции пошло по так наз. „западному пути“ и обошло западное Причерноморье. Возможно, что фессалийские племена получали из Семиградии медь и золото. Со своей стороны они передавали на север навыки изготовления более совершенной керамики или сооружения прямоугольных домов, и вместе с тем познакомили семиградско-дунайские племена, а через их посредство и трипольские и Боиан с первыми изделиями из металла.

Все это имело место в середине и во второй половине III тысячелетия. Однако в конце III и в первой половине II тысячелетия положение дел стало заметно меняться. Если ранние трипольские керамические комплексы имеют многочисленные соответствия в Фессалии, то все меньше фессалийских аналогий находит поздняя трипольская керамика типа Кукутен В — Триполья В. Юго-западная Украина, как и Семиградия, выходит из сферы непосредственного северно-греческого влияния. Мы можем сейчас только отметить этот важнейший исторический факт, причины его нам еще совершенно неизвестны. Меняется направление непосредственного северно-греческого влияния, теперь оно следует западному побережью Черного моря, оставляет в стороне Семиградию и постепенно затухает, по мере приближения к Пруту и Днестру. Поэтому заметно меняется культура первобытных племен Дунайского понизовья. Культура Боиан сменяется новым культурно-племенным образованием, известным под именем культуры Гумельниты.

Культура эта складывается у племен Валахии, Добруджи и на юге непосредственно переходит в культуру болгарских „телей“.

„Тели“, как новый тип поселений, характеризуют культуру Гумельниты на всем ее протяжении. Они представляют собою невысокие усеченно-конические насыпи, диаметром от 60 до 150 м и высотой от 2 до 15 м. Эти „плоски селищни могилы“, как их называют болгар-

¹ Иногда она заменяется так наз. „crusted ware“ (W. Heurtley. Prehistoric Macedonia, стр. 74).

² G. Childe. The Danube in Prehistory, стр. 105.

³ J. Nestor., ук. соч., стр. 51—54.

⁴ G. Childe. The East European relation of the Dimini culture. Journ. Hell. Studies, 1922, XLII, стр. 254.

⁵ R. Vulpe. Civilisation précucutenienne récemment découverte à Isvoar en Moldavie. Eur. Sept. Ant., XI, стр. 134—146.

⁶ Нижнему слою Извоара соответствуют такие трипольские поселения, как Сабатинька на Южном Буге или Озаринцы на Немии, а верхнему — Кадиевцы или Незвизшка на Днестре или Кукутены А.

ские археологи, состоят из строительных остатков и мусора. „В продолжение ряда столетий, — пишет Рафаил Попов,¹ — изнашивались жилища, разрушались постройки, строительный материал все больше накапливался и скатывался к краям, образуя курган. В этом отношении наши плоские курганы напоминают датские раковинные кучи (кьеккёнмединги), с которыми, впрочем, ни по времени, ни по характеру культуры они не имеют ничего общего“.

Эти „жилые насыпи“ совершенно отсутствуют у северных соседей племен Гумельниты — у трипольских племен. Зато они уже давно были характерны для первобытного населения Фессалии и Македонии. Известно, что поселения дунайских и трипольских племен большей частью существовали недолго и культурный слой никогда не был особенно насыщенным. Это объясняется их хищническим, „полубродячим“ земледелием. Напротив, в Греции земледелие, может быть под влиянием с юга и востока, приняло более интенсивный характер, развилось огородничество, садоводство, разведение плодовых деревьев.² Поэтому и земледелие и поселения стали по-настоящему оседлыми. Столетиями могли люди жить на одном и том же месте. В конце III и в первую половину II тысячелетия навыки интенсивного земледелия, в соответствии с новым направлением средиземноморского влияния, проникли в долину Марицы и Нижнего Дуная и там впервые появились „тели“

Во многих отношениях культура Гумельниты является лишь дальнейшим развитием культуры Боиан. Все еще в ходу нарезная орнаментация и покрытие белым или красным веществом углубленных орнаментов или неорнаментированных участков фона после обжига сосуда.

У некоторых племен эта керамическая группа попрежнему доминирует. Негативным, расписным характером нарезной орнаментации она оставляет позади даже наиболее совершенную посуду культуры Боиан. Культура этих племен, развивающих дальше традиции орнаментального творчества племен Боиан, носят название культуры Вадастра, по одному селу у г. Карабиа на Дунае.³

Но у большинства одновременных им племен Нижнего Дуная посуда с нарезной орнаментацией уступает свое место новой керамической группе — расписной керамике.

Расписная керамика племен Гумельниты очень своеобразна и значительно отличается, напр., от трипольской (рис. 21). На поверхности сосуда, чаще всего серо-черной или черной, а иногда светлокоричневой, расписные узоры наносятся краской из графита. От непреднамеренно сильного обжига черный или серо-блестящий графит иногда делается матовобелым, а поверхность сосуда — красной.⁴

Происхождение этой расписной орнаментации, вероятно, восточно-средиземноморское. В Фессалии она появляется в III периоде, когда теряет свое значение обычная роспись при помощи минеральных красок, наносимых на поверхность сосуда перед обжигом.⁵

В это время впервые устанавливаются тесные связи Нижнего Дуная, Македонии и северной Греции и проникают на север навыки изготовле-

¹ Р. Попов. Культура и животъ на предисторическия човѣк в България, ч. I, стр. 38.

² Wace a. Thompson, ук. соч., стр. 73 и 85.

³ V. Christescu. Les stations préhistoriques de Vadastra. Dacia, III—IV, стр. 167 слл.

⁴ Y. Nestor u. Langsdorf. Prähist. Zeitschr., XX, стр. 211. — Y. Nestor, Prähist. Zeitschr., XIX, стр. 128. — G. Child. Some affinities of Chalcolithic Culture in Thrace. Man, XXIII, стр. 7. — Р. Попов. Коджа-Дерменската могила при г. Шумен. Изв. на Българ. Арх. Друж., VI, 1916—1918, стр. 125—126.

⁵ Wace a. Thompson, ук. соч., стр. 17. — J. Nestor, Prähist. Zeitschr., XIX, стр. 128.

ния этой своеобразной керамики с росписью из графита. Вместе с тем впервые появляется у нижнедунайских племен пластика из глины и кости. Некоторые глиняные статуэтки, как, напр., сидящие мужские фигуры с руками, протянутыми к коленям, имеют совершенно точные соответствия в поселениях III фессалийского периода.¹

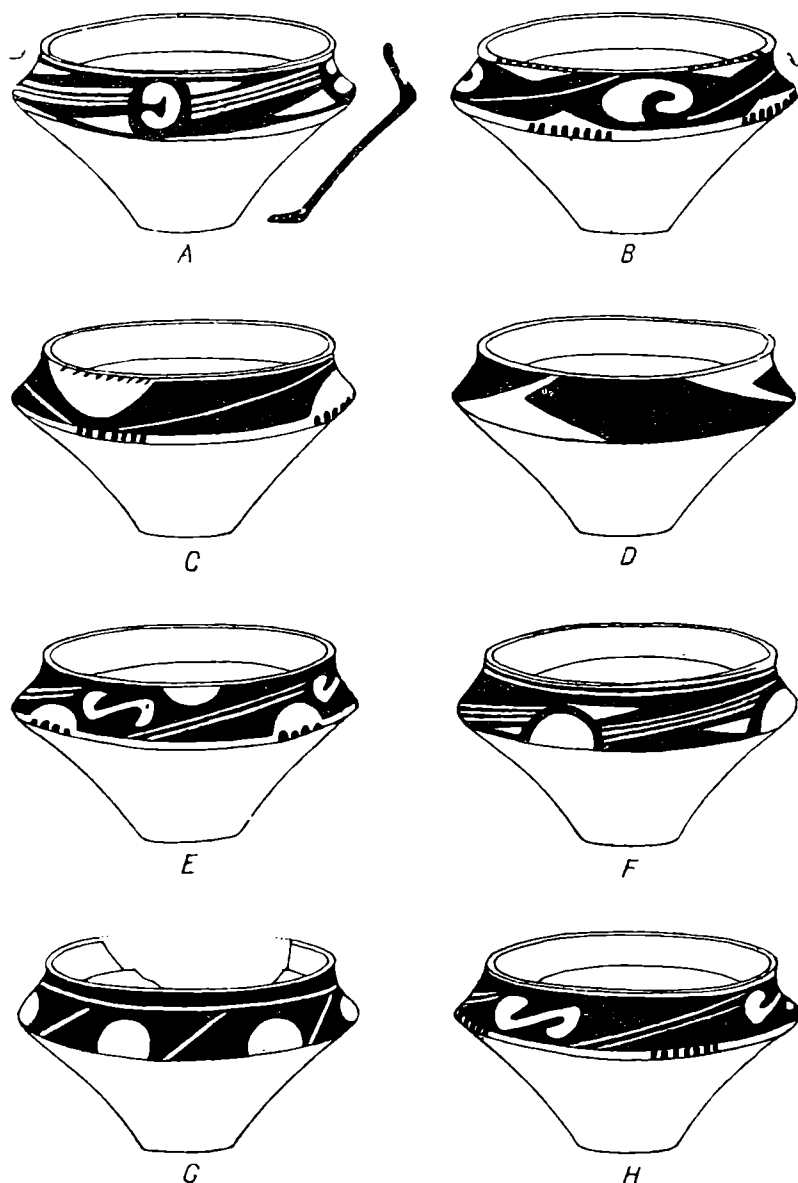

Рис. 21. Расписные сосуды из болгарских „телей“.

Очень вероятно средиземноморское происхождение различных культовых предметов из глины, как, напр., „алтарей“, „священных рогов“² или печатей для татуировки—пинтадер.

Распространение пинтадер у племен Дунайского бассейна происходило в определенный, точно ограниченный отрезок времени—скорее всего около 2300 л. до н. э.³

¹ Ср.: Seure et Degrand. Exploration de quelques tells de la Thrace. Bull. Corr. Hell. 1906, стр. 25, 26. — Wace a. Thompson, ук. соч., стр. 110.

² G. Stefan. Les fouilles de Căscioarele. Dacia, II, стр. 186—187.

³ Время VI—X династий в Египте, F i m m e n. Die kretisch-mykenische Kultur. 1921, стр. 155.

Вместе с многоцветной расписной керамикой они встречаются в Моравии и Семиградии. Они были найдены в одном раннем трипольском поселении с керамикой типа Кукутен А.¹ На нижнем Дунае они впервые встречаются в поселениях переходных от культуры Боиан к культуре Гумельниты.²

Это говорит о том, что культура Гумельниты складывается в последней четверти III тысячелетия. Эта датировка подтверждается и распространением сосудов одного своеобразного типа — так наз. асков (рис. 22). Эти аски в Фессалии и Македонии появляются впервые в поселениях конца II-го и III периода и в это же время (2300—1800 гг. до н. э.) получают широкое распространение на нынешней территории Болгарии и Румынии. Нам известна находка аска и в одном раннем трипольском поселении.³

Рис. 22. Сосуды типа аска (культура Гумельниты).

Культура Гумельниты складывается тогда, когда еще существует культура Кукутен А, но все дальнейшее развитие культуры Гумельниты совпадает с временем существования поздне трипольской культуры типа Кукутен В — Триполья В.⁴

Как и там — негативные расписные орнаменты сменяются позитивными.⁵

К асимметричным плоским или односторонне-выпуклым каменным топорам-мотыгам в поселениях Гумельниты, как и в поздне трипольских, впервые присоединяются настоящие кремневые топоры; более разнообразным становится набор кремневых, костяных и роговых орудий, связанных с охотой и скотоводством. В поселениях культуры Гумельниты появляются небольшие и одноочажные прямоугольные дома с двускатной крышей; об этом говорят как данные раскопок, так и многочисленные глиняные модели жилищ.⁶

Устанавливаются, следовательно, многочисленные стадийные соответствия между культурой Гумельниты и поздне трипольской. Отличия между ними объясняются тем, что в это время области Нижнего Дуная находились под более непосредственным влиянием Северной Греции, чем

¹ H. Dumitrescu. La station préhistorique de Ruzinoasa. Dacia, III—IV, стр. 65.

² Р. Попов. Прѣдисторическата Денева могила при село Салманово. Изв. на Бѣл. Арх. Друж., IV, 1914, стр. 151—153.

³ V. Ciurea. Aperçu des antiquités préhistoriques du Département de Baïa. Dacia, III—IV, стр. 48, рис. 2—7.

⁴ V. Dumitrescu. Notes sur Cucuteni. Istros, I, стр. 35.

⁵ D. Rosetti, ук. соч., стр. 35, 39, 41.

⁶ I. Andriesescu. Les fouilles de Sultana. Dacia, I, стр. 55—73. — V. Dumitrescu. Découvertes de Gumelnita. Dacia, I, стр. 325 сл. — Idem. Fouilles de Gumelnita. Dacia, II, стр. 59—50. — Stefan, Dacia, II, стр. 145—152. — Р. Попов. Изв. Арх. Друж., IV, стр. 197 и 214—220. — Он же. И в. Аѣх. Друж., VI, стр. 71—79 и 131—134.

области Прута и Днестра. Культура Гумельниты сохраняется в течение всей первой половины II тысячелетия. Ее финальную дату (1500—1400 гг. до н. э.) устанавливают характерные подвески из золота и некоторые другие находки.¹

Нетрудно проследить стратиграфически, как постепенно культура Гумельниты превращается в культуру эпохи бронзы. Это превращение сопровождается частичным ухудшением гончарного дела, так наз. „деградацией керамики“. Сопоставление нижних и верхних слоев в поселениях у Гульмениты, Султана, Кассиорели, Глины или двух соседних, но неодновременных „телей“ у Водастры дает необычайно выразительные результаты.²

Сложная нарезная спиральная орнаментация и расписная орнаментация полностью исчезают. Сохраняются более примитивные приемы орнаментации — простые нарезки, рельефные линии, ямки, зарубки и т. д. В верхних слоях снова входят в моду каннелюры. Они станут еще более характерными несколько позднее — для керамики эпохи развитой бронзы.³

Интересный, но еще загадочный процесс постепенного упрощения керамики и особенно ее орнаментации в первой половине II тысячелетия не ограничивается только областями Нижнего Дуная. Он засвидетельствован для III периода Фессалии и Македонии.⁴ Стратиграфия Кукутен иллюстрирует тот же процесс в развитии трипольской керамики.⁵ При раскопках у Перчиу (близ Серета) фрагменты керамики и пластики типа Кукутен В были найдены вместе с керамикой, типичной для эпохи ранней бронзы.⁶

Раскопки у Сарата-Монтеору⁷ и у Комарова близ Галича⁸ также показали, что, подобно культуре Гумельниты, позднейшее Триполье доживает до самой середины II тысячелетия.

Е. Ю. Кричевский

---

¹ V. Dumitrescu. La date finale de la civilisation Gumelnita. Ann. Brit. School at Athens, XXXVII, 1940, стр. 73. Мы, следовательно, принимаем для культуры Боиян дату 2600—2300 гг. до н. э., а для культуры Гумельниты 2300—1400 гг. до н. э. Дискуссию об относительной хронологии румынского неолита и энеолита см. также: O. Meghin. Die Herkunft der bulgarischen Steckdosen. — Götze-Festschrift, 1925, стр. 77—83. — V. Dumitrescu. Betrachtungen über die „Steckdosen“ der rumänisch-bulgarischen Boian-A-Kultur. Wien. Prähist. Zeitschr., XXIII, 1936, стр. 142—150. — Рец. Nestor'a на: Dumitrescu: La cronologia della ceramica dipinta dell'Europa orientale. Ephemeris Daco Romana, IV. Prähist. Zeitschr., XX, стр. 320—322.

² Гумельниты: Dacia, II, стр. 55, 65—66; Султана: Dacia, I, стр. 92, 99; Кассиорели: Dacia, II, стр. 153, 175; Глина: Dacia, III—IV, стр. 238; Водастра: Dacia, III—IV, стр. 212.

³ R. et E. Vulpe. Les fouilles de Tinosul. Dacia, I, стр. 190—193. — H. Dumitrescu. Rapport sur les sondages de Gradistea-Fundeanca. Dacia, III—IV, стр. 150—156.

⁴ W. Heurtley. Prehistoric Macedonia, стр. 79—80. — W. A. Thompson, стр. 245.

⁵ Е. Ю. Кричевский. Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы. Краткие сообщ. ИИМК, III, стр. 8—9.

⁶ R. et E. Vulpe. La station de Perchiu, près de Huruesti. Dacia, III—IV, стр. 157—166. Поселение датируется XVI в. Ср.: R. et E. Vulpe. Les fouilles de Poiana. Dacia, III—IV, стр. 277—281.

⁷ H. Schmidt. Die Ausgrabung von Cucuteni und Sarata-Monteoru im Lichte der ägäischen Vorgeschichte. Archäol. Anz., 1923/24, стр. 348.

⁸ T. Sulimirski. Cementarzysko kurhanowe w Komarowie koło Halisza i kultura Komarowska. Bul. de l'Acad. Polon. d. Sciences et d. Lettres, 1936.

ДРЕВНИЙ ГОРОД ТИРА-БЕЛГОРОД-АККЕРМАН

Весь Советский народ с восторгом встретил весть о мирном разрешении советско-румынского конфликта, об уничтожении исторической несправедливости, о возвращении в состав СССР отторгнутой 22 года тому назад Бессарабии. В числе первых пунктов, занятых 28 июня частями доблестной Красной Армии, был Аккерман — город на западном берегу Днестровского лимана, лежащий на месте античного поселения, носившего имя Тиры. Тем же именем (Тирас) называлась мощная река, в устье которой предприимчивые милегцы основали колонию.

Наименование „Тирасполь“ (город Тирас) было дано и поселку, расположившемуся вокруг небольшой крепости, построенной после второй русско-турецкой войны по инициативе Суворова на отошедшей к России территории на левом берегу Днестра, много выше Аккермана по течению реки. Город Тирасполь до настоящего времени носит это имя, тем самым сохраняя память о широко развившемся в конце XVIII в. интересе к давнему прошлому юга СССР.

Настоящая территория античного города Тиры значительно позднее, лишь в 1812 г., вместе со всей Бессарабией вошла в состав России, и находившийся на ней город Аккерман сделался административным центром уезда того же названия.

Нельзя сказать, чтобы античной Тире повезло в смысле исторических и археологических данных о ней. Эти данные очень скудны. В античных источниках она упоминается лишь мимоходом, как географический пункт, без всяких подробностей, которые позволили бы характеризовать ее экономическую и историческую роль. Археологические находки, относящиеся к ней, также малочисленны и случайны, поскольку систематических раскопок на территории города не производилось. Достаточно сказать, что только небольшими раскопками Э. Р. Штерна, произведенными в 1901 и затем в 1912 г.,¹ было окончательно установлено, что античный город находился именно на участке, теперь занимаемом средневековой крепостью. До того вопрос о местоположении античного города был спорным, так как надписи римского времени, относящиеся к Тире, были найдены значительно выше по берегу Днестра, у сел. Чобручи и Коротного.

Время основания города нам неизвестно. Возможно, что первые греческие поселенцы появились в этом месте еще в архаическую эпоху, в VII—VI вв. Однако, поскольку Геродот² говорит только о „Тиритах“, населяющих местность по нижнему Днестру, и не упоминает имени самого города, можно предполагать, что в его время поселение еще не оформилось в правильно организованную городскую общину.

Первыми памятниками, свидетельствующими о самостоятельном существовании античной Тиры, являются монеты, снабженные именем города. Наиболее ранние из них относятся к середине и второй половине IV в. до н. э. (рис. 23).

Среди изображений лицевых сторон монет преобладают головы богини Деметры в венке из колосьев или бога реки Тираса в виде безбородого юноши с маленькими рожками над лбом. На оборотных сторонах монет изображаются: тот же венок из колосьев, гроздь винограда, голова взнузданного коня, стоящий бык, рыба. Мы можем убедиться, что все виды хозяйства и промыслов, которые в настоящее время характерны для нашего Причерноморья, были знакомы античной Тире — в первую очередь хлебопашество в плодородных степях Бесса-

¹ Зап. Одесск. общ. ист. и древн., т. XXIII, стр., 33 сл.; т. XXXI, стр. 92 сл.

² Кн. IV, 51.

рабии, разведение винограда, коне- и скотоводство на ее тучных пастбищах, рыбная ловля в лимане и прилегающей части Черного моря.

Об оживленных торговых связях ее с другими греческими городами говорят найденные на ее территории различные фрагменты керамики, между прочим, клейменные амфорные ручки — родосские, синопские, фассосские и из других мест.

Монеты Тиры разнообразны, интересны и художественны по исполнению. Однако они очень немногочисленны и по количеству не могут идти ни в какое сравнение с более грубыми и небрежными монетами Ольвии того же времени. Это свидетельствует, что торговая роль Тиры все же была много скромнее, чем роль Ольвии. Восстановление имени Тиры в очень фрагментированном списке плательщиков взносов в кассу афинского союза весьма сомнительно,¹ а помимо этого мы имеем от автономной эпохи только одну надпись, которая говорит, однако, скорее о чисто транзитной роли Тиры как станции на морском пути вдоль западного побережья Понта в Ольвию.²

Рис. 23. Монеты Тиры.

1 — драхма с головой Деметры; 2 и 3 — медные монеты с головой Тираса, биксом и головой коня; 4 — медная монета с головой Диониса и виноградной кистью; 5 — медная монета с головой Понта и рыбой.

В период мифрадатовских войн Тира, так же как и другие города северного Черноморья, была вовлечена в направленные против Рима предприятия Мифрадата Евпатора. Это явствует из сходства типов монет Тиры в начале I в. до н. э. с типами монет Пантикапея и городов Понтийского царства.

В середине I в. до н. э. Тира вместе с Ольвией подверглась разрушению во время опустошительного похода гетов, охватившего и города западного Черноморья. Повидимому, город целое столетие пролежал в развалинах. Вновь мы слышим о нем в середине I в. н. э. С 57 г. н. э. город Тира начинал свое собственное летосчисление, согласно которому датированы сохранившиеся надписи римского времени. Очевидно, введение своей городской эры было связано с восстановлением города из развалин при поддержке Рима. С этого же момента в городе начали обращаться очень стертые римские монеты, носившие в надчеканке начальные буквы имени города — ТΥΡ. А со времени правления Доми-

¹ Вестн. др. ист., 1939, кн. 3, стр. 238. — Ср.: С. А. Жебелев. Изв. АН СССР, Отд. обществ. наук, 1930, стр. 812, прил. 2; Изв. ГАИМК, вып. 104, стр. 24 сл.

² Вестн. др. ист., 1939, кн. 3, стр. 310, № 2.

циана город уже более или менее правильно, правда с перерывами на некоторые правления, чеканит монеты со своим полным именем, хотя и помещает на лицевой стороне портреты императоров.

Из надписи римского времени¹ нам известно, что государственное устройство Тиры было в этот период близким к тому, какое мы знаем для Ольвии, что город управлялся народным собранием и советом, что исполнительным органом власти была коллегия из четырех архонтов, причем первый из них был эпонимом. Недавно опубликованный фрагмент надписи IV—III в. до н. э.,² в которой упоминались архонты, свидетельствует, что и в до-римскую эпоху государственное устройство города было, вероятно, такое же.

Восстановление Тиры после гетского погрома, очевидно, происходило не только при поддержке Рима, но и при деятельном участии местного населения, представители которого вошли в состав городской общины. По крайней мере среди подписывающих документы архонтов и влиятельных граждан можно встретить много и римских и варварских имен.

В середине II в. н. э. Тира переживает экономический подъем, о котором свидетельствует оживление чеканки монет при Антонине Пие. Повидимому, этому императору Тира была обязана предоставлением гражданам очень важного для них права беспошлинной торговли. Эти права, очевидно, забытые и оспаривавшиеся впоследствии, были торжественно подтверждены в 201 г. в письме императоров С. Севера и Каракаллы.

Это письмо, вместе с письмом наместника Мэзии, Овиния Тертулла, к гражданам Тиры воспроизводится в дошедшей до нас надписи, найденной в селе Коротном.³ Еще в одном фрагменте надписи северовского времени из Тиры можно предполагать письмо римского администратора, касающееся торговли Тиры. Очевидно, в северовскую эпоху римские администраторы очень внимательно относились к городу и старались содействовать его процветанию. Причины таких особых забот римской императорской власти в отношении Тиры понятны. Весьма вероятно, что на границе III в. н. э., когда усилился натиск на греческие города Черноморья степных варваров, Рим, стремясь сохранить свои позиции на Черноморье и мало надеясь удержать в руках более отдаленную Ольвию, стал выдвигать в качестве торгового пункта более близкую Тиру, всячески развивая и поддерживая ее торговую роль. Эти расчеты не оправдались. Как свидетельствует прекращение городской чеканки и в Тире и в Ольвии со времени Севера Александра, оба города, очевидно, в правление следующего императора, Максимиана, сделались жертвой нашествия варваров. Если в Ольвии мы еще имеем находки, относящиеся к середине III в. н. э., позволяющие предполагать, что она продолжала еще два-три десятилетия существовать, правда, скорее в качестве военного форпоста, занимаемого по временам римскими отрядами, чем в качестве оживленного торгового пункта, то Тира со времени Максимиана надолго сходит с исторического горизонта.

Тщательное и систематическое археологическое исследование территории города должно, надо надеяться, осветить судьбу его в пору раннего средневековья. Что Днестр и в средние века, повидимому, сохранял значение водного пути из Средней Европы к Черному морю, свидетельствуют находки в Бессарабии, и в частности в районе Аккермана, брактеатов XI—XII вв. Из эпохи позднего средневековья, конца XIV—XV вв., мы имеем уже прямые указания у путешественников этого времени на жи-

¹ IosPE, I², № 2.

² Dacia, т. III—IV, 1933, стр. 566.

³ IosPE, I², № 4.

вленную торговлю хлебом, скотом и мехами, которая велась через Аккерман. В эту пору город носит название: в славянских источниках Белгорода, на западноевропейских картах Монкастро или Маврокастро, в греческих источниках Левкополис или Аспрокастрон. Тогда же, в XV в., началось сооружение крепостных стен, составляющих в настоящее время главную историческую достопримечательность города. Предположения о построении этой крепости генауэцами, повидимому, лишены всякого основания.¹ В Одесском историческом музее хранится ряд эпитафических документов, происходящих из стен Аккерманской крепости: две славянских надписи от 1438 и 1454 гг. (рис. 24) и одна греческая от 1440 г.²

Рис. 24. Славянская надпись с крепостной стены из Аккермана.

Все они говорят о постройке ворот и стен. Возведение крепостных сооружений в это время было вызвано как обострением междоусобий молдавских господарей, так и возросшей опасностью наступления турок. Во второй половине XV в. эта опасность надвинулась вплотную и в 1484 г. город был взят войсками турецкого султана Баязета II. Находясь более трех столетий под турецким владычеством, город носил наименование „Аккерман“. Поскольку *ак* обозначает по-турецки *белый*, это наименование стоит, повидимому, в связи со славянским именем „Белгород“. Турками были произведены некоторые переделки в крепости и ими же выстроен замок с четырьмя башнями в северо-восточном углу ее.³

¹ Бертъе-Делагард, ЗОО, т. XXII, прот., стр. 75.

² А. А. Кочубинский. Лапидарные надписи XV столетия из Белгорода, что ныне Аккерман, ЗОО, т. XV, стр. 513 слл. — Он же. Тура-Белгород-Аккерман и его новая лапидарная надпись от 1454 г. ЗОО, т. XXIII, стр. 19 слл.

³ Виды крепости и старые рисунки ее см. Н. И. Репников. Несколько слов об Аккерманской крепости. Зап. Разряда военн. археологии и археогр. Русск. военно-истор. общ., т. II.

В конце XVIII в., во время русско-турецких войн, Аккерман дважды был взят русскими войсками (в 1770 и 1789 гг.), но оба раза по мирным договорам, Кучук-Кайнарджийскому и Ясскому, был возвращаем Турции. В начале русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Аккерман был вновь занят русскими войсками и на этот раз по Бухарестскому миру 1812 г. остался за Россией.

Территория Аккермана, как сказано, еще очень мало обследована археологически, и этим объясняется большое количество лакун в наших сведениях об исторических судьбах города. Раскопки на почве Аккермана, производившиеся в начале 1900-х годов случайно и на частные средства, поскольку они не носили систематического характера, дали мало материала для восстановления полной картины его прошлого. Случайный и бессистемный характер носили и раскопки, произведенные на территории Тиры румынами. Мы не сомневаемся, что теперь на археологическое обследование района Аккермана будет обращено должное внимание, которого территория античной Тиры вполне заслуживает.

А. Н. Зограф

РОЛЬ ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В СЛОЖЕНИИ КУЛЬТУРЫ ПОДНЕСТРОВЬЯ И ПОДНЕПРОВЬЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н. Э.

В процессе работы над памятниками западноукраинских областей первых веков н. э. встал вопрос о близости так наз. липицкой культуры с синхронными и несколько более ранними памятниками Дакии и Нижней Мезии и о роли последних в сложении и развитии культуры среднего Поднестровья и Днепровского правобережья. Для правильного разрешения вопроса этногенеза восточного славянства, во всяком случае юго-западной ветви последнего, обойтись без углубленного изучения западного Причерноморья невозможно.

К сожалению, до сих пор Дакия, равно как и Нижняя Мезия оставались совершенно вне поля зрения археологов, занимающихся северным Причерноморьем этого периода и вопросами славянства. Между тем, роль восточной Дакии и Нижней Мезии в развитии культуры и исторической жизни северного Причерноморья, и в частности Крыма и Поднепровья, вплоть до поры Юстиниана I (527—565 гг.) чрезвычайно велика.

Дакия, особенно ее приморские районы, была в первые века н. э. одной из наиболее передовых областей римского мира, с цветущей городской жизнью, с широкими торговыми связями, находившимися в руках объединенных в коллегии римских купцов, с крупным землевладением, строившимся на рабовладельческой основе, с развитым ремеслом, использовавшим местные природные богатства. Тесные связи с эллинистическим миром юга и с северным Причерноморьем, в частности с Ольвией, определили и своеобразие сложившейся здесь провинциально-римской культуры. Основную массу населения Дакии, как показывают письменные, эпиграфические и археологические источники, составляли старые, издавна оседло-земледельческие племена. В историко-культурном развитии этих племен немалую роль играли, с одной стороны, постоянный приток с востока и с северо-востока кочевых, сначала скифских, а потом сарматских элементов, с другой стороны, — античные центры на западном побережье Черного моря: Тира, Каллатия, Томи, Истрия, Аполлония и др., и постоянные связи с Ольвией. Образование огромного гетского государства Бурвисты, включившего в свой состав часть современных западноукраинских областей, Бессарабию, Сев. Буковину, Румынию, Венгрию,

Болгарию и Чехо-Словакию, последующий разгром его римлянами, войны Траяна и образование в 106 г. римской провинции Дакии, покинутой римлянами лишь в 270—271 гг., наконец, образование готских племенных союзов — сыграли немалую роль в ускорении социально-экономического развития местного населения и содействовали сильной романизации не только прибрежной полосы, но и более глубинных районов.

Систематически исследованные румынскими, а отчасти и немецкими археологами, памятники эпохи позднего латена и так наз. римского периода представлены многочисленными поселениями — открытыми селищами, связанными с ними могильниками, равно как и довольно многочисленными отдельными находками.

Поселения, обычно расположенные на возвышенных холмах между реками, на водоразделах или близ рек или озер, представляют собой небольшие селища земледельческого населения с количеством жителей не более 100 чел. Жилища — двоякого типа: в степной полосе — полуземлянки, в более богатых лесом подкарпатских районах — надземные жилища с обмазанными глиной, сплетенными из тростника стенами и крытой соломой или тростником крышей, а также просто деревянные. Жилища в плане прямоугольные, размером ок. 2 × 4 м; отдельные жилища окружены рвом и частоколом. Находки в прилегающих к домам хранилищах — зерновых ямах — и в погребях зерен пшеницы, льна, конопли, проса, а также земледельческих орудий (зернотерки, серпы, сошники) указывают на широкое развитие земледелия. Население селищ занималось также и скотоводством, о чем говорят находки костей домашнего скота, в полной мере совпадающие с находками в западноукраинских селищах первых веков н. э. Сильно развито было гончарство, на что указывают находки керамики местного изготовления, лепной и сработанной на гончарном круге, в орнаменте которой продолжают жить старые местные традиции. Отмечены также находки гончарных печей с серой „готской“ керамикой, аналогичные печам, открытым севернее, в Лепесовке Кременецкого района, в Тропищеве Меховского района и в других местах. О роли ткачества свидетельствуют многочисленные находки пряслиц, главным образом глиняных. Значительного развития достигла и металлообработка.

Могильники представлены почти исключительно погребениями с трупосожжением: этот ритуальный обряд, издавна известный у гетов, сохранялся и в римское время. Погребения совершались в урнах архаической формы, сделанных от руки, и сопровождалась незначительным инвентарем: глиняными сосудами с пищей, мелкими украшениями и предметами повседневного быта, напр. в женских погребениях — пряслицами. Оружие в этих массовых погребениях сельского населения отсутствует.

В целом археологический материал поселений и рядовых могильников, а также курганных погребений с сожжением, которые сосуществуют с последними, указывает на значительную социальную дифференциацию населения. При этом обнаруживается чрезвычайное сходство с памятниками соседней с севера территории юго-восточной Галиции, так наз. липицкой культуры, а для III—IV—V вв. н. э. и со значительно более широкими областями среднего Поднепровья и правобережья Днестра.

В плане изучения связей восточной Дакии и Нижней Мезии с средним Поднепровьем и Поднепровьем чрезвычайно большой интерес представляют пути, связывавшие прибрежные районы с глубинными и ведущие на север, по которым двигались римские купцы.

Таковы пути:

- 1) соединявший Черное море с Трансильванией: из Томи, по М. Скифии через Пойану (древн. Пироборидава), Ойтуз, на Бретецк;
- 2) соединявший Трансильванию с Ольвией, через Молдавию, Бессарабию и Тиру;

3) Днестровский путь — вверх по Днестру до его излома у г. Залещиков, далее по р. Збручу и другим северным притокам среднего Днестра на южную Волынь, откуда он вел на север по р. Горыни, и далее на восток в район бассейна Днестра. Второе разветвление этого пути шло по Бугу на северную Волынь и далее на север, через Брест-Литовск в Пруссию, к берегам Балтийского моря;

4) Прутский путь на север. Он имел, однако, меньшее значение.

Все эти пути хорошо прослеживаются по кладкам римских монет, отдельным находкам римских импортных изделий, а в южных частях по римским укреплениям-лагерям, напр. Барбоши (древн. Гертина) на р. Серете, на дороге, соединявшей Томи с Бретецком в Трансильвании.

Роль этих путей в установлении тесных связей с западноукраинскими и северно-причерноморскими областями чрезвычайно велика.

б

Рис. 25. Тропаеум Traiani бл. сел. Адамклесси (Добруджа). Пленный варвар.

Большой интерес представляют укрепления — система так наз. „Траяновых валов“ — в Добрудже, где известно три таких вала, один из которых должен быть отнесен, как показали работы К. Шухарда и др., ко времени траяновых войн. Земляные валы Добруджи, повидимому, весьма близки к так называемым „Траяновым валам“ на среднем Днестре в юго-восточном углу Галичины, в районе Залещиков и по р. Збручу, а также к валам Бессарабии.

Исключительно важным является вопрос об этнической принадлежности населения Дакии и Нижней Мезии римского периода. Этот вопрос тесно связан с вопросом этнической принадлежности носителей так наз. липицкой культуры юго-западных украинских областей.¹

Этнографическая карта западного Причерноморья очень пестра и этногенический процесс очень сложен, особенно в приморских районах. Налицо здесь и этнически и культурно и скифские, и кельтские, и сарматские элементы. Основную массу сельского населения составляли, однако,

¹ См. работу автора „Культура западных областей Украины в первые века н. э. (К вопросу об этногенезе славян)“ [Сб. „Этногенез восточных славян“ (печ.)].

гето-дако-фракийские племена. Эпиграфические памятники II—III вв. говорят о значительных бесских элементах среди населения дакских селищ (*vici cives Romani et Bessi continentes*), воспоминание о которых сохранилось в самом названии Бессарабии. Интересные данные можно, наконец, почерпнуть и из памятников искусства, напр. из такого замечательного памятника, как *Tropaeum Traiani* у сел. Адамкисси в Добрудже.¹

Среди рельефных изображений варваров, побежденных Траяном, ясно выделяются 3 группы, количественно неравные. Наиболее многочислен-

Рис. 26. Пряжка с головой славянина. Киев. Исторический музей.

ная дает изображение обычного обобщенного образа германца с характерным узлом волос над правым виском. Две других группы представлены значительно меньшим количеством изображений. Особый интерес для нас представляет вторая группа изображений пленных варваров, длинноволосых, со свободно нависающими на лоб, плохо или вовсе непричесанными косматыми волосами и с большой остроконечной бородой. Они одеты в узкие подпоясанные штаны и кафтан с длинными рукавами, опускающийся почти до колен, с расходящимися полами (рис. 25, а и б). В этой группе К. Шухардт усматривает костобоков.²

Обращает внимание несомненное отличие этих изображений от изображений германцев. В то же время характерно их сходство, с одной стороны, с хорошо известными греческими изображениями скифов, хотя и условными, но наделенными особыми определенными чертами, с другой, — с одним памятником-подвеской, в которой усматривают бастарна;

наконец, с замечательной пряжкой VII в. с головой славянина, найденной в Киевской обл. (рис. 26).³ Но особенно близко сходство с недавно обнаруженными в сел. Пойана (Ю. Молдавия) глиняными статуэтками. Найденные в верхнем римском слое в нижних частях двух разбитых амфор 28 грубых статуэток из обожженной глины (3 мужских и 25 женских) представляют собою вотивные изображения. Женские статуэтки — с заломленными за спину руками, у мужских — руки свободны, но они с ранами на груди и животе. Тип изображений варварский — с длинными волосами, падающими на уши и виски, прямыми длинными усами и остроконечными бородами — исключительно близкий к группе 3-й варваров-пленников на памятнике Адамкисси.⁴

Сопоставление изображений *Tropaeum Traiani* и вотивных статуэток, найденных в Пойана, с текстом рассказа Олимпиодора (писателя первой половины V в.) об обнаружении путем раскопок во Фракии во времена

¹ Gr. G. Tocilescu, Otto Benndorf und Georg Niemann. Das Monument von Adamklissi. *Tropaeum Traiani*, Wien, 1895.

² C. Schuchardt. Die Römer als Nachahmer im Landwehr- und Lagerbau. *Sitzungsber. d. Preuss. Akad. d. Wissensch., Phil.-hist. Kl.*, 1931, т. XXIII, Berlin, 1931, стр. 610, прим. 1.

³ Хранится в Киевском историческом музее. Скифо-сарматский отдел.

⁴ См. рецензию на работу R. Vulpe „Les figurines magiques de Poiana et les captifs des reliefs d'Adamklissi“ (*Istros*, т. I, 1934, стр. 173—174). Самой работы Vulpe в Ленинграде, к сожалению, нет.

имп. Констанция II (353—361 гг.) серебряных кумиров варваров с костяными головами, позволяет выдвинуть предположение, что мы имеем на памятниках Адамкисси обобщенный образ северного варвара. Быть может, это действительно костобок или бесс, представитель населения северо-восточной Дакии и примыкающих к ней с севера областей, т. е. того населения, которому принадлежит и липицкая культура и которое на рубеже первой и второй половины I тысячелетия н. э. оформляется как юго-западная ветвь восточного славянства. В этническом составе этого населения и в его культуре дако-бесские элементы занимают немалое место.

М. А. Тиханова

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛАТЫШСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Археологические исследования в Восточной Прибалтике (б. Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губ.) начались более 100 лет тому назад. Первые работы Ф. Крузе¹ и И. Бэра² были еще недостаточно совершенны.

Крупным исследователем-археологом второй половины XIX в. был К. Гревинг, много сделавший для исследования каменного века в Восточной Прибалтике.³ В последней четверти XIX в. археологические работы здесь становятся особенно интенсивными. Результатом этих работ является составленный Р. Гаусманом каталог выставки, организованной к X Археологическому съезду в Риге. В нем собран и систематизирован весь известный в то время археологический материал по Восточной Прибалтике.⁴

В 1908 г. появляется обзор археологических исследований⁵ за десятилетие 1898—1908. Этим исчерпывается основная дореволюционная археологическая литература по Восточной Прибалтике в целом. Начиная с 1918 г. археологические исследования ведутся уже отдельно по каждой из прибалтийских стран (Латвии и Эстонии).

Если в основном археологические исследования в XIX и начале XX в. носили собирательный и описательный характер, то все же в некоторых из них имеются попытки дать обобщения и высказать предположения об этнической принадлежности памятников.

Общим для всех археологов и историков было утверждение о сравнительно позднем переселении на территорию Прибалтики ее современных жителей. Что касается предположений о времени переселения и об этническом составе переселенцев, то тут господствующими являлись два направления: Шлецер,⁶ Ватсон⁷ и Деринг⁸ полагали, что север Прибалтики

¹ Fr. Kruse. Necrolivonika. 1842; второе изд. 1859.

² J. Bähr. Die Gräber der Liven. 1850.

³ C. Grewingk. Zur Archaeologie des Balticum und Russlands, т. I. 1874; т. II, 1877 (Archiv für Anthropologie, Bd. VII u. X) и ряд других работ. См. на русском языке. К. Гревинг. О железном веке в Балтийском крае. Тр. IV археол. съезда, Казань, 1877.

⁴ R. Hausmann. Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga. 1896.

⁵ R. Hausmann. Übersicht über die archäologische Forschung in den Ostseeprovinzen im letzten Jahrzehnt. Arbeiten des ersten baltischen Historikertages zu Riga 1908, Riga, 1908.

⁶ A. L. Schläzer. Allgemeine nordische Geschichte. Halle, 1771.

⁷ K. Fr. Watson. Ueber den lettischen Völkerstamm. Jahresverh. der kurländ. Gesellsch. für Lit. und Kunst, Bd. II, Mitau, 1822.

⁸ J. Döring. Ueber die Herkunft der kurländischen Letten. Sitzber. der kurländ. Gesellsch. für Lit. und Kunst. Mitau, 1881, стр. 47—118.

до Мемеля с древних времен занимали финские племена, которые позднее были оттеснены литовцами и латышами к побережью Рижского залива; Ширрен,¹ Коскинен² и др. утверждали, что территория Курляндии и Лифляндии раньше была заселена латышами, финские же племена ливов и куров³ пришли позднее морем из Карелии и оттеснили латышей от Рижского залива. К этим двум основным научным течениям примыкают историки и археологи последующего времени. Так, Биленштейн,⁴ правда не указывая времени переселения финских племен в Прибалтику, полагает, что ливы пришли сюда из Карелии морским путем. С. К. Богоявленский,⁵ производивший в 1896 г. раскопки в Лифляндии, относит переселение ливов из Карелии к началу IX в. н. э., причем считает, что оно происходило не морским, а сухопутным путем: от Невы, через Вотскую Пятину, псковские и витебские земли, где переселенцы оставили свои памятники в виде могильников люцианского типа и следы своего пребывания в топонимике края. Территорию у Рижского залива, по мнению Богоявленского, ливы заняли во второй половине XI в., частично вытеснив латышей. В. Рейман⁶ и Прантс⁷ полагают, что переселение финских племен (куров, ливов и эстов) на побережье Балтики произошло приблизительно в V—VII вв. н. э. Что касается историков, занимавшихся вопросами немецкой колонизации, то они почти не затрагивали этнических проблем, ограничиваясь утверждением примитивности культуры туземцев и культуртрегерской роли немцев.⁸

За последние 20 лет в Латвии был проведен ряд новых археологических исследований и были открыты многочисленные памятники от каменного века вплоть до XII—XIII вв. и позже. В итоге этих работ в печати появились как отчеты, так и отдельные обобщающие труды, где, кроме вопросов культурного и социально-политического развития, ставятся и проблемы этнического состава населения Восточной Прибалтики. Однако в разрешении этих вопросов еще много неясностей, а также тенденциозного освещения. Серьезной и обстоятельной является работа Г. Моора о раннем железном веке в Лифляндии. Им собраны и описаны все памятники этого времени.⁹ Интересны также работы Э. Штурмса¹⁰ и Ф. Балодиса,¹¹ которые, однако, отличаются известной

¹ С. Schirren. Nachrichten der Griechen und Römer über die östlichen Küstenländer des Baltischen Meeres. Riga, 1852.

² J. Koskinen. Finnische Geschichte von den frühesten Zeiten bis an die Gegenwart. Leipzig, 1874, стр. 6—8.

³ Вопрос об этнической принадлежности куров долгое время являлся спорным; некоторые исследователи считали их финским племенем, некоторые латышским.

⁴ A. Bielenstein. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. СПб., 1892, стр. 355—375.

⁵ С. К. Богоявленский. Раскопки в Лифляндской и Курляндской губерниях летом 1896 г. Тр. X Археол. съезда в Риге. Рига, 1896, т. III, стр. 95.

⁶ W. Reimann. Eesti ajalugu. В книге К. О. Lindequist'a „Üleüldine Ajalugu“ (ч. I, 1903, стр. 480).

⁷ H. Prants. Eesti vanem ajalugu. Tallinn, 1920, стр. 21.

⁸ E. Seraphim. Livländische Geschichte. 1897, т. I, стр. 3 и сл.

⁹ H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland. Teil I. Verh. der Gelehrten estn. Gesellsch. (Verh. GEG), XXV, Tartu, 1929; Teil II (Verh. GEG), XXIX, 1938.

¹⁰ Ed. Sturm s. Die vorgeschichtlichen Probleme des Kurenlandes. Sitzber. der Gesellsch. für Geschichte und Altertumskunde zu Riga (Sb GEG). Vorträge, 1934, Riga, 1935. — I d e m. Zur Vorgeschichte der Liven. Eur. Sept. Ant., X, Helsinki, 1936. — I d e m. Ein steinzeitlicher Wohnplatz am Zebrus-See in Kurseme. Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae. 1930. Acta Universitatis Latviensis. Philol. et Philos. Ordinis Ser., t. I, suppl. 1, Rigae, 1931.

¹¹ Fr. Balodis. Latvijas Archaeologija, Riga, 1926. — I d e m. Die baltisch-finnisch-ugrische Grenze in Lettland in vorgeschichtlicher Zeit. Mém. de la Soc. Finno-ougrienne, LXVII, Helsinki, 1933. — I d e m. Ethnische Probleme und die archäologische Forschung der letzten Jahre in Lettland. Acta Universitatis Latviensis. Philol. et Philos. Ordinis Ser. (Acta U. L.), III — 2, 1935. — I d e m. Latviešu kultūra senatnē. Riga, 1937. — Latviešu vāsture. I, Fr. Baloža un A. Tentela redaks, 1938.

тенденциозностью. Следует упомянуть и о работах Л. Арбузова,¹ вызвавших полемику среди латышских археологов.

Вновь открытых и исследованных памятников каменного века (4000—1500 гг. до н. э.) сравнительно немного. Так, в 1923 г. М. Эберт обнаружил первое поселение каменного века в Курляндии в долине р. Абавы, в 3 км восточнее Цабельна.² В 1930 г. Э. Штурмс открыл поселение позднего палеолита на Зеберзее (местечко Леяс—Цискас).³ Далее были обнаружены поселения в местечке Таятес (вол. Маткуль, Тукумского у.), в местечке Рутенеке (вол. Тапос, у. Иелгаве), а в Тамосе (вол. Ирлаве),

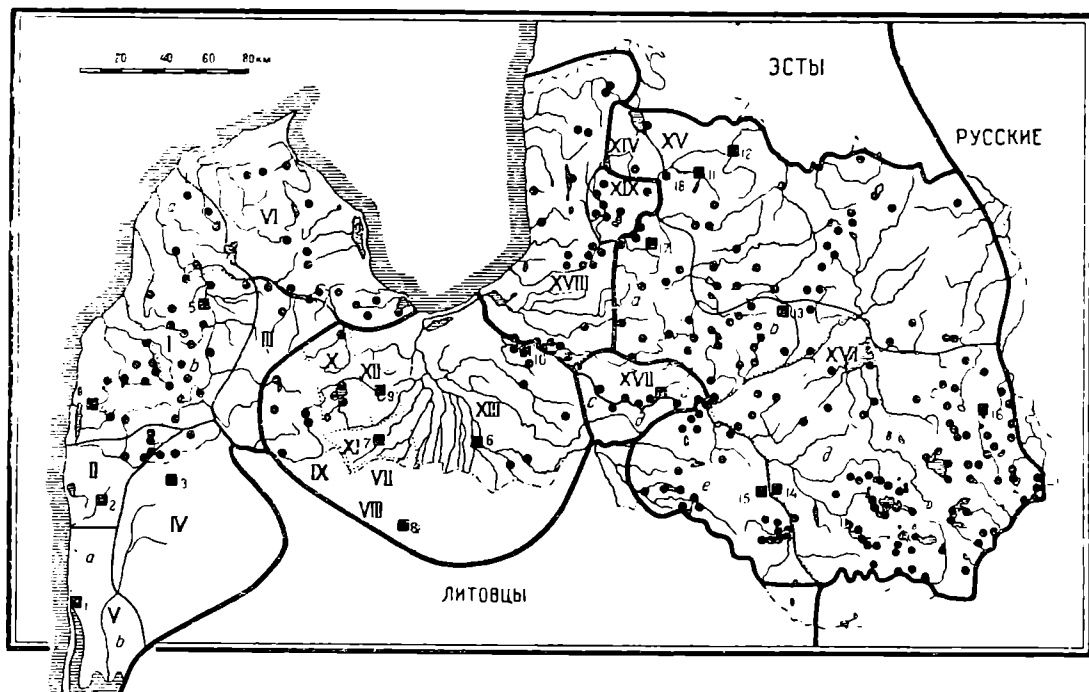

Рис. 27. Латвийские земли в поздний период железного века (из кн. *Latviešu vēsture*, т. I, Рига, 1938).

А—курсы: I—северные курсы с областями: а—Вентава, б—Бандава, с—Пимари; II—Дувзары; III—земля между Скрундой и Земгалей; IV—Секлис; V—южные курсы с областями: а—Мегава, б—Пилсата; VI—новая провинция северных куров (бывшие литовские земли) с ливской землей в восточной части. **В—земгалы:** VII—Силене; VIII—Жегаре; IX—Добе; X—Спарнете; XI—Тервете; XII—Добеле; XIII—Упмали. **С—летгалы:** XIV—имерские земли; XV—Талава; XVI—Латгалия (королевство Гердики) с областями: а—Аутине, б—Сесвайне, с—Люцин, d—Гердики, e—Дигная. **Д—русские:** XVII—Королевство Кокнезы с областями: а—Латвийские Кокнезы, б—Латышско-ливская область Ашераден-Ленневарден, с—двинские ливы, d—другие области. **Е—ливы:** XVIII—ливы; XIX—Идумея, населенная ливами и латышами. Крупнейшие города: 1—Пилсата (Клайпеда); 2—Импильта; 3—Апулия; 4—Юрчис; 5—Кулдига; 6—Мезотен; 7—Тервете; 8—Ракте; 9—Добеле; 10—портовый город земгалцев; 11—Трикатев; 12—Вицима; 13—Цесвайне; 14—Гердики; 15—Дигная; 16—Люцин; 17—Аутине; 18—Беверина. (Кружочками отмечены другие городища.)

были найдены погребения с боевыми топорами⁴ и т. д. Как вновь открытый, так и ранее добытый материал этого времени латышские ученые относят к двум периодам: 1) памятники времени с 4000—2000 гг. до н. э. с гребенчатой керамикой, которые они считают угро-финскими, и 2) памятники 2000—1500 гг. до н. э. с керамикой с веревочным орнаментом, которые, по их утверждению, принадлежат латышам.⁵

Памятников эпохи бронзы (1500—500 гг. до н. э.) открыто несколько. Очень интересными являются 2 кургана, раскопанные Э. Штурмсом

¹ L. Arbusow. Lettland in der jüngeren Eisenzeit. *Baltische Blätter*, 1924, Heft 3. — *Idem*. *Frühgeschichte Lettlands*. Riga, 1933.

² M. Ebert. *Neue Beiträge zur Archäologie Lettlands*. *Elbinger Jahrb.*, 1924.

³ Ed. Sturms. *Ein steinzeitlicher Wohnplatz...*

⁴ Fr. Balodis. *Latviešu kultūra senatne*, стр. 7.

⁵ *Latviešu vēsture*, I, стр. 37—48.

(1938 г.) в местечке Резнас (Рижский у. на южном берегу р. Двины). Здесь в нижних частях курганов в каменных ящиках обнаружены труположения без вещей; в верхних частях курганов — несколько трупосожжений в каменных ящиках и без ящиков, а также труположения без ящиков. Из вещей найдено несколько фрагментов керамики и мелких бронзовых предметов, 2 каменных топора, кремневый наконечник стрелы, 2 янтарных бусины и др.¹ Балодис считает эти курганы угрофинскими;² курганы были использованы как места погребения в течение длительного времени. Раскопанные в 1929 и 1930 гг. каменные ящики в Булламуяжа (Лимбажи) В. Гинтерс³ датирует концом эпохи бронзы. Здесь, кроме нескольких фрагментов керамики, неопределенных бронзовых предметов и просверленной кости, ничего не найдено. Курганы с каменными ящиками исследованы также в Пунтуши, в Авотине и других местах.⁴

Из исследованных поселений эпохи бронзы следует отметить Клангу (вол. Далес)⁵ и поселение, раскопанное в 1938—1939 гг. в торфянике Сарнате (вол. Ужава, у. Вентспилс). Здесь были обнаружены очаги и значительное количество вещей. Производивший раскопки Штурмс полагает, что поселение это относится к бронзовому веку, хотя затрудняется дать более точную датировку.⁶

Кроме того, были произведены раскопки в районах Талси и Вентспилс так наз. ладьеобразных погребений (Velna Laivas), наличие которых, по мнению латышских археологов, указывает на скандинавское влияние.⁷ Погребения эти относятся к 800 г. до н. э.

Железный век латышскими археологами делится на 4 периода: 1) до-римский период — 500 г. — конец I в. до н. э.; 2) римский или ранний период — начало н. э. — 400 г. н. э.; 3) средний период — 400—800 гг. н. э. и 4) поздний период — 800—1200 гг. н. э.

Могильников, относящихся к железному веку, исследовано несколько десятков; правда, иногда эти исследования ограничиваются лишь вскрытием одного-двух погребений или случайными находками. Но добытый материал все же представляет большой интерес.

Так, напр., в 1932 г. в волости Варве, в местечке Стрики (у. Вентспилс, с.-з. Курляндия) исследован курган II в. до н. э. Под насыпью, состоящей из песка, обнаружено труположение. У головы погребенного найден глиняный горшок, на груди — янтарные бусы, на шее — гривна с согнутыми трубчатыми концами.⁸

В 1936 г. в волости Цирава, в местечке Дарзек обнаружен могильник, датируемый 500 г. до н. э. Материал этого могильника, по утверждению Ф. Балодиса, указывает на близкое родство куров и пруссов.⁹

Погребение, примерно того же времени, вскрыто в восточной части Латвии (Рагану). Здесь наблюдается ясная дегенерация каменных ящиков эпохи бронзы.¹⁰ Погребения, аналогичные погребениям с труположениями, найдены и в других местах.¹¹ К до-римскому периоду относится

¹ Fr. Balodis. *Ethnische Probleme...*, стр. 26. — *Idem. Latviešu vēsture*, стр. 64, рис. на стр. 57, 59—61.

² Fr. Balodis. *Ethnische Probleme...*, стр. 26.

³ V. Ginters. *Die Steinkistenhügelgräber von Bulla muiža. Congressus Secundus...*

⁴ Fr. Balodis. *Ethnische Probleme...*, стр. 27. — Ed. Sturms. *Die bronzezeitlichen Funde in Lettland. Congressus Secundus...*

⁵ R. Šnore. *Yzrakumi Dales pagasta Klanģu pilskalnā. Senatnē un Māksla, I, 1936. Ed. Sturms. Sarnates Purva Mitnes. Senatnē un Māksla, I, 1940, стр. 41—64.*

⁷ Fr. Balodis. *Latviešu kultūra senatnē*, стр. VII.

⁸ Fr. Balodis. *Ethnische Probleme...*, стр. 17. — *Idem. Latviešu kultūra senatnē*, стр. VIII, табл. IX, рис. 3—6.

⁹ Fr. Balodis. *Latviešu kultūra senatnē*, стр. VIII.

¹⁰ *Latviešu vēsture*, стр. 68, рис. на стр. 67—68.

¹¹ Там же.

также ряд могильников, обнаруженных в долине Лелупа. Могилы с труположением обложены камнями, как бы образующими ящик, могилы с трупосожжением не имеют каменной обкладки. Вещей в них почти нет. Вблизи могильников обнаружены поселения.¹

В римский период (рубеж н. э. — 400 г. н. э.) на территории Латвии бытовали 3 типа погребений: каменные могилы, курганы и грунтовые могилы.

Каменные могилы в Латвии известны давно, но их исследование началось фактически с 1926 г., когда была раскопана каменная могила в Саленике (Режицкого у.); в 1930—1931 и 1935 гг. здесь были вскрыты еще 3 каменные могилы.² В Курляндии в Рейнас³ (долина р. Абавы) в 1929 г. были продолжены исследования каменной могилы, частично раскопанной в 1896 г. Богоявленским. Такие же каменные могилы раскопаны и в Лаздыне в 1933—1934 гг.⁴ В северной Латвии каменные могилы открыты в Мурис (в 1930 г.),⁵ в Гайлиши (в 1935 г.)⁶ и в ряде других мест. По форме они напоминают плоские курганы. Обычная длина их 20—30 м, ширина 12—14 м. Эти погребальные сооружения состоят из нескольких сложенных из камней квадратов. По мнению прибалтийских археологов, генетически они связаны с каменными ящиками эпохи бронзы. Каменные могилы содержат как труположения, так и сожжения, засыпанные землей и мелкими камнями. Эти каменные могилы разрастались путем пристройки к уже существующим новым могилам, обложенным камнями. Таким образом есть основание полагать, что это были коллективные могилы, которые использовались иногда в течение 200—300 лет непрерывно и бытовали вплоть до V—VI вв.⁷ Эти каменные могилы аналогичны найденным также в Эстонии и считаются памятниками угро-финских племен.

Курганы известны тоже в значительном количестве. Еще в 1925 г. Г. Моора исследовал несколько курганов в Слате и Боки.⁸ Исследовались курганы и в Гайлиши (у. Ялгава),⁹ и в Саленике (у. Режицкий)¹⁰ и в других местах.

Курганы встречаются обычно группами до 20—30 вместе. Они расположены на возвышенностях — вблизи рек или на их берегах и на песчаных местах в лесах. Курганы имеют в плане более или менее правильную круглую форму, иногда овальную. Диаметр их колеблется от 3,5 до 15 м, но обычно от 6 до 10 м, высота — от 0,5 до 2 м, но чаще не больше 1 м. Курганы насыпаны из песка, в основании уложен круг из камня; редко встречаются 2 концентрических круга. В некоторых случаях круги имеют несколько рядов и образуют род кладки, встречаются и „цепочки“ из камней. Иногда под слоем дерна обнаруживается род каменной вымостки, покрывающей весь курган. Насыпь кургана обычно не содержит

¹ V. Ginters. Kadas Nezinamas senas kulturas Pedas Lielupes Krastus. Senatnē un Māksla, I, 1940, стр. 65—86.

² Н. Моора, ук. соч., II, стр. 702. — R. Šnore. Die Hügelgräber und Steinsetzungen der römischen Kaiserzeit bei Salenieke. Sb GEG, 1932, Tartu, 1935. — R. Šnore. Izrakumi Salenieku „Kara kapos“ Mākšanu pagasta. Senatnē un Māksla, 1936, II, Riga.

³ Н. Моора, ук. соч., II, стр. 701. — Ed. Sturms. Zur Vorgeschichte der Liven, стр. 28.

⁴ Н. Моора, ук. соч., II, стр. 690. — Ed. Sturms. Zur Vorgeschichte der Liven, стр. 28.

⁵ Н. Моора, ук. соч., II, стр. 696.

⁶ Н. Моора, ук. соч., стр. 688.

⁷ Н. Моора, ук. соч., II, рис. 87 (карта распространения этих могил и табл. I — рисунков предметов из этих могил).

⁸ Н. Моора. Ausgrabungen alter eisenzeitlicher Hügelgräber im Kreise Jekabpils. Archaiol. Raksti, 1928 г.

⁹ Н. Моора. Die Eisenzeit..., II, стр. 634—683.

¹⁰ Там же, стр. 705—706.

камней, но почти всегда в ней встречаются мелкие угли. Способ захоронения, как правило, труположение, только в отдельных случаях в курганах найдены кальцинированные кости. Количество погребенных в каждом кургане от 1 до 20, причем единичные захоронения редки, что подчеркивает коллективный характер захоронений. Под некоторыми курганами неглубокие могильные ямы (от 0.25 до 0.35 м). Ориентировка погребений самая различная. Могильный инвентарь разнообразен; многочисленны предметы украшений. По своему характеру инвентарь мало чем отличается от инвентаря каменных могил. Керамика в курганах почти не встречена, но отдельные фрагменты ее найдены около курганов, что, по мнению исследователей, указывает на следы тризны.¹ Курганов, датированных I в. н. э., немного; большинство их относится к III—IV вв., значительное количество датируется V—VI вв. В восточной части Латвии некоторые курганы могут быть отнесены и к VII в. Многие курганы использовались в течение 100—200, иногда даже 300 лет.

В то время как в восточной Латвии исчезновение курганных погребений и переход к новой форме погребений, т. е. к грунтовым могилам, произошел, как утверждают латышские археологи,² без видимых переходных форм, в западной части наблюдается постепенный переход. Здесь сначала под курганами появляются неглубокие могильные ямы; позднее эти ямы углубляются, а курганная насыпь делается все ниже. Исчезновение курганов происходит здесь уже в конце IV в. Возможно, что это было в результате влияния племен, населявших нынешнюю Мемельскую область, где грунтовые могилы существовали уже раньше.

Курганы, аналогичные латышским, встречаются и в Литве. Вопрос о генезисе летто-литовских курганов еще не разрешен. Латышские археологи высказывают предположение о возможном происхождении их из погребальных сооружений бронзового века и о том, что они принадлежат летто-литовским племенам.

В юго-западной и средней частях Латвии имеется ряд грунтовых могильников II—VI вв. Так, в местечке Мас-Катуш (вол. Рукава, у. Лепая)³ в 1924 г. Э. Вале обследовал такой могильник с труположением и сожжением. Здесь, кроме богатых украшений, наконечников копий, кос и топоров, были найдены римские монеты в берестяных кошельках. В насыпи могильной ямы были обнаружены следы тризны.⁴ Латышские археологи связывают этот могильник с древнелатышским племенем куров.⁵ Грунтовые могильники исследовались в 1928—1929 г. в Ликне (у. Ялгава).⁶ В 1928 г. были продолжены раскопки неоднократно ранее исследовавшегося могильника в Плавникальне (Рижский у.),⁷ в 1931 г. в Леянике (у. Ялгава)⁸ и др.

На основе этого материала делаются выводы о том, что у латышских племен (куров, земгалов и летгалов) в этот период существовала уже довольно высокая культура и имелись широкие связи с другими, иногда очень отдаленными странами.⁹

Могильников, относящихся ко времени 400—800 гг. н. э., исследовано свыше 20. В этот период бытовали в основном те же формы погребений,

¹ Н. Моора. Die Eisenzeit..., II, стр. 31.

² Там же, стр. 34—35.

³ Там же, т. I, стр. 114—124. — Fr. Balodis. Latviešu kultūra senatnē, стр. VIII—IX.

⁴ По поводу этого могильника латышские археологи не имеют единого мнения; так, Ф. Балодис считает их курганами, т. е., по его мнению, над могильной ямой была насыпь (см.: Fr. Balodis. Latviešu kultūra senatnē, стр. VIII—IX).

⁵ Там же, а также: Latviešu vēsture, I, стр. 87.

⁶ Там же, стр. 69.

⁷ Там же, стр. 699—700.

⁸ Там же, стр. 691.

⁹ Fr. Balodis. Latviešu kultūra senatnē, стр. IX—XI. — Latviešu vēsture, стр. 79—110.

что и в римский период; некоторые могильники римского времени использовались даже вплоть до VI—VII вв., напр. курганная группа в Гайлиши, Саленике, Стрики, каменные могилы в Мурисе, Саленике, грунтовые могильники в Андзине,¹ Леянике и др.

Латышские археологи отмечают, что именно в этот период происходит дегенерация курганов, т. е. превращение их в грунтовые могилы, которые в поздний период железного века (800—1200 гг. н. э.) становятся преобладающими в средней и северо-восточной части Латвии.² В северной Курляндии, на ряду с каменными могилами, появляются курганы с труположением. Но в западной Курляндии, в районе Гробина, возникает новый обряд погребения — курганы и грунтовые могилы с трупосожжением, которые связывают со скандинавами, в частности с готландцами, появившимися здесь в середине VII в.³ Отсюда обряд трупосожжения начинает распространяться на север и в X в. становится преобладающим в северной Курляндии. В южной Курляндии попрежнему преобладают грунтовые могилы.

Весь добытый, как в могильниках, так и на городищах (о них ниже), материал, — говорят латышские археологи, — отражает культурный и хозяйственный прогресс в этот период, а большое количество серебра, появившееся здесь уже с V в., свидетельствует об интенсивной торговле с другими народами.⁴

Характерно, что в этот период, на ряду с коллективными захоронениями, все больше встречаются индивидуальные погребения. Этот факт, мы полагаем, указывает на разложение родоплеменного строя и переход к территориальной общине.

Могильников, относящихся к периоду 800—1200 гг., исследовано значительное количество.

В некоторых районах Латвии прослеживается сосуществование нескольких обрядов погребений, что свидетельствует о смешанности племен на этой территории. В северной Курляндии имеются каменные могилы, в которых найдены вещи всех трех периодов железного века, напр. в Рейнас (вол. Кандова).⁵ Этот факт говорит о том, что данная территория была на протяжении всего этого времени заселена одними и теми же племенами, т. е. ливами. На ряду с каменными могилами известны каменные курганы и курганы, насыпанные из песка.

Группы каменных курганов обнаружены в 7 местах в уездах Талси и Виндавы. Средний диаметр их 7—10 м, высота до 0.60 м. В них встречаются как сожжение, так и труположение. Происхождение этих курганов еще не выяснено.⁶

Курганы с насыпью из песка известно до 16 больших групп. Больше всего их в районе р. Абавы. Часть их была исследована еще во второй половине XIX в.⁷ Позже, в 1923 г., их копал Эберт, в 1928 г. Балодис и Шноре. Курганный насыпь, за редким исключением, не содержит камней. Под дерном — довольно толстый слой песка, ниже серый слой золы и угля (от 0.05—0.07 до 0.25—0.70 м), еще ниже слой песка, смешанный с мелкими угольками, а под ним, на подошве кургана обычно одно погребение — трупосожжение или труположение. Остатки сожжения

¹ H. Moora. Die Eisenzeit..., II, стр. 683.

² Fr. Balodis. Latviešu kultūra senatnē, стр. XII—XIII и XXVI.

³ Ed. Sturms. Die vorgeschichtlichen Probleme..., стр. 12. — Fr. Balodis. Latviešu kultūra senatnē, стр. XI—XII.

⁴ Fr. Balodis. Latviešu kultūra senatnē, стр. XV—XVI. — Latviešu vēsture, I стр. 112—136.

⁵ Ed. Sturms. Zur Vorgeschichte der Liven, стр. 32—33.

⁶ Там же, стр. 33—34.

⁷ Sitzungsberichte der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst, 1864—1871, стр. 309. — Труды X Археологического съезда в Риге, 1896, т. III, стр. 104 и далее.

встречаются или рассыпанными по всему кургану, или отдельными гнездами. Сожжение происходило, очевидно, вне кургана, иногда в самом кургане. Костяки ориентированы головой на С и СВ. Вещи имеются не во всех курганах, они датируются IX—X вв.¹ С. К. Богоявленский отмечает, что эти курганы и по ритуалу, и по характеру вещей близки литовским курганам X—XII вв.²

В южной Курляндии преобладают грунтовые могильники; до X в. они содержат труположения; в XI в. происходит переход к трупосожжению, которое совершалось обычно в самой могильной яме. Могильный инвентарь содержал, наряду с украшениями, значительное количество оружия и конской сбруи. Часто встречаются votивные предметы (маленькие копья) и рога для питья. Обряд трупосожжения продолжал бытовать в Курляндии до XV в.³

В средней и восточной частях Латвии попрежнему сохраняются грунтовые могильники с труположением; трупосожжение встречается в них редко.⁴

Начиная с X в., в северной и восточной частях Латвии появляются курганы с труположением, но вопрос об их этнической принадлежности остается еще спорным.⁵

В Цирнаве, в северо-восточной части Латвии, обнаружена группа славянских курганов с характерной керамикой.⁶

Латышскими городищами интересовались давно.⁷ К 1922 г. их было зарегистрировано 306,⁸ но научное их исследование началось лишь с 1927 г., когда были произведены раскопки городища Таниса, близ Роннебурга в северной Латвии. Установлено, что поселение существовало здесь непрерывно, начиная с VI в. до н. э. и вплоть до наших дней. Особенно сильно оно было укреплено в поздний период железного века.⁹ В 1935—1936 гг. в низовьях Двины раскапывалось городище Даугмале. Материал из этого городища показывает тоже длительное и непрерывное существование здесь поселения.¹⁰ В 1936—1937 гг. производились раскопки городища Талси (северная Курляндия).¹¹

В 1939 г. исследовалось 3 городища. Одно из них — Мезотен на р. Курляндская Аа. Здесь, среди остатков укрепления, найдено большое количество фрагментов керамики, остатки лукошек с горелым зерном и другие предметы. Материал датируется началом IX в.¹² На Двине, против острова Плону, на правом берегу реки раскапывалось большое городище на предполагаемом месте древнего города Герцикэ, центра одного из уделов Полоцкого княжества,¹³ и на левом берегу Двины городище Дигная.¹⁴ Раскопки показали, что оба эти городища служили местом поселения еще до устройства укрепления, вероятно с эпохи бронзы.

¹ Ed. Sturm s. Zur Vorgeschichte der Liven, стр. 34—37.

² Труды X Археологического съезда, т. III, стр. 106.

³ Fr. Balodis. Ethnische Probleme..., стр. 24. — Ed. Sturm s. Zur Vorgeschichte der Liven, стр. 31—32. — Idem. Latviešu kultūra senatnē, стр. XXVI.

⁴ Fr. Balodis. Ethnische Probleme, стр. 25. — Idem. Latviešu kultūra senatnē, стр. XXVI.

⁵ Ed. Sturm s. Zur Vorgeschichte der Liven, стр. 37—38.

⁶ F. Balodis. Ethnische Probleme..., стр. 25.

⁷ A. Bielenstein. Die lettischen Burgberge. Tr. X Археол. съезда в Риге, 1896, т. II.

⁸ K. v. Loewis of Menar. Burgenlexikon für Alt-Livland, Рига, 1922.

⁹ Izkakumi Raunas Tanisa kalna 1927 gada. Arhαιologijas Raksti, IV—I, Рига, 1928.

¹⁰ V. Ginters. Daugmales pilskalna 1935 gada izrakumi. Senatnē un Māksla, II, Rīga, 1936. — Idem. Daugmales pilskalna 1936 gada izrakumi. Senatnē un Māksla, IV, Rīga, 1936.

¹¹ A. Karnups. Izkakumi Talsu pilskalna 1936 gada. Senatnē un Māksla, IV, Rīga, 1936. — Idem. Izkakumi Talsu pilskalna 1937 gada. Senatnē un Māksla, II, Rīga, 1938.

¹² V. Ginters. Sena Mesotne. Senatnē un Māksla, IV, Rīga, 1939.

¹³ Fr. Balodis. Jersika un tai 1939 gada izdarītie izrakumi. Rīga, 1940.

¹⁴ E. Snore. Dignajas Pilskalns. Senatnē un Māksla, IV, 1939, стр. 46—64.

На городище Герцикэ вскрыто значительное количество остатков укреплений и жилых построек. Добытый материал показывает, что жизнь здесь была особенно интенсивна в X—XIII вв. (до 1239 г. — по данным хроники Ливонии Генриха Латвийского). В течение этих 300 лет городище неоднократно подвергалось разрушению (об этом говорят следы насильственного разрушения и пожара) и восстанавливалось вновь. За пределами укрепленной части княжеского замка были обнаружены остатки большого неукрепленного поселения (города), охватывающего территорию 750×150—250 м. Поблизости был обнаружен могильник, вскрыто 32 погребения X—XIII вв.¹ Исследователь делает заключение, что Герцикэ было летгальским городищем, одним из важнейших центров латышей. Этот вывод противоречит, как известно, данным хроники Генриха Латвийского, в которой Герцикэ выступает как крупный центр русского княжества XI—XIII вв. Известен и его князь Виссивальд (Всеволод).² Таким образом Герцикэ в конце XII и начале XIII в. было русским форпостом на Двине — важнейшей торговой магистрали, ведущей к побережью Балтийского моря. Очень возможно, что оно было построено в X в. ставленником полоцкого князя.

Плато городища Дигная (65 × 35 м) значительно меньше, чем Герцикэ. Здесь были вскрыты остатки укреплений, глинобитных печей и очагов; найдено много костяных изделий (иглы и шилья), железные шлаки, формы для литья и тигельки; находки датируются первыми веками до н. э.

Таким образом археологические памятники этого позднего периода показывают, насколько сложен этнический состав населения на территории Латвии. Здесь тесно переплетались финские и балтийские племена; немаловажную роль играли славяне — позднее русские и скандинавы. Нелегко разобраться в этих переплетениях. Но латышские археологи и историки, используя археологические данные, делают все же попытки раскрыть всю сложность исторического прошлого Латвии.

Приведем наиболее распространенную концепцию по вопросу об этническом составе и передвижении племен в Восточной Прибалтике, находящую наиболее полное выражение в трудах Э. Штурмса и Ф. Балодиса. Основная идея ее была высказана еще в XVIII в. Согласно этой концепции уже в IV—III тысячелетии до н. э. территория современной Латвии была заселена угро-финнами. Доказывается это тем, что культура ямочногребенчатой керамики, связываемая с угро-финнами, распространена на всем севере, начиная от устья р. Вислы и до р. Енисея.³ В своих выводах названные исследователи опираются на высказывания И. Аилио, А. М. Талгрена и Г. Моора.⁴ Древнебалтийские племена на территорию южной Латвии проникают впервые в 2000 г. до н. э., принося с собой, очевидно с юга, „веревочную“ керамику, боевые каменные топоры и мотыги. Последние свидетельствуют о существовании у древних предков латышей земледелия.⁵

В эпоху бронзы (1500—500 гг. до н. э.) особых передвижений племен не прослеживается. Центром древнебалтийской культуры попрежнему является Восточная Пруссия, а занятая балтийцами южная Курляндия — ее периферией. К VIII в. до н. э. относится передвижение населения с Готланда в районы Двины и Рижского залива.⁶

¹ Oskars Kalēja s. Jersikās senkapī. Senatnē un Māksla, II, 1940, стр. 11—29.

² Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Изд. Акад. Наук СССР, 1938, стр. 85, 125—127, 471—484.

³ Fr. Balodis. Latviešu kultūra senatnē, стр. VI—VII, — Latviešu vēsture, стр. 39—43.

⁴ A. M. Tallgren. Zur Archäologie Estis, I. Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis. B. III—6, Tartu, 1924, стр. 68—70. — H. Moora. Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1932, стр. 15—16.

⁵ Fr. Balodis. Latviešu kultūra senatnē, стр. VII. — Latviešu vēsture, стр. 45 и сл.

⁶ Там же.

В „до-римский период“ (500 г. до н. э. — I в. н. э.) древние куры с древними пруссами имели одну общую культуру, которая в этот период отделяется от культуры восточных балтийцев. В „римский“ период (рубеж н. э. — 400 г. н. э.) происходят крупные этно-культурные изменения. На западе куры отделяются от древних пруссов. Они занимают территорию до р. Венты и Абавы. Севернее остается финское племя — очевидно ливы. Восточные балтийцы-земгальцы и летгальцы большой волной движутся с юга, доходят до Двины, переходят ее, оттеснив финские племена к северу, и укрепляются в южной Лифляндии. Земгальцы обосновываются в западной части ее (в долине Лелупа, в районах Риги и Цесеис), гранича с курами; летгальцы — на востоке (в уездах Мадона, Бауске, Илуксте, Якобилс, Режица, Люцинском и Двинском). У всех этих племен развиваются свои особенности; так, напр., у пруссов формой погребения остаются грунтовые могильники, а у куров, на ряду с грунтовыми могильниками, появляются курганы. Границы угро-финской культуры (т. е. эстонской) прослеживаются немного южнее р. Ливской Аа. Основной формой погребения у земгальцев и летгальцев являются курганы с труположением.

Захватив Двинский торговый путь, латыши начинают в это время воздвигать для его защиты укрепленные поселения (Даумале, Герцикэ, Дигная и др.). Возвышенности, годные для земледелия, занимаются под пашню. За чертой укреплений возникают открытые поселки торговцев и ремесленников.¹

В начале „среднего периода“ железного века (400—800 гг. н. э.) границы распространения куров, земгальцев и летгальцев остаются прежними, но около 500 г. в устье Двины вторгаются готландцы и этим как бы отделяют северных земгальцев от их соплеменников. Позже эти северные земгальцы сливаются с летгальцами. Около 600 г. к востоку от летгальских земель на территорию финно-угорских племен вторгаются славяне, угрожая и летгальскому краю. В результате этого натиска летгальцы были вынуждены уступить какую-то часть своей территории на востоке славянам. Но на севере летгальцы в VII в., оттесняя эстов, продвинулись значительно вперед (до вол. Байшкална — Упмали и др.).

В середине VII в. в западной Курляндии в районе Гробина появляются шведские колонии. Шведская культура оказала сильное влияние на культуру куров. Но эти шведские колонии перестали существовать уже в IX в.²

В „поздний период“ железного века (800—1200 гг.) происходит новое крупное перемещение племен. Куры под влиянием невыясненных обстоятельств переходят в IX в. Венту и Абаву и захватывают почти всю северную Курляндию, вытеснив ливов. Ливы остаются в Курляндии только на узкой полосе на побережье Рижского залива; большая часть их уходит через Рижский залив в летгальские земли и занимает восточное побережье Рижского залива, мало пригодное для земледелия.

В результате переселения ливов в Лифляндию и натиска славян с востока летгальцы с 900 г. снова продвигаются на север до оз. Буртнек.

Этот период в истории Латвии характеризуется интенсивным ростом хозяйственной жизни куров, земгальцев и летгальцев, ростом укрепленных поселений и общим культурным подъемом. При значительной однородности культуры всех трех народностей у каждой из них прослеживаются некоторые особенности как в обряде погребения, так и в вещевом инвентаре. Письменные источники говорят о наличии у них особых королей, так, напр., в Курляндии еще под 1290 г. упоминается пять само-

¹ Fr. Valodis, *Latviešu kultūra senatnē*, стр. VIII—XI.

² Там же, стр. XI—XII.

стоятельных королевств. Последние рассматриваются латышскими учеными как настоящие государственные образования.¹

Итак, согласно этой концепции латышский народ образовался из трех балтийских племен: куров, земгальцев и летгальцев.

Еще трудно судить о том, что в этом построении верно и что не верно. Несомненно, что многие моменты подчеркнуты правильно. Но нельзя согласиться с теорией о постоянных передвижениях латышей и о вытеснении финских племен; в действительности, как мы видели, имели место не приход каких-либо новых племен и вытеснение ими более древнего населения, а сосуществование и скрещение различных местных племен на этой территории.

Неправильным является положение и о переселении ливов из Курляндии в Лифляндию в IX—X вв. Ливы — родственное эстам племя; следы их пребывания сохраняются еще сейчас в северной и восточной Латвии в топонимике, да и данные Генриха Латыша достаточно убедительны для того, чтобы рассматривать лифляндских ливов не как пришельцев, а как древних насельников страны, часть которых ассимилировалась с латышами. Их памятниками являются в ранний период каменные могилы с преобладанием трупосожжения, а позже грунтовые могильники типа людинского и ашераденского. Что касается многочисленных предметов украшений, найденных в этих могильниках и приписываемых латышскими археологами латышам, то не следует забывать, что большинство этого рода предметов было общим для всей Восточной Прибалтики, а первоначальные формы многих из них нужно искать восточнее. В наборе инвентаря нельзя отрицать и скандинавского влияния; так, напр., скорлупообразные фибулы (в Вендене) связаны со Скандинавией.

Государств в настоящем смысле этого слова на территории современной Латвии в XII в., конечно, не было, но процесс феодализации начался, быть может, уже в X в., хотя он и не закончился до немецкого завоевания.

Г. И. Мосберг

ОБ ИСКУССТВЕННОЙ ДЕФОРМАЦИИ ГОЛОВЫ

Морфологические разновидности, обусловленные преднамеренным или непреднамеренным деформированием, надлежит классифицировать соответственно распределению относительно головы деформирующего давления. Следуя этому принципу, я различаю 4 основных типа: 1) затылочную, 2) лобно-затылочную, 3) теменную и 4) кольцевую (циркулярную) деформации.

Затылочная деформация возникает в результате длительного лежания ребенка на спине. Характерное для нее одностороннее давление вызывается тем, что голова ребенка остается свободной и деформируется только под влиянием собственной тяжести. Морфологические отличия этого типа — уплощение и частая асимметрия затылочной области при отсутствии изменений в строении лба, а также общее укорочение и компенсаторное расширение мозговой коробки. Широкое распространение подобных особенностей формы головы объясняется бытованием колыбелей с мочеотводными приспособлениями. Народы, практикующие в наше время затылочную деформацию, обладают высокими головными указателями. Древнейшие следы этой деформации на территории СССР наблюдаются в катакомбных погребениях эпохи бронзы, а после многовекового перерыва яркий расцвет соответствующих обычаев наблюдается в ран-

¹ Fr. Balodis. *Latviešu kultūra senatnē*, стр. XXI.

нем средневековье. Историко-географическое распределение затылочной деформации во второй период ее развития свидетельствует в пользу заноса ее в Европу с востока в связи с великим переселением народов.

Лобно-затылочная деформация вызывается: 1) фиксированием головы ребенка в колыбели при помощи дощечек или повязок и 2) применением двудошечного и сходных с ним аппаратов. В отличие от затылочной деформации, здесь имеет место двустороннее давление — от лба к затылку и обратно.

Древнейшее описание теменной деформации принадлежит Страбону, который пишет: „Говорят, что некоторые лица употребляют все усилия, чтобы сделаться более длинноголовыми, а также с выдающимся вперед лбом, так чтобы лоб выдавался над подбородком“.¹ Относится ли эта фраза к одному из малоазийских народов, сигиннам, как показал Бэр, является спорным. В специальной литературе этот тип описан сравнительно недавно на основе краниологических находок, сделанных на Крите и Кипре и относящихся к эпохе бронзы. Важнейшая особенность его это начинающееся кзади от брегмы понижение черепного свода. Сагиттальная кривизна теменных костей резко уменьшена, а кривизна лобной и затылочной увеличена. Лоб прямой или нависающий. Бакстон полагал, что давление вызывалось дощечкой, которая была привязана к темени повязкой, проходившей под подбородком. С этим как будто согласуется указание китайских летописей относительно обычаев туземцев Восточного Туркестана VIII—IX вв. Соответствующий текст, согласно Жюльену, гласит: „dès qu'un enfant est né, on lui comprime la tête avec une planchette de bois pour l'aplatir“.² Однако Макдиси сообщает, что хорезмийцы употребляли для этой цели мешки с песком, которые привязывались с обеих сторон головы ребенка. Сопоставляя эти известия с результатами краниологических исследований, прихожу к следующим выводам. Техника деформирования была изменчива. „Кипрская“ форма, отличающаяся компенсаторным расширением головы, достигалась при помощи дощечки, поверх которой накладывались мешки с песком. В иных же случаях дощечка отсутствовала и привязанные непосредственно к голове мешки содействовали ее удлинению. Наконец, часто мешки соскальзывали на затылок, благодаря чему получалась переходная к затылочной или даже чисто затылочная деформация. Хотя имеющиеся в настоящее время материалы достаточно скудны, все же следует предполагать, что теменная деформация была сильно распространена в Азиатской части СССР, начиная с эпохи бронзы. Особенно важное значение имеет находка трех париетально-деформированных черепов в андроновских погребениях близ Окунева улуса в Хакасском округе (раскопки Теплоухова в 1928 г.). Из более поздних находок упомяну прекрасную серию, собранную Григорьевым во время раскопок зороастрийского костехранилища XIII в. близ кишлака Фринкента в 55 км к югу от Самарканда (рис. 28, 1), а также черепа из несторианских кладбищ в Чуйской долине.

Кольцевая деформация обуславливается давлением, распределенным по поясам, которые охватывают голову в различных направлениях, что достигается применением давящих повязок или тесно прилегающих к голове чепчиков и шапочек. Различают две разновидности кольцевой деформации: высокую (так наз. „макрокефалию“), вызываемую лобно-затылочным поясом давления (рис. 28, 3 и 5), и низкую, которая в основном является следствием давления по поясу темя—нижняя челюсть (рис. 28, 6). Между этими двумя формами, реальность которых подтверждается их историко-географическим распространением, существуют,

¹ Страбон. География. Пер. Мищенко. М., 1879.

² S. Julien. Histoire de la vie de Hiouen-Thsang стр. 406, (сходный текст там же на стр. 396).

1

2

3

4

5

6

Рис. 28. Деформированные черепа.

1 — из хорватского костехранилища XIII в. бл. мшалака Фринкент; раскопки Г. В. Григорьева в 1936 г.; 2 — из катакомбного погребения бл. с. Камыный Брод, в окрестностях г. Ворошиловграда; раскопки С. А. Локтешева в 1928 г.; 3 — из склепа IV в. в Херсонесе; раскопки Р. Х. Лепера в 1910 г.; 4 — из склепа IV—V в. в Херсонесе; раскопки Р. Х. Лепера в 1910 г.; 5 — из Кенкольского могильника; раскопки А. Н. Бернштама в 1938 г.; 6 — с кладбища XI в. в старой Додоу; раскопки В. И. Равдоникера в 1938 г.

однако, бесконечные переходы. Так как некоторые авторы (Ранке, Шлиц) категорически отрицали преднамеренность всякой деформации, отметим, что в ряде случаев морфологическим анализом можно установить, что данная форма достигнута длительными, тщательными и несомненно обдуманными усилиями. Дело в том, что наложение повязки по одному и тому же поясу производит углубления в местах давления и сферическое компенсаторное выпячивание свода над ним. Если же, по мере деформирования головы, повязки периодически перебинтовываются, причем их постепенно передвигают выше, череп может принять форму почти идеального конуса (рис. 28, 5). Чепчик или шапочка в качестве орудия деформации распределяют давление по своей поверхности, способствуя возникновению цилиндрической формы (рис. 28, 2). Во время кольцевого или лобно-затылочного сжимания головы ребенка края лобной и теменных костей сдвигаются и изгибаются вдоль венечного шва, отчего возникают так наз. предвенечный валик и позадивенечное вдавление (рис. 28, 3), которые неопытными исследователями воспринимаются как следы от повязок. У детей признаки деформации бывают выражены резче, чем у взрослых; объясняется это тем, что деформирование обычно прекращается задолго до завершения роста головы, и поставленные вновь в нормальные условия развития органы и ткани стремятся к восстановлению соответствующих форм. В иных случаях кольцевая деформация комбинируется с затылочной. Возникающие при этом признаки — брахи- и акрокrania, сильная покатость лба, уплощение и частая асимметрия затылка — ошибочно принимаются за расовые (рис. 28, 2 и 4). Достоверно, однако, что армяне, как и некоторые другие народы Закавказья и Малой Азии, практикуют одновременно и кольцевую и затылочную деформацию. Раdde наблюдал среди тифлисских армян живых „макрокефалов“, представление о которых дают фотографии, опубликованные Лушаном и Шантром.

Сведения, которыми оперируют античные писатели в отношении искусственной деформации головы, касаются почти исключительно одного народа — макрокефалов или макронов, обитавших в I тысячелетии до н. э. в окрестностях Трапезунта. О них, если верить Страбону, упоминал еще Гезиод. Знаменитый текст Гиппократов содержит подробное описание обычая кольцевого деформирования у макрокефалов, но оставляет открытым вопрос о том, какая разновидность достигалась при этом — высокая или низкая. Непрекращающиеся доныне попытки поселить макрокефалов на побережье Азовского моря вызваны неправильным толкованием известия Гиппократов и недостаточным знакомством с литературой вопроса. В свое время блестящее опровержение подобных гипотез дал Бэр. Существенный пункт его аргументации — утверждение тождества макрокефалов с макронами — подкрепляется текстом из „Схолий к Аполлониеву походу аргонавтов“: „Другие говорят, что они называются макронами вследствие того, что у них есть довольно много длинноголовых (макрокефалов), как у персов — орлиноносых“.¹ Непосредственное значение для нас имеет следующий отрывок из „Зиновьева Сокращения из Сборника пословиц Лукулла Таррейского и Дидима“: „Сираки дают царский венец самому рослому или, по словам некоторых, имеющему самую длинную голову“.² Напомним, что, согласно Страбону, сираки обитали по р. Ахардею, которую Латышев предположительно отождествляет с Манычем. Сообщение это позволяет думать, что сираки культивировали кольцевое деформирование.

На территории СССР древнейшие циркулярно-деформированные черепа относятся к эпохе бронзы. Тот факт, что скорченные костяки

¹ Латышев, Известия древних писателей... Т. I. стр. 425.

² Там же, стр. 858.

имеют иногда „макрокефальные“ черепа, известен довольно давно. Такие находки были сделаны Бранденбургом, Покровским, Хойновским и Локтюшевым. Однако впервые достаточно обстоятельно осветил этот вопрос Артамонов, который при раскопках курганов в долине Маныча обратил внимание на массовый характер искусственной деформации в катакомбных погребениях. Ряд черепов из раскопок Локтюшева, Артамонова и Подгаецкого хранится в МАЭ Академии Наук, где я имел возможность их изучить. На ряду с довольно интенсивной кольцевой деформацией большинству из них свойственна также затылочная (рис. 28, 2). Кажется, что и в более поздних скорченных погребениях в насыпях курганов иногда встречаются циркулярно-деформированные черепа. Во всяком случае два таких черепа из раскопок Локтюшева в окрестностях Ворошиловграда имеются в МАЭ. Следующая по времени находка отделена от вышеописанных тысячелетним промежутком. В долине р. Таласа, в Казахстане, Гейкелем и Бернштамом были раскопаны курганные могильники с катакомбами начала н. э., которые Бернштам склонен приписывать гуннам. Процент деформированных черепов в них исключительно высок; на ряду с прекрасными коническими формами (рис. 28, 5) встречаются также переходные к низким, большинство черепов, кроме того, затылочно-деформировано. Расовый тип противоречит предположению Бернштама: бесспорная и довольно значительная примесь монголоидности все же не доминирует над основным европеоидным компонентом. А гунны — народ центральноазиатского происхождения, судя по описаниям современников и некоторым антропологическим материалам, — должны были быть монголоидны не менее современных бурятов или монголов. Аналогии для таласских черепов скорее всего нужно искать в Восточном Туркестане, население которого частично увлекли за собой продвигавшиеся на запад гунны.

Твердо установлен факт бытования кольцевой деформации у сарматов. В Сусловском могильнике до 20% черепов были деформированы. Рыков датирует их II—III вв. Рау, исследовавший курганы на территории Республики Немцев Поволжья, утверждает, что в погребениях римского времени до 70% черепов были циркулярно-деформированы. Общее впечатление, остающееся от серии черепов из раскопок Рау, — однообразность способа деформирования и незначительная степень деформации. Из других погребений, где были найдены курганные погребения сарматского времени с циркулярно-деформированными черепами, мне известны следующие: 1) г. Орск, 2) совхоз Березняки в б. Бугурусланском у., 3) ст. Шипово, Рязано-Уральской ж. д. на левом берегу Дерекула, 4) станция Мелеховская в Ростовской обл., 5) Кобяково городище близ станции Аксайской в Ростовской обл., 6) г. Таганрог, 7) г. Моздок, 8) с. Алхан-кала в Чечено-Ингушской АССР, 9) с. Красногорка в б. Тираспольском у., 10) д. Богодар в б. Александровском у.

Особое внимание привлекает хранящаяся в МАЭ небольшая серия циркулярно-деформированных черепов, обладающих ярко выраженными монголоидными чертами. Один из них происходит из погребения сарматского времени близ д. Черненьки в б. Днепровском у., другой — из разрушенного богатого погребения III в. в долине р. Морского Чулека недалеко от Недвиговского городища, третий — из склепа IV в. в Херсонесе Таврическом. Для всех них характерно полное отсутствие изменений наружного рельефа, несмотря на значительную в некоторых случаях интенсивность деформации. К той же эпохе относятся деформированные черепа, найденные в греческих городах северного Причерноморья. В моем распоряжении было два недатированных ольвийских черепа, своеобразие деформации которых заключается в том, что лоб у них был уплощен деревянной или металлической пластинкой.

На обширных некрополях Босфора Киммерийского были сделаны первые на территории Советского Союза находки искусственно-деформированных черепов. Дюбрюкс, описывая раскопки, произведенные им в 1826 г., замечает: „Вокруг этих курганов я находил длинные головы макрокефалов. Остовы были зарыты в землю без гробов и прикрыты только землею, толщиной аршина в $1\frac{1}{2}$ “. В дальнейшем керченские черепа описывали Блюменбах, Дюбуа де-Монпере, Ратке, Ашик, Мейер, Бэр, Богданов, Фрич, Анучин, Чугунов, Хомяков, Кожевников и Прибытков. Судя по литературным данным, в Босфоре встречались по крайней мере две разновидности кольцевой деформации: 1) весьма интенсивная, несомненно преднамеренная, достигавшаяся путем систематического перебинтовывания головы, 2) менее интенсивная, сопряженная с затылочной деформацией. Датировка керченских „макрокефалов“ не совсем ясна, и пока остается в силе мнение Анучина, относившего их к I—IV вв. Племенная принадлежность их также не может быть сколько-нибудь точно определена, хотя несомненно здесь преобладают сармато-готские элементы.

Череп из Херсонеса Таврического исследованы до сих пор весьма недостаточно. Упоминания о них имеются в отчетах Косцюшки-Валюжинича, Репникова и Лисина, а небольшое число было измерено Чугуновым и Хомяковым. Древнейшие из них относятся ко II в., большинство же к IV—V вв. В моем распоряжении было свыше 20 черепов из раскопок Лепера и Репникова. Давление, как правило, распределялось по окружности, проходившей через лоб и затылок. На многих черепах ясно различимы углубления, расположенные по указанному поясу, и потому особенности их можно приписать действию простой круговой повязки. В других случаях расплывчатость рельефа и округление верхней части свода заставляет предполагать влияние чепчика или шапочки. Ряд черепов имеет резко уплощенную затылочную область. Это, повидимому, наиболее поздний тип. Некоторые же стоят совершенно особняком, представляя различные редкие варианты кольцевой деформации. Не следует думать, что деформированные черепа встречаются в Херсонесе часто. Так, напр., в 1905 г. было вскрыто 492 погребения, а деформация была констатирована только в 3 случаях. В усыпальницах Херсонеса, которые весьма богато представлены в коллекциях Академии Наук, никаких следов кольцевой деформации я не нашел. Племенная принадлежность „макрокефалов“ Херсонеса, вероятно, была столь же пестра, как в Босфоре, хотя готы там должны были бы преобладать.

Интересующие нас обычаи были широко распространены в граничившей с Херсонесом Крымской Готии. Репников нашел 11 деформированных черепов в нижнем слое могильника Суук-су, датированном V—VII вв. К погребениям Суук-су очень близки по времени и культуре земляные склепы Эски-кермена, где циркулярно-деформированные черепа, повидимому, встречаются часто. Из хранящихся в МАЭ 5 циркулярно-деформированных черепов из этого местонахождения 2 отличаются переходной к низкой разновидности формой, а остальные деформированы лобно-затылочным поясом давления. В усыпальницах Эски-кермена кольцевой деформации нет.

Морфологические отличия деформированных черепов из некрополей Эски-кермена в Суук-су от херсонесских и босфорских носят по преимуществу количественный, а не качественный характер. Мы застаем кольцевую деформацию в готских могильниках в период ее упадка и отмирания. Однако в некоторых глухих уголках Крыма она сохранилась, как справедливо указывал Репников, почти до наших дней. Об этом свидетельствуют находки в могильниках Алушты, Гурзуфа, Гугуша, Аутки, Инкермана и Бия-салы, где тип могильного сооружения и характер захоронения весьма однороден. Там обнаружены продолговатые ямы около 2 м.

длиною, выложенные по стенкам небольшими камнями и перекрытые каменными плитами. Вероятно, что этот тип погребения сохранился до XVIII в. и сходные по внешним признакам могильники могут быть разделены тысячелетним промежутком. Черепа из них, помимо не очень значительной кольцевой деформации, в большинстве случаев затылочно-деформированы. Паллас наблюдал последних „макрокефалов“ в деревнях Кикенеизе, Лименах и Симеизе.

На Самтаврском могильнике близ Мцхета вскрыто несколько слоев погребений, но пока остается невыясненным, как датируются найденные здесь искусственно-деформированные черепа. Думаю, что наиболее вероятное время их — раннее средневековье. Черепа из Самтавро поступили в многие музеи Европы и были описаны Анучиным, Сцепурой, Брока, Шантром, Фричем, Смирновым, Тельфером и Вирховым. Форма их представляется результатом давления одного пояса повязок, проходившего от лба к затылку. Интенсивность деформации весьма варьирует: на ряду с выраженными коническими формами имеются черепа, на которых следы деформации едва заметны. Я исследовал 8 находящихся в МАЭ черепов из грузинского могильника VII в. близ Мцхета. 3 из них деформированы, причем по характеру деформации и расовому типу они аналогичны самтаврским. Кроме того, мне известны 2 плохо обследованных местонахождения циркулярно-деформированных черепов в Закавказье. Это могильник („языческое кладбище“) г. Черемеи в 50 км от Сигнаха и с. Сартачалы (Мариенфельд). Как упоминалось выше, кольцевая деформация сохранилась у некоторых закавказских народностей до наших дней.

Довольно многочисленны циркулярно-деформированные черепа в средневековых могильниках Осетии — Задалиске, Донифарсе, Дзивгисе, Лизгоре, Чми, Камбылте и Нижней Рутхе. Измерения этих черепов опубликованы Ивановским, Калужским и Вирховым. Интересно, что часть из них, напр. черепа из Камбылте, относится к сравнительно позднему времени, VIII—XIII вв. Еще более поздние и действительно массовые находки сделаны на территории Кабардино-Балкарской авт. обл. В верховьях р. Баксана В. Ф. Миллер указывает два могильника: „верхний“ на склоне горы Каракол и „нижний“ — у берега реки близ аула Озорукова (Былым). В обоих могильниках он вскрыл по одному коллективному погребению, в которых все черепа оказались циркулярно-деформированными. По мнению Миллера: „эти могилы едва ли могут восходить раньше, чем к XII—XIII столетиям“. Повидимому, с Озоруковскими синхроничен и Куркужанский могильник. Некоторые из черепов, открытых в последнем, изумительны по своей крайне высокой форме. Такую же форму имеет один череп из числа найденных М. М. Ковалевским в пещере близ аула Хасаут. Захоронение это датировано VIII—X вв. „Макрокефалические“ черепа из Озорукова, а также из склепов близ с. Гунделен (Отлук-кала) опубликованы Анучиным. Недавно исследованы могильники V—VIII вв. в Карачаевской области: один в районе Хурзука, а другой в устье р. Гиляч. Судя по газетным заметкам, в них хорошо представлена кольцевая деформация. Более или менее случайный характер носят находки циркулярно-деформированных черепов в Борисовском могильнике близ Геленджика (V—VII вв.) и в могильнике IX—X вв. близ с. Дубаюрт, Чечено-Ингушской АССР.

Для северных областей СССР до сих пор известны только изолированные находки древних искусственно-деформированных черепов. Один из них найден на варяжском кладбище XI в. в Старой Ладобе (рис. 28, б). Подобные находки были ранее сделаны в Швеции, Норвегии и Германии. После работ Фюрста выяснилось существование кольцевой деформации в средние века в северноевропейской провинции. Здесь бытовала низкая разновидность и кое-где во Франции, на о. Маркена и в Шлезвиге

пережитки ее сохранились и в наше время. На ладожском черепе сильная покатость лба заставляет предполагать наличие также и лобно-затылочного пояса давления. Переходную к низкой разновидности форму имеет череп из финского могильника IX в. близ с. Полом, б. Глазовского у. Чугунов опубликовал циркулярно-деформированный череп, открытый в кургане VIII—IX вв. при д. Броды, б. Кунгурского у. Аналогичные черепа найдены в недатированных курганных погребениях в б. Шадринском у., б. Каинском округе и на Большереченском городище близ Барнаула.

Итак, древнейшие циркулярно-деформированные черепа СССР относятся ко II тысячелетию до н. э. и находки их ограничены областью южнорусских степей. В погребениях I тысячелетия до н. э. следов искусственной деформации головы не обнаружено. В первой половине I тысячелетия н. э. мы наблюдаем внезапный и блистательный расцвет обычаев, способствовавших искусственной деформации, которые вслед затем медленно отмирают. Наличный материал свидетельствует о продвижении этих обычаев в данный период с востока на запад. Действительно, погребения с циркулярно-деформированными черепами располагаются в следующий хронологический ряд: 1) таласские могильники, 2) сарматские погребения Поволжья, Украины и Сев. Кавказа, 3) готские могильники, 4) средневековые могильники Сев. Кавказа и Закавказья, а также отдельные погребения на раннесредневековых некрополях в Западной Европе. Полагаю, что эта последовательность определена движением гуннов.

Е. В. Жиров

III. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

НАХОДКА МУСТЬЕРСКОГО ОСТРОКОНЕЧНИКА В САМАРКАНДЕ

В мае текущего года в г. Самарканде был найден остроконечник мустьерского типа (рис. 29), изготовленный из плотного кремнистого известняка, из которого изготовлено и большинство орудий, найденных А. П. Окладниковым в гроте Тешик-таш.¹ Кроме орудия, в том же слое был найден отщеп из того же материала.

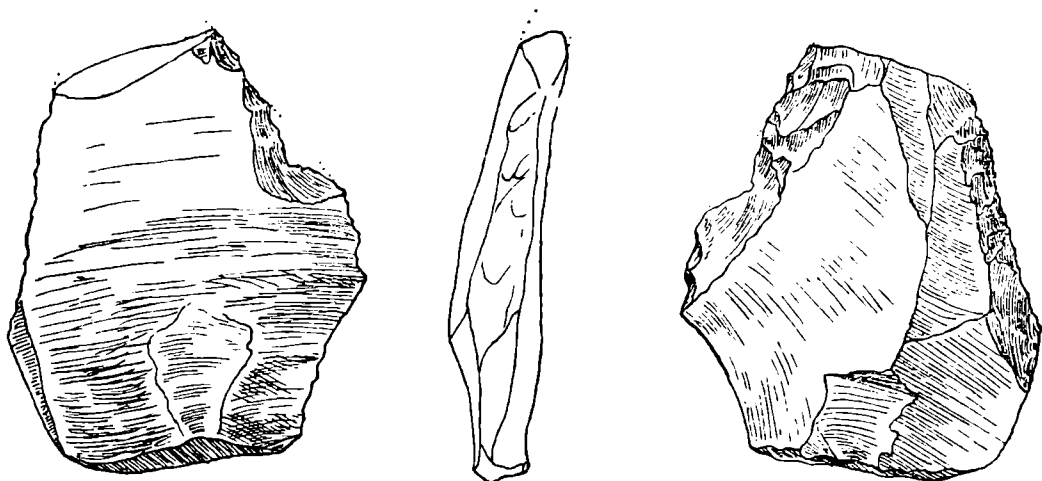

Рис. 29. Мустьерский остроконечник, найденный на Овражной ул. в Самарканде.

Орудие представляет собой характерный треугольный отщеп, полученный боковым ударом по одной из граней дисковидного нуклеуса. Режущие края его подправлены хорошо заметной ретушью. Остроконечник попорчен ударами кирки, которая отбила у него конец и сделала выщерблину. Следов окатки на орудии не заметно. Отщеп же, найденный вместе с орудием, явно окатан.

Находка сделана автором в останце на Овражной улице в 30 м на СЗ от угла ул. Энгельса. Здесь, по южной стороне, имеется обрыв. От уровня тротуара до высоты 1—1.5 м лежит лёсс, на котором залегает трехметровая толща гравийно-песчанистых отложений, перекрытых полуметровым слоем культурных отложений средневекового городища.

Гравийно-песчанистый слой состоит из большого количества прослоек слабо окатанного гранитного гравия и песка. Гравий сцементирован лёссом настолько крепко, что орудие, испытав два раза удар киркой,

¹ А. П. Окладников. Мустьерская стоянка в гроте Тешик-таш в Узбекистане. Краткие сообщения ИИМК, II, 1939, стр. 8.

не выпало из слоя, и мы достали его при помощи ножа не без некоторого усилия. Лёсс местами образует прослойки до полуметра толщиной. Прослойки лежат неровно, образуя иногда перепады. Орудие находилось на высоте 1.40 м от подстилающего лёсса и на глубине 2.50 м от поверхности останца. В той же прослойке гравия, на том же уровне, в 5 м на СЗ найден и отщеп.

Описанное место находится в долине в 15 км от ближайших гор, в полукилометре ниже стоянки, обнаруженной Харламовым в парке „Динамо“ на берегу сброса Сиабча. Эта стоянка, как видно из отчетов Харламова и В. В. Шумова (последний ссылается на М. В. Воеводского), хранящихся в Самаркандском музее, относится к концу палеолита.

По поводу геологических условий залегания находки геолог В. В. Шумов, обследовавший это место в 1939 г., сообщает, что слой, в котором найдено орудие, следует считать силевыми¹ выполнениями бокового оврага, впадавшего в Сиабчу справа, примерно по направлению верхней части Овражной улицы. В общем, данные отложения В. В. Шумов характеризует как пролювий.

В толще отложений, где найдены остроконечник и отщеп, следов культурного слоя заметно не было, да и по характеру отложений ожидать их трудно, хотя стоянка, откуда принесено было данное орудие, была расположена недалеко от места его находки, так как на орудии следов окатки не заметно. По этому поводу В. В. Шумов пишет: „Вполне соглашаясь с Вами, что орудие переотложено водными потоками, я думаю, что первичное его местонахождение следует искать где-то выше по Овражной улице“.

Значение этой находки велико как для археологии, так и для геологии Средней Азии. Во-первых, находка говорит о том, что во время среднего палеолита долина Зарафшана представляла собой сушу; во-вторых, она датирует определенные геологические слои и помогает разобраться в стратиграфии. Для археологии она важна как в культурно-историческом отношении, так и в чисто методическом, потому что теперь известно, в каких геологических условиях можно ожидать подобных находок.

Г. В. Григорьев

ИССЛЕДОВАНИЕ МУСТЬЕРСКОЙ СТОЯНКИ У ВОЛЧЬЕГО ГРОТА

Как известно,² в 1938 г. перед Волчьим Гротом в Крыму нам удалось обнаружить обширную площадь, с трех сторон резко ограниченную скалистыми стенами, на которой залегал культурный слой с четвертичной фауной и мустьерскими орудиями.

Размеры годной для раскопок площади, условия залегания и сохранность культурного слоя позволили поставить в качестве основной задачи раскопок изучение общей картины древнего обиталища неандертальцев. Кроме того, исследование этой стоянки обещало пролить новый свет на вопросы датировки целого ряда таких ранних палеолитических стоянок Крыма, как Киик-коба, Чокурча и др., а в соответствии с этим и на возраст киик-кобинского неандертальца.

В 1939 г. раскопки произведены нами вновь по поручению и на средства Института антропологии Московского университета.

Имея в виду в конечном итоге возможно более широкое изучение памятника, мы начали раскопки его сразу с двух сторон. Прежде всего

¹ Силь — дождевой кратковременный поток.

² О. Н. Бадер. Крупнейшая мустьерская стоянка у Волчьего Грота в Крыму. Вестн. др. ист., № 1, 1939.

была вычищена до скалы вся площадь грота, при этом культурных остатков не встречено. Лишь в самой глубине грота, в скалистой впадине, найдены обломки нескольких костей; среди них клык медведя.

Заполнявший пещеру сравнительно тонкий, почти черный современный слой залегал непосредственно на скале или скалистом аллювии дна пещеры. Обычные в пещерах отложения суглинка и прочих продуктов разрушения известняка здесь отсутствовали. Не подлежит сомнению, что они были уже в наше время искусственно удалены. Представляется наиболее вероятным, что пещера была вычищена раскопками К. С. Мережковского в 1879 г. Учитывая, с одной стороны, бедность собранного Мережковским материала¹ и, с другой стороны, его изобилие на площадке перед пещерой, можно заключить, что пещера, открытая северо-западным ветрам и плохо обогреваемая солнцем, никогда не была излюбленным местом пребывания для обитателей стоянки.

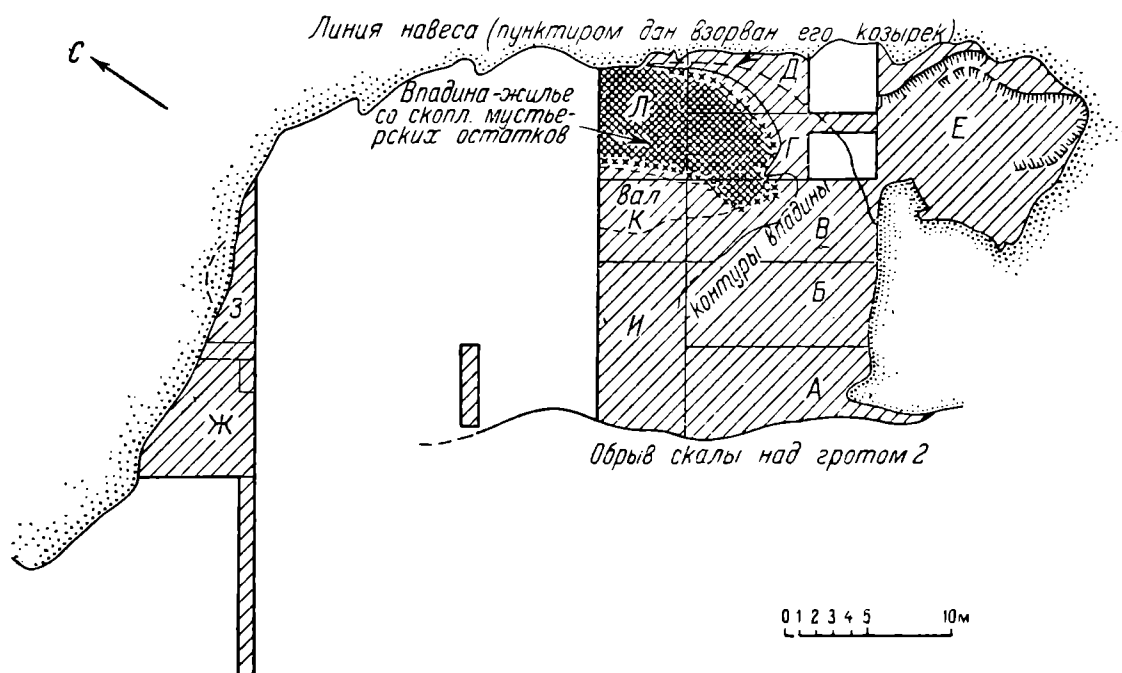

Рис. 30. План раскопок Волчьего Грота с обозначением вала из камней и скопления культурных остатков (жилища).

Таким местом являлась скалистая впадина прямо перед входом в пещеру, куда и были перенесены наши основные работы. Дно этой впадины находится по крайней мере на 1.5 м ниже дна пещеры. Впадина, слабо понижаясь, тянется вдоль скалистой стены площадки на СЗ и уходит на нераскопанную площадь (рис. 30). С ЮЗ, со стороны открытого к речной долине склона, описываемая впадина защищена каменистым валом, протянувшимся параллельно скалистой стене площадки на расстоянии в среднем около 5 м от нее и также уходящим на нераскопанную площадь. Вал имеет высоту около 1.5 м с наружной стороны и несколько более 1 м с внутренней и состоит из диких известняковых камней различной величины, включая и очень крупные, с суглинком между ними, плотно сцементированным известью. Внимательное изучение вала привело нас к выводу о его естественном происхождении: до этой черты доходил карниз древнего навеса, через навес со склона над пещерой в течение тысячелетий скатывались камни, есте-

¹ В 1879 г. было найдено всего два законченных орудия.

ственно, укладываясь внизу вдоль линии, на которую проецировался край навеса.

Именно здесь, на узкой ограниченной площади, во впадине между скалою и каменистым валом, располагалась основная часть мустьерской стоянки, служившая жильем. Весьма вероятно, что доступное ветру пространство между гребнем вала и краем навеса могло быть в свое время закрыто несложным искусственным сооружением-заслоном из древесных ветвей. Во всяком случае, описанная впадина, защищенная скалистыми стенами, валом и навесом, отлично обогреваемая солнцем, расположенная к тому же на самом берегу речки, являлась неплохим естественным жильем. Действительно, здесь обнаружены мощные (свыше 1.5 м) культурные отложения мустьерского времени. Первоначально очень неотчетливая стратиграфическая картина прояснилась лишь в последние дни раскопок, при изучении площади *Л* и в особенности разреза ее северо-западной стенки. Под мощной яркобелой осыпью скалистых обломков недавнего происхождения (результат разрушения навеса взрывами) здесь наблюдается культурный слой желто-серых, местами серых оттенков, содержащий остатки татарской культуры и соответствующий аналогичному культурному слою в пещере (рис. 31, слой 2). Этот слой заполняет профиль небольшой землянки, очевидно, вырытой чабанами. Ниже, между двумя горизонтами светло-желтой рыхлой породы, представляющей собою чистый продукт разрушения нуммулитового известняка (сл. 3 и 5) отмечена незначительная, более плотная прослойка (сл. 4) с заметной примесью гумуса. Отсюда происходят пока единичные осколки кремня позднепалеолитического или эпипалеолитического облика. Ниже лежит позднемустьерский слой желтого цвета, с единичными находками в основной толще. В нижнем горизонте этого слоя, образуя местами сплошные скопления, залегают кости животных. Преобладают кости мамонта — челюсти, много зубов, крупных костей и, в особенности, бивней. Определение фауны В. И. Громовым еще не закончено, но, по предварительным данным, в этом слое представлен и песец. Имеются также остатки костного и древесного угля, не образующие, однако, сплошных очажных прослоек. Как в этом, так и в следующем мустьерском слое скопления фауны лежали не на горизонтальной плоскости, но на внутреннем склоне вала. Крупные кости концентрировались на внешней половине жилья, тогда как осколки раздробленных костей, найденные в огромном количестве, происходили преимущественно из центральной его части и из участков, прилегающих к скалистой стене. Создается впечатление, что именно здесь, у скалы, в глубине навеса, чаще сидели люди и поедали мясо, оставляя крупные кости на краю своего жилья, на склоне вала. Преимущественно там же, среди крупных костей, отмечаются и следы кострищ. Находки кремня в этом слое единичны. Очень слабая насыщенность основной толщи этого слоя культурными остатками никак не говорит в пользу постоянного пребывания здесь человека.

Следующий, также довольно мощный, мустьерский слой (рис. 31, сл. 7) отличается от предыдущего более коричневым оттенком. На площадях *Г* и *В* (рис. 30) он имел почти коричневый цвет и отчетливо выделялся среди смежных слоев. Оба мустьерские слоя, в особенности нижний, обнаруживают, по сравнению со слоями 3 и 5, более заметную примесь суглинка, что говорит о большой интенсивности делювиальных процессов в это время. Оба слоя чрезвычайно насыщены крупными и мелкими обломками скалы. В нижнем мустьерском слое культурные остатки залегают более равномерно. Скопления крупных костей здесь также располагаются на склоне вала, но гораздо слабее, чем в верхнем слое. Зато кремня тут несравненно больше, в особенности в южном

углу жилья, на площади В (рис. 30) около выхода из жилья к юго-восточной оконечности вала. Здесь обнаружено значительное число готовых орудий и огромное количество осколков. Не подлежит сомнению, что в указанном пункте находилось излюбленное место для выделки кремневых орудий. Среди животных, по предварительным данным, представлен мамонт, а также северный олень (один зуб).

Наконец, на скале залегает светложелтый аллювий (рис. 31, сл. 8), по большей части очень неясно отделяющийся от нижнего мустьерского слоя. Из верхних его горизонтов, более или менее близких к линии контакта его с вышележащим слоем, происходят находки целого ряда наиболее крупных орудий и единичных осколков, обнаруженные преимущественно на площади Г, вскрытой в 1938 г.

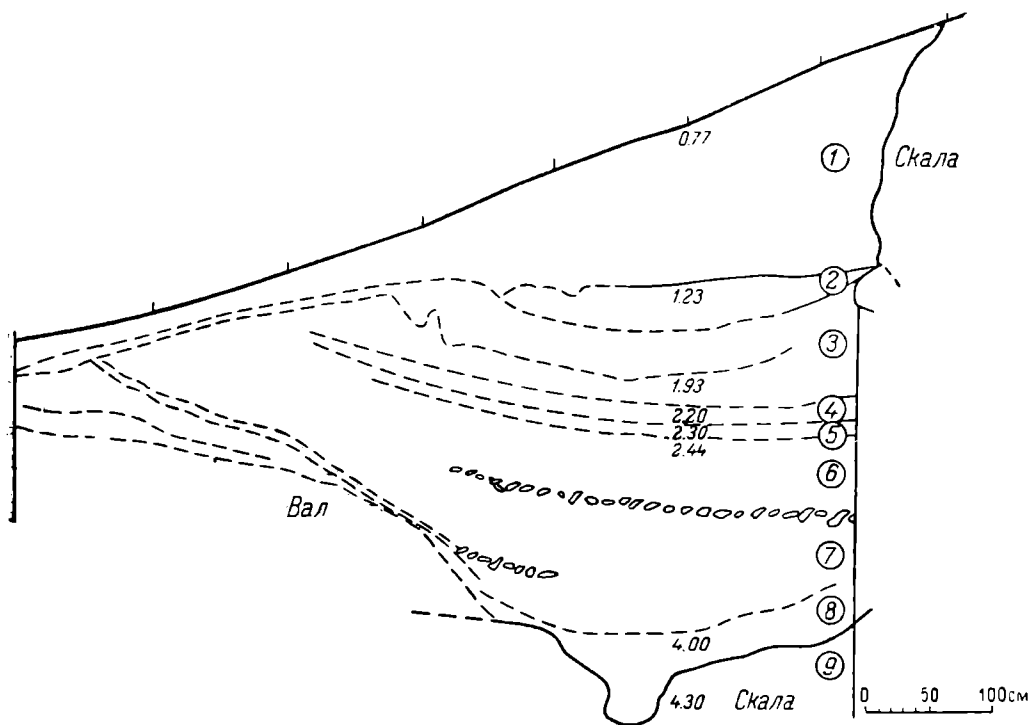

Рис. 31. Основная часть разреза сев.-зап. стенки площади Л.

Площади, окружающие описанное жилье (рис. 31), дали в тонком каменистом слое между дерном и скалою лишь единичные находки кремневых орудий и осколков, попавших сюда как бы случайно. Кости животных, а тем более скопления их, отсутствовали здесь совершенно.

В северо-западной части памятника (площади Ж и Э) раскопки были особенно трудны. Максимальная глубина раскопа и тут достигала 5 м; сверху был снят мощный культурный слой эпохи средних веков. Палеолитический слой был сплошь покрыт огромными обломками скал, представляющими собою, вероятно, остатки одновременно рухнувшего навеса. Скалистые глыбы приходилось дробить молотами и лишь после этого вывозить из раскопа на тачках. Мустьерский слой залегает довольно равномерно, соответствует слою 7 основного разреза (рис. 31) и с ЮЗ резко ограничен спускающимся к речке скалистым уступом; последний является здесь естественным пределом стоянки. На том месте, где при работах 1938 г. мы предполагали существование второго грота, по вскрытии смежной площади отложений оказалась скалистая ниша. Зато в северо-западном конце раскопа у самой стены, под некогда существовавшим скалистым навесом, также обнаружены следы кострищ. Скопления остатков вокруг них было менее интенсивным, чем в основной части

стоянки, а крупные кости совсем отсутствовали. Надо думать, что эта часть стоянки, уже с раннего утра обогреваемая солнцем, была одной из излюбленных ее частей, но, будучи все же вполне открытой со стороны склона, не могла являться столь теплым и постоянным убежищем, как описанное жилье во впадине перед пещерой.

Вопрос о возрасте нашей стоянки приобретает особый интерес в связи с известными расхождениями в датировке палеолитических стоянок Крыма и, несомненно, требует дальнейшего изучения. Первый ее исследователь в 1879 г., К. С. Мережковский, датировал памятник эпохой мустье.¹ Эта датировка была подтверждена Габриэлем и Андрианом Мортилье.² Однако уже в наше время Г. А. Бонч-Осмоловским Волчий Грот вместе с другими близкими ему стоянками Крыма отнесен к ашельской эпохе.³ С этой датой не согласен П. П. Ефименко⁴ и ряд других наших специалистов, относящих Волчий Грот к мустьерской стадии. Мы присоединяемся к этой последней датировке. По материалам, добытым в 1938 г., мы сочли возможным датировать Волчий Грот первой половиной эпохи мустье.⁵ Однако значительно более полные и разнообразные материалы, добытые последними раскопками, сдвигают эту дату несколько вверх, но все же в пределах мустьерского времени. Не располагая еще подробными данными по фауне, остановимся предварительно в этой связи на кремневом инвентаре.

В верхнем мустьерском слое с максимальными скоплениями фауны (рис. 31, сл. б) еще господствует мустьерская техника раскалывания кремня.

Но в то же время общий характер кремневого инвентаря, так же как и фауна (очень близкая ориньякской), говорит о непосредственной близости к верхнему палеолиту. Так, приведенное на рис. 32, 1 скребло на отщепе имеет вид скорее концевого скребка; хорошо представлены удлиненные пластины, иногда ретушированные по краю (рис. 32, 2 и 3), наконец, имеются резцы (рис. 32, 4).

Перед нами один из позднемустьерских культурных комплексов, демонстрирующих преемственность между культурой мустье и культурой верхнего палеолита. С этой точки зрения его дальнейшее раскрытие и изучение представляются весьма актуальными.

Особенно хорошо представлен в последних раскопках кремневый инвентарь второго мустьерского слоя (рис. 31, сл. 7). Его близость к инвентарю верхнего слоя грота Киик-коба, подтвержденная и Г. А. Бонч-Осмоловским, не оставляет сомнений (рис. 32, 5—8). Мы видим здесь те же мелкие, как бы выродившиеся мустьерские двусторонние (рис. 32, 5) и односторонние (рис. 32, 6—8) формы. Последние нередко несут подправку с брышка (рис. 32, 8) и имеют подтреугольную форму. В то же время и здесь имеются неплохие экземпляры удлиненных пластин, а некоторые нуклеидные куски кремня несут на себе подобие грубых резцовых сколов. В этом же слое обнаружены следы обработки на кости. Если кремневый инвентарь и имеет некоторые черты, позволяющие считать его несколько более поздним, чем инвентарь верхнего слоя Киик-коба, то все же очень большое сходство между ними и их хронологическую близость нельзя оспаривать. В то же время, вопреки мнению Г. А. Бонч-Осмоловского, мы не считаем возможным датировать этот слой позднеашельским периодом. Против столь древней даты

¹ K. Merejkowsky. Station moustérienne en Crimée. L'Homme, 1884.

² G. et. A. Mortillet. Le Préhistorique. 3-e édition. Paris, 1900.

³ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934.

⁴ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Лгр., 1938.

⁵ О. Н. Бадер, ук. соч.

говорит целый ряд фактов и соображений, на которых мы уже имели случай останавливаться.¹

В 1938 г. на площади Г, а отчасти и в 1939 г. на смежных участках, была собрана коллекция великолепных крупных орудий сильно патинированных, которые частично изданы в нашем сообщении о работах 1938 г.;² они-то и послужили тогда основанием для более ранней датировки Волчьего Грота. Эти орудия сопровождалось немногочисленными осколками и занимали наиболее низкое стратиграфическое положение в слое. Теперь, когда установлена общая картина отложений стоянки,

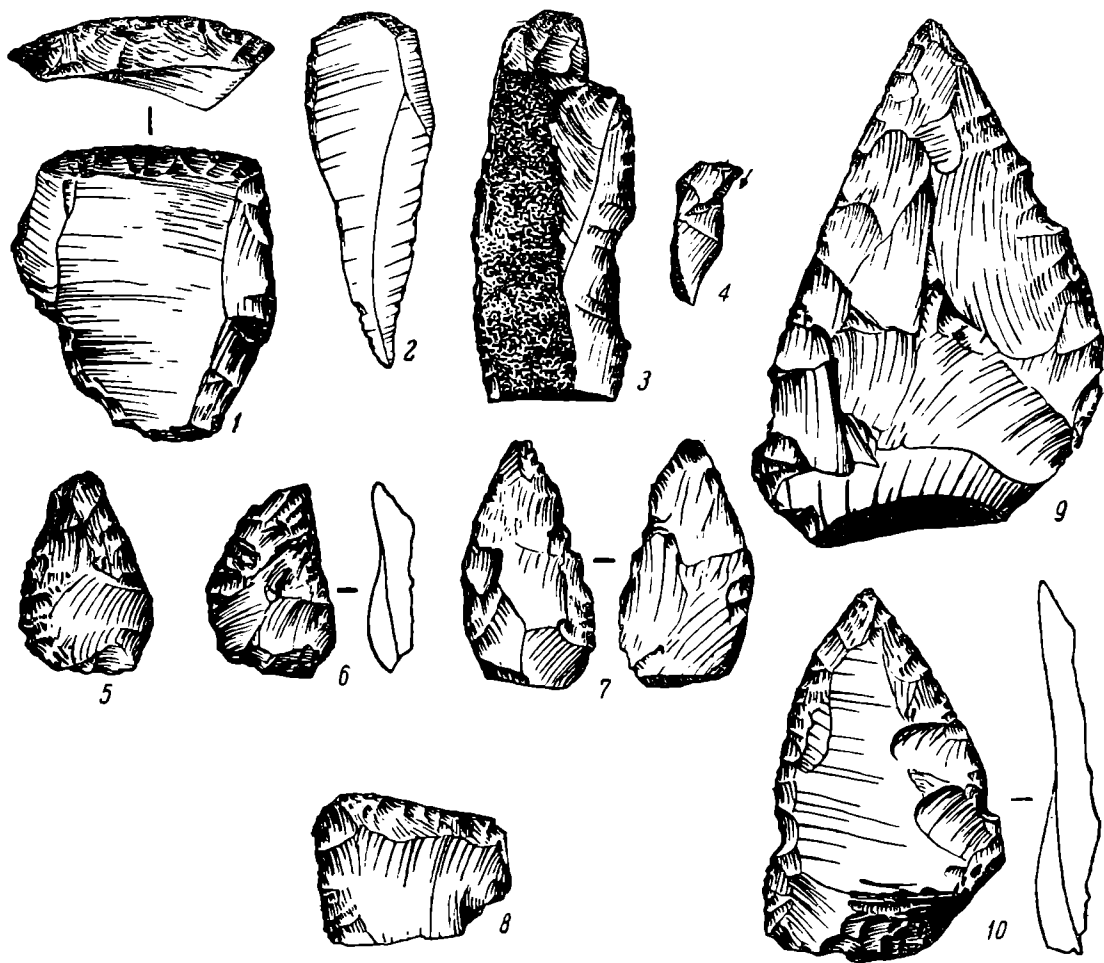

Рис. 32. Кремневый инвентарь из Волчьего Грота.

1—4 из 6 слоя; 5—8 из 7 слоя; 9—10 из 8 слоя.

мы можем сказать, что эти орудия залегали ниже второго коричневатого мустьерского слоя 7, в верхних горизонтах слоя 8 (рис. 31). Конечно, случайное проникновение сюда отдельных орудий из вышележащих слоев вполне вероятно. Более того, один из найденных здесь осколков склеился с нуклеусом из слоя 7. Но подобное объяснение для всей собранной из слоя 8 коллекции не представляется вероятным. Тем более, что комплекс слоя 8 явно отличается от комплекса слоев 6 и 7 по формам орудий и их величине. Здесь хорошо представлены двусторонние формы (рис. 32, 9); среди них имеются наиболее архаические. Среди односторонних ручных остроконечников имеются экземпляры,

¹ О. Н. Бадер. Вновь открытая мустьерская стоянка у Волчьего Грота в Крыму (печатается в трудах Киевской археологической конференции 1939 г.).

² Вестник древней истории, № 1, 1939, стр. 262, 263, рис. 5—8.

которые можно считать для мустье классическими (рис. 32, 10). И способ раскалывания, и характер краевой ретуши не позволяют датировать этот комплекс иначе как мустьерским временем. Против ашельской даты говорят и собранные в последнее время московскими геологами геоморфологические данные. По Н. И. Николаеву,¹ неоднократно обследовавшему Волчий Грот, на „основании геологических данных можно, пожалуй, говорить о том, что пещера образовалась к концу времени интенсивного врезания речных долин и формирования уступа третьей террасы, т. е. к концу миндель-рисского времени... В ашельское время этой пещеры еще не существовало“.

Положение основного комплекса (из слоя 7) между комплексами слоев 6 и 8 также проливает новый свет на его датировку. Мы склонны относить его к развитому мустье. К тому же времени относятся верхний слой Киик-коба и Ильская стоянка, которые дают аналогичные чрезвычайно мелкие формы мустьерских орудий. Нахождение орудий этого типа в Волчьем Гроуте между двумя слоями с крупными мустьерскими орудиями ясно показывает, что незначительные размеры орудий слоя 7 никак нельзя объяснять отсутствием кремневого материала. Надо думать, что мы имеем здесь дело с особым своеобразным вариантом позднемустьерской культуры, имевшим широкое территориальное распространение. Конечно, на той стадии, на которой находится сейчас изучение Волчьего Грота, некоторые из сформулированных выше заключений имеют характер предварительных. Но все вышесказанное уже сейчас рисует общую картину чрезвычайно интересной, многослойной мустьерской стоянки и настоятельно требует вскрытия на ней новых, еще нетронутых площадей.

О. Н. Бадер

ПЕРВАЯ НАХОДКА ПАЛЕОЛИТА В ДОЛИНЕ СЕЙМА

Исследования памятников культуры четвертичного человека в СССР за последние двадцать лет были чрезвычайно плодотворны. Вместо единичных находок, отмеченных в литературе дооктябрьского периода, большею частью почти совсем не изученных или изученных крайне слабо, в настоящее время нам известно свыше двухсот местонахождений, из которых не один десяток подвергнут обстоятельному изучению, нередко с полнотой, не имевшей прецедентов в подобных исследованиях.

Чрезвычайно важным является и то обстоятельство, что целые серии местонахождений, известные на ограниченном географическом пространстве, позволяют, в ряде случаев, проследить на месте последовательность изменений в культурном развитии палеолитического человека на более или менее значительных отрезках четвертичного периода, не прибегая для определений, как это было необходимо ранее, к аналогиям с географически весьма удаленными западноевропейскими находками. Мало того, состояние наших знаний позволяет уже с достаточной определенностью намечать и некоторые локальные различия (то более, то менее значительные) в культурном развитии разных районов на протяжении верхнего палеолита.

Из таких более полно изученных отдельных областей надо указать среднее течение Дона, долину Десны, Крым, Западное Закавказье, долину Енисея, Прибайкалье.

¹ Н. И. Николаев. Материалы к геологии палеолита Крыма и связанные с ним некоторые общие вопросы четвертичной геологии. Бюлл. Моск. общ. испыт. природы. Новая серия Отд. геол., т. XVIII, 1940.

Однако надо сказать, что полученные за последние годы результаты изучения палеолита СССР, которые нельзя не признать весьма значительными, ни в коей мере не являются достаточными, позволяющими успокоиться на достигнутом.

Наоборот, перед исследованием сейчас стоят задачи гораздо большего масштаба, настоятельно требующие приложения больших и систематических усилий для своего разрешения.

Так, напр., карта палеолитических местонахождений СССР пестрит „белыми пятнами“ даже в областях, безусловно доступных для обитания человеком в четвертичный период. Отдельные, более полно изученные районы, перечисленные выше, изолированы один от другого, разделены обширными пространствами, не подвергавшимися систематическим исследованиям. Выяснение вопросов культурных взаимоотношений и связей этих территорий, вопросов расселения первобытного человечества в четвертичный период представляется, при настоящем состоянии наших знаний, делом чрезвычайно трудным, а подчас и невозможным, если не идти по пути построения вульгарно-миграционистских схем, и по сегодняшний день имеющих широкое обращение в западноевропейской литературе при постановке этого рода проблем.¹

Одной из насущнейших очередных задач ближайших лет для исследователей палеолита СССР является постановка систематических поисков палеолитических местонахождений во всех тех районах, которые были по физико-географическим условиям доступны для заселения на протяжении четвертичного периода, но еще не характеризованы находками (или достаточным количеством находок).

Только располагая материалами много большего, чем ныне, числа местонахождений, могущих характеризовать всю область расселения палеолитического человечества, имея возможность шаг за шагом проследить во времени и пространстве характер изменения его культуры, можно будет достоверно разрешать сложные вопросы культурных взаимоотношений отдельных областей на протяжении четвертичного периода. Какие существенные результаты с первых же шагов может иметь вынесение разведок палеолита за пределы привычных, уже освоенных исследованием районов, показывают хотя бы работы М. В. Талицкого на р. Чусовой, доставившие наиболее удаленные на северо-восток европейские находки как верхнепалеолитической, так и мустьерской эпох,² и блестящее открытие А. П. Окладниковым в пещере Тешик-таш мустьерской стоянки и костных остатков неандертальца,³ являющихся первой находкой этого рода не только для Узбекистана, но и вообще для всей Средней Азии. Оба названных открытия заполняют существеннейшие лакуны в наших знаниях, впервые освещая территории, по которым сведения полностью отсутствуют.

Менее значительные пока, но весьма важные с этой же точки зрения находки можно отметить также в Армении, в Дагестане, в Приазовье.

---

¹ См., напр., карту в недавней публикации А. Бланка (A. C. Blanc. Sulla penetrazione e diffusione in Europa ed in Italia Palaeolithico superiore in funzione della paleoclimatologia e paleogeografia glaciali. Quartär, Bd. I, 1938, стр. 1—25). Автор, не задумываясь, намечает продвижение верхнепалеолитического населения Прибайкалья (Мальта) на Дон (Гагарино) и далее в Северную Италию (Севиньяно). Столь же надуманный характер имеет и карта расселения ориньякцев в Центральной Европе, которую дает в другой работе, помещенной в том же сборнике, Юра (A. Jura. Das Aurignacien in Polen. Там же, стр. 54—75).

² М. В. Талицкий. Островская палеолитическая стоянка близ г. Молотова. Краткие сообщ. ИИМК, вып. IV, Лгр., 1939, стр. 41—42.

³ А. П. Окладников. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии. Сов. археол., вып. 6, Лгр., 1940, стр. 5—22.

В связи с этой же проблемой „белых пятен“ на карте палеолита СССР будет своевременным напомнить об одной находке в долине Сейма, являющейся первым связующим звеном между освещенными со значительной полнотой районами Десны и Среднего Дона.

Я имею в виду находку у д. Сучкино близ г. Рыльска, сделанную уже давно, но не отраженную пока в печати, находку, с которой я в свое время имел возможность ознакомиться на месте.

Как и в огромном большинстве подобных случаев, первые находки в д. Сучкино были сделаны случайно. Осенью 1925 г. крестьянами этой деревни, копавшими яму для ссыпки картофеля, была найдена в земле крупная кость мамонта, которая и была доставлена ими в Рыльский музей краеведения. Для осмотра места находки музей командировал своего сотрудника А. П. Андреева, который при просмотре выкида и зачистке стен ямы собрал дополнительно ряд костей мамонта, а также доставил найденные им при этом три кремня, дающие основание предполагать наличие здесь палеолитической стоянки.

Тогда же, в конце 1925 г., заведующая Рыльским музеем С. К. Репина сообщила мне об этой находке с просьбой дать заключение о найденных в д. Сучкино кремнях, а также произвести проверочные работы на месте. К сожалению, присланные С. К. Репиной рисунки оказались недостаточно выразительными, и категорически высказаться по ним не было возможности.¹

Попасть же лично в Рыльск мне удалось лишь значительно позже, в 1930 г.; тогда же я смог сделать кратковременный выезд на место находки и произвести там небольшие раскопки. Работы в д. Сучкино были проведены мною 23—25 сентября 1930 г. В работах принимал участие научный сотрудник Рыльского музея А. П. Андреев, производивший здесь в 1925 г. первое обследование.

Деревня Сучкино расположена в 7 км к востоку от г. Рыльска, на большаке, идущем в Льгов и далее в Курск, на левом берегу Сейма. Сейм, текущий здесь в широкой (5—7 км) пойме, имеет чрезвычайно извилистое русло, сопровождаемое множеством стариц и ильменей.

К северу от д. Сучкино у с. Капустичи река имеет основное направление течения на юг, от Сучкино поворачивает на запад к Рыльску, откуда опять направляется к югу. От Рыльска до Сучкино большак идет поймой, по насыпи.

Геолог Б. М. Даньшин, наиболее полно изучавший четвертичные отложения этой области², выделяет в долине Сейма четыре древних надпойменных террасы и указывает,³ что место находки — д. Сучкино — расположено на нижней из этих террас, имеющей высоту 10—15 м над уровнем Сейма.

Находка костей мамонта, послужившая поводом к дальнейшим работам, была сделана на главной улице д. Сучкино, вытянувшейся вдоль большака, у восточного края деревни в расстоянии ок. 1 км от края террасы. Картофельная яма, при копании которой были обнаружены кости мамонта,

---

¹ Лишь один из рисунков давал основание полагать, что на нем передана удлиненная ножевидная пластинка, сколотая с призматического нуклеуса, что, в случае несомненной связи ее с находками костей мамонта, позволяло делать заключение о верхнепалеолитическом возрасте местонахождения.

² Б. М. Даньшин. Геологическое строение западной части ЦЧО. Воронеж, изд. „Коммуна“, 1931. — Он же. Геологические исследования в восточной половине 45-го листа Европейской части СССР (Львовский округ). Изв. Главн. геол. - развед. упр., Л, вып. 41, Агр., 1931.

³ Б. М. Даньшин. Общая геологическая карта Европейской части СССР. Лист 45. Восточная половина. Брянск—Орел—Курск—Рыльск. Тр. Московск. геол. треста, вып. 12, М., 1936, стр. 59.

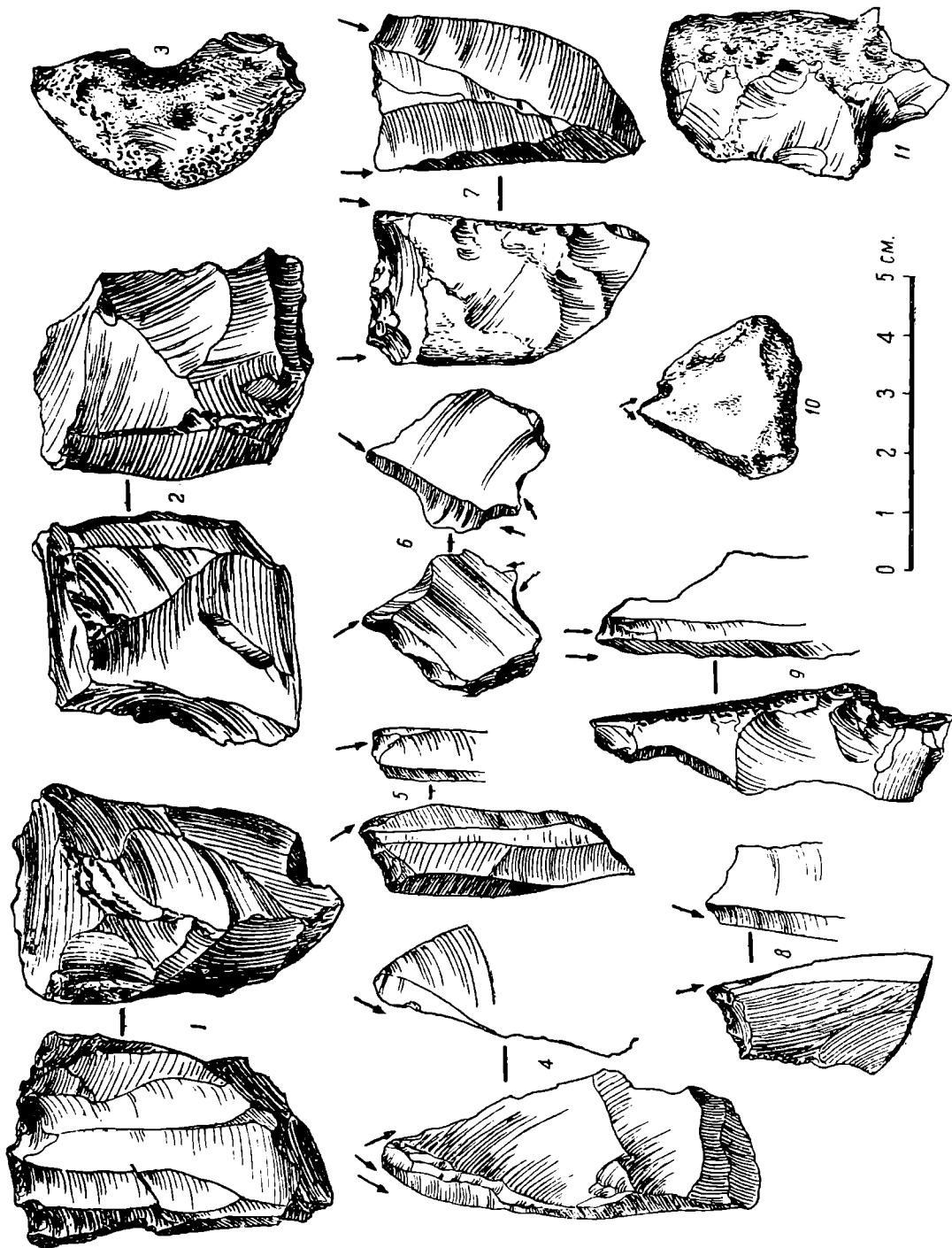

Рис. 33. Кремневые орудия из д. Сучкино.

расположена против ворот усадьбы крестьянина Бориса Петровича Золотарева, в расстоянии от них ок. 3 м.

В непосредственной близости от места первой находки мною были заложены четыре небольших, примыкающих один к другому, разведочных шурфа, общую площадью около 18 м². Культурные остатки, довольно многочисленные, залежали на глубине 0.80—1.00 м в серовато-желтой глинистой супеси, лежащей под темным гумусированным слоем мощностью 0.40—0.45 м. Единичные осколки кремня были встречены уже на глубине 0.55—0.60 м, а также и ниже основного горизонта залегания находок до глубины 1.50 м, что, повидимому, объясняется деятельностью роющих грызунов, следы которых в виде немногочисленных кротовин отмечены на стенках шурфов.

Культурные остатки в основном состояли из оббитых кремней и лишь в небольшой мере из осколков костей. Была встречена только одна крупная кость, а именно нижняя челюсть мамонта, располагавшаяся на участке, ближе всего примыкающем к старой яме, в которой также были найдены несколько крупных костей мамонта.

Оббитые кремни также располагались неравномерно на вскрытой площади. Подавляющее большинство их было сосредоточено на небольшом пространстве, площадью ок. 2 м² в шурфе III; за пределами его кремни находились в небольшом числе, причем количество их резко падало по мере удаления от основной группы находок. В южной половине шурфа III и восточной половине шурфа IV находки полностью отсутствовали.

Общий состав культурных остатков носит несколько необычный характер. Костные остатки, обнаруженные как в 1930, так и в 1925 г., принадлежат одной единственной особи мамонта (длинные кости в находках 1925 г., нижняя челюсть в 1930 г., единичные мелкие костные остатки также представляют осколки крупных костей мамонта, иногда со следами намеренного раскалывания).

Оббитые кремни, собранные в количестве около 2000 экз., в основном представляют собой мелкие осколки и чешуйки, являющиеся отбросами при изготовлении орудий (ок. 1000 чешуек, 930 крупных и средних размеров осколков). Среди них выбран 81 экземпляр удлиненных ножевидных пластинок характерного верхнепалеолитического облика. Наиболее крупные из них не превышали длиной 6.5—7.5 см, большинство же имело размеры 4.5—5.5 см. Из пластинок 17 экз. имели более правильные очертания и легко могли применяться без дальнейшей обработки; остальные скорее имели характер заготовки.

Встречены также 2 небольших мало сработанных призматических нуклеуса с одной площадкой (рис. 33, 1, 2) и 2 отбойника — небольшие кремневые желвачки округлой формы со следами многочисленных ударов (*étoilures*) с одной стороны (рис. 33, 3). Кремней со вторичной обработкой, представляющих законченные орудия, немного. Прежде всего это резцы, встреченные в количестве 10 экз. (собрано также 4 боковых отщепов от резцов). Среди резцов имеются срединные (рис. 33, 4, 10), боковые с концевой ретушью (рис. 33, 5, 8) и без нее (рис. 33, 6, 9); один экземпляр — двусторонний (рис. 33, 7). Один резец изготовлен из кварцита. Большинство резцов имеет какой-то небрежный вид. Отсутствуют, обычно нередкие тщательно изготовленные, правильные формы этих орудий. Такой же неряшливый облик имеют и найденные в д. Сучкино два скребка, вторичная оббивка которых представляет собой, скорее всего, лишь подправку осколка, случайно, при отбивании от нуклеуса получившего характерные для этого орудия очертания (рис. 33, 11). Кроме перечисленного, имеется еще 8 пластинок и их обломков со сбитым или стесанным ударным бугорком. Этим исчерпывается список кремней со следами вторичной обработки.

Материал для орудий — почти исключительно кремьнь верхнемелового возраста, темносерый, просвечивающий, изредка коричневый, без пятен. Патина встречается редко и большей частью легкая. Кварцит, кроме указанного выше реза, представлен лишь одним осколком. Грани кремней резкие, следы заглаживания и окатывания отсутствуют.

Пытаясь уточнить датировку местонахождения в д. Сучкино, приходится считаться с тем, что культурные остатки дают для этого довольно скудный материал. Все же с достаточным основанием можно утверждать, что сучкинское местонахождение относится к концу верхнего палеолита — мадленской эпохе. Об этом говорят характерные пропорции и небольшие размеры ножевидных пластинок, характер стесывания ударного бугорка, отсутствие массивных полиэдрических форм резцов. Эта датировка находит подтверждение и в геологическом положении стоянки, указываемом В. М. Даньшиным.

Обращают на себя внимание некоторые своеобразные черты, выделяющие местонахождение в д. Сучкино из ряда одновременных стоянок. Прежде всего надо отметить удаленность этого местонахождения от края террасы, в отличие от обычного расположения палеолитических поселений, или на склонах древних балок у выхода их в долину реки или (для более молодых стоянок) непосредственно связанных с рекой. Принадлежность всех обнаруженных в д. Сучкино костных остатков одной особи мамонта, небрежный характер и небольшое количество орудий, несомненно приготовленных здесь же на месте, отсутствие обычной картины культурного слоя с заполнением его мельчайшими частицами кости, костного угля, минеральной краски и т. д. (несмотря на несомненное нахождение остатков *in situ*) — все это говорит о том, что в д. Сучкино вскрыта раскопками не обычная картина палеолитического поселения, а скорее следы кратковременного охотничьего лагеря на месте добытого мамонта. Подобная находка — не единственная. Следует вспомнить открытие, сделанное Н. Ф. Кащенко¹ в 1896 г. около г. Томска. С находкой в д. Сучкино томское местонахождение сближается и принадлежностью костных остатков одной особи мамонта и небольшим количеством небрежно изготовленных орудий, не имеющих следов вторичной обработки (в назв. работе табл. 4 и 5).

Находка в д. Сучкино, повторяя картину, полученную в Томске, подтверждает ценность этой первой находки, вместе с которой она раскрывает нам еще одну черту быта верхнепалеолитического человека, могущую быть зафиксированной раскопками.

Конечно, площадь, вскрытая раскопками 1930 г. в д. Сучкино, очень невелика. Исследование площади более значительных размеров может осложнить и видоизменить эту картину. Вспомним неоднократно отмеченное при вскрытии значительных площадей различие в картине культурного слоя и в составе находок на отдельных участках одной стоянки. Различие это определяется неоднородным функциональным значением этих участков в составе поселения. Однако это не уменьшает значения находки в д. Сучкино, а лишь ставит вопрос о необходимости продолжения там работ.²

С. Н. Замятнин

---

¹ Н. Ф. Кащенко. Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком. Зап. АН по физ.-мат. отд., VIII серия, т. XI, № 7, СПб., 4^о, 60 стр. + табл. I—VIII.

² В связи с этим необходимо отметить, что по указаниям местных жителей, посещавших место работ в 1930 г., находки костей крупных млекопитающих неоднократно делались при земляных работах на разных усадьбах в д. Сучкино. К сожалению, за недостатком времени, я не имел возможности в 1930 г. заняться проверкой этих сведений.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА НА Р. ЯНЕ

Неолитическая стоянка в устье р. Яны была обнаружена впервые вместе с группой неолитических стоянок в районе Молого-Шекснинской низменности во время археологических исследований, предпринятых в связи с постройкой Верхне-Волжской гидроэлектростанции.¹ В 1936 г. она исследовалась П. Н. Третьяковым.

Стоянка расположена на левом берегу реки в 600—700 м от впадения Яны в р. Мологу. Аллювиальные отложения образуют в долине

реки многочисленные песчаные всхолмления, так наз. „гривы“, заливаемые лишь во время высоких паводков. На одной из таких грив на высоте 3 м от летнего уровня реки и располагалось древнее поселение.

Для выяснения стратиграфии слоев была заложена метровая траншея, разрез которой дал следующую картину: на поверхности гривы лежит тонкий темноватокоричневый песчаный слой аллювия толщиной в 15 см, под ним мощный 80-сантиметровый слой плотного суглинка, верхний горизонт которого (20—25 см) является погребенной почвой. Культурный слой неолитического времени лежит в погребенной почве.

Ниже слоя суглинка идут древнеаллювиальные пески до 2.5 м в глубину.

Между краем террасы и одним из раскопов было заметно на поверхности округлое углубление, оказавшееся землянкой.

Землянка была правильной котлообразной формы, крутые стенки ее, сползая к низу, постепенно переходили в дно.

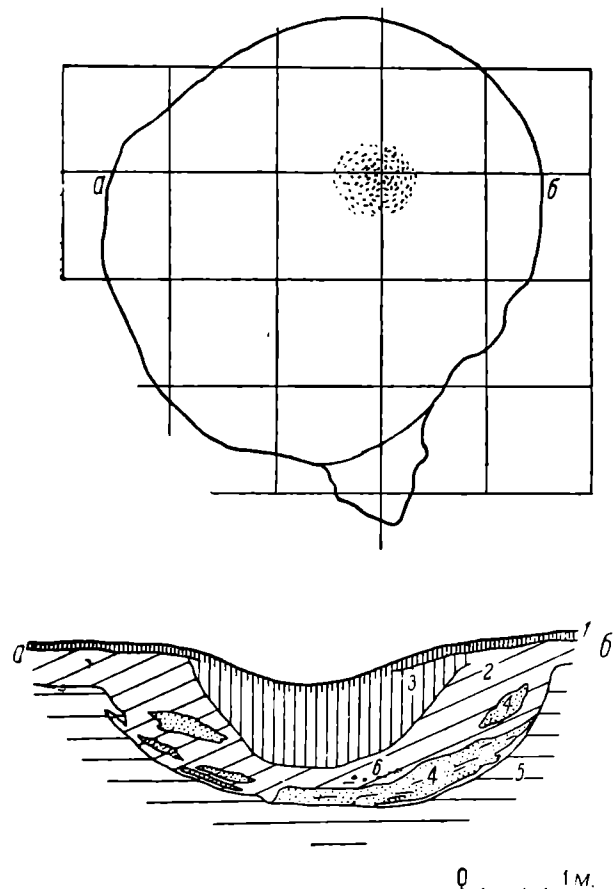

Рис. 34. План и разрез землянки на стоянке в устье р. Яны.

1 — почвенный слой; 2 — культурный слой; 3 — песчаное заполнение; 4 — песчаные включения; 5 — материковая глина; 6 — очаг.

Глубина жилой ямы равнялась 1.30 м, диаметр 4 м (см. план и разрез землянки, рис. 34). На полу землянки был насыпан слой песка в 20—25 см, так что глубина ее фактически немногим превышала 1 м. Подсыпка песка, очевидно, вызывалась необходимостью осушения пола землянки от проникающей сырости.

В середине находился очаг в виде скопления углей и золы.

Вход в землянку шел от реки и представлял собой небольшое (до 0.20 м) углубление шириной 0.95 м.

Заполнение землянки дало следующую картину: в средней части ее — толстый слой песчаного напыла в 65 см, под которым залегает незначительная прослойка культурного слоя с остатками очага. По краям, непосредственно под почвой, находится культурный слой.

¹ Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., вып. 1, гл. V.

Какие-либо следы перекрытий, как, напр., ямы от столбов, отсутствовали.

Скопление керамики, кремневых и сланцевых орудий наблюдается не в яме землянки, а по краю ее. Этот факт, при сопоставлении его с относительно небольшими размерами землянки, наводит на мысль, что яма являлась толко центром жилища, которое занимало в целом большую площадь. Наличие такого типа жилищ установил Жуков¹ при исследовании стоянок Балахинской низины, к этому же типу жилища Третьяков относит „Черепки“,² исследованные Городцовым³. Наконец, подобные жилища вскрыты и при исследовании поселения на р. Теше Селезевым.⁴ По своей форме, размерам и плану жилище на р. Яне чрезвычайно напоминает жилище, обнаруженное на поселении „Черепки“ у с. Дубровичи.

Если взять район более узкий — долины Мологи и Шексны и периферийных озер, — то данное жилище является третьим по счету. Известные неолитические жилища в стоянке на Чухломском озере у с. Федоровского⁵ и на р. Святице, в 12 км от впадения ее в Чухломское озеро,⁶ дают приблизительно ту же картину небольшого, округлой формы жилища, относящегося к тому же времени.

У края землянки на р. Яне обнаружено большое скопление керамики, в котором имеется несколько фрагментов, принадлежащих одному сосуду. Реставрировать сосуд, однако, не удалось. Склейка двух фрагментов венчика позволила приблизительно вычислить диаметр верхнего края сосуда (около 60 см). Керамический материал в целом чрезвычайно плохой сохранности. Фрагменты сосудов очень малы и окатаны. Преобладают стенки сосудов. Днища имеются всего в двух фрагментах и принадлежат круглодонным сосудам. Длина сосудов однородна; основную примесь составляет крупнозернистый песок, небольшая группа фрагментов содержит примесь мелкой слюды. Глина хорошего обжига, в изломе — бурая. Ряд фрагментов неравномерно обожжен, что говорит о производстве обжига на открытом воздухе. С внутренней стороны на некоторых фрагментах можно видеть следы отпечатков пальцев и сглаживания. По орнаменту керамику можно разбить на несколько групп, которые характеризуются: 1) крупными круглыми ямками; 2) мелкими ямками, 3) округлоконическими ямками; 4) рядами ямок, чередующимися с прямыми и косыми линиями гребенчатого штампа; 5) прямыми пересекающимися линиями гребенчатого штампа. Распределение элементов орнамента по сосуду не установлено. В целом орнамент несложен.

У значительной части сосудов венчики прямые и лишь у небольшой группы — с едва отогнутым краем. Интересен фрагмент венчика, расколовшийся по ленте с внутренней стороны сосуда (рис. 35, 10). Утолщение у края получалось при загибании остававшейся ленты внутрь и приминании ее пальцами у бережка, причем нижний край сводили на-нет.

На большем материале подобная техника лепки прослежена при исследовании керамики Вознесенской стоянки Н. Н. Гуриной.

Из кремневого материала, который в общем не малочислен, наибольшую группу представляют наконечники стрел в количестве 38. Преоблада-

¹ Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Балахны. Русск. антропол. журн., т. XII, вып. 1—2.

² П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. ГАИМК, вып. 106.

³ В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в долине р. Оки в 1898 г. Древности, т. XVIII.

⁴ Ф. Л. Селезев. Приокские древнейшие поселения. Тр. Владим. музея, т. III.

⁵ А. Я. Брюсов. Федоровская стоянка. Тр. Секции археол. РАНИОН, т. II.

⁶ Отчет Казаринова о раскопках на Чухломском озере за 1925 г. Архив ГАИМК, дело № 197.

дают характерные для неолитического времени наконечники правильной листовидной формы, обработанные с обеих сторон мелкой отжимной ретушью. Размеры наконечников колеблются от 6 до 1.8 см (рис. 35, 1, 2).

Группа скребков в количестве 22. Скребки разделяются на два основных типа: концевые и округлые. Концевые скребки высокой формы,

Рис. 35. Находки со стоянки на р. Яне.

небольшие по размерам — от 4.3 до 2.2 см. Плоские концевые скребки сформованы преимущественно на тонких, неправильной формы отщепках.

Скребки округлые представлены всего пятью экземплярами, все очень небольших размеров (наибольший — 2.5 см; рис. 35, 3).

Кроме скребков, имеются еще 2 скребла, из которых одно сделано на массивном кремневом отщепе и имеет слабую подретушевку. Единичным является двойное орудие, одна сторона которого представляет скребок, другая — проколку (рис. 35, 4). Также единичным, и скорее

всего случайным, является резец, образованный ретушью и резцовым сколом. Далее идут кремневые ножи (2 экз.), пластинки с ретушью по краю (8 шт.), ножевидные пластинки, нуклеусы самых разнообразных форм, из которых один выделяется своей правильно-призматической формой. В целом бросается в глаза миниатюрность кремневого инвентаря.

Грузила. Они представлены здесь двумя плитками (одна из песчаника, другая из мягкой сланцевой породы), со следами преднамеренной оббитости по противоположным сторонам — для закрепления веревки. Подобные грузила известны в стоянке Садовый Бор¹ и в стоянке на Оленьем острове.²

Полировальник (рис. 35, 5). Небольшой удлиненный (5 см) обломок песчаника с узким (0.7 см) желобком на плоской поверхности. Подобные полировальники известны в стоянке Холомониха.³

Изделия из сланца (рис. 35, 6—9). Представлены тремя орудиями и одной поделкой: 1) небольшой обломок желобчатого долота, зашлифованного со всех сторон, причем следы шлифовки в виде мелких параллельных бороздок особенно хорошо видны на выемке; 2) обломок небольшого тесла (4.5 см) с сильно сработанным рабочим концом; 3) миниатюрное тонкое долотце длиной 2.5 см, целиком зашлифованное с одной стороны и подшлифованное только у рабочего края с противоположной стороны, с прекрасно заостренным тонким лезвием и несколько расширяющимися к нему сторонами. Серия подобных миниатюрных долот имеется в коллекции Иностранцева.⁴ Орудие предназначено, несомненно, для очень тонкой обработки дерева; 4) плоское шлифованное кольцо из сланца диам. 4.5 см со сверлением в центре. Подобные кольца известны в ряде неолитических стоянок, однако вопрос об их назначении совсем не разработан. Сбытраспространено мнение, что — это предметы украшений, однако сразу же встает вопрос о том, что они встречаются единицами, в то время как предметы украшений обычно встречаются в сериях. Возраст стоянки достаточно точно определяет характер керамики вместе с шлифованными сланцевыми орудиями, а также кремневые наконечники поздних форм (ромбические и с черенком). Сочетание элементов ямки и гребенчатого штампа в орнаментации керамики, а также толстостенность, относительная грубость выработки, круглодонность, — все это признаки второй группы (по Айлио), позволяющие относить стоянку к развитому неолиту.

Данные палеоботанического анализа дают следующую картину: в основании горизонта современного аллювия, непосредственно над культурным слоем обнаружено наличие пыльцы ольхи, сосны, березы, ели, ивы. В культурном слое и в нижележащем слое бурого суглинка пыльца не сохранилась. В верхнем слое песка эпохи древнего аллювия обнаружена пыльца ольхи, березы, сосны, липы, вяза. Соотношение количества пыльцы показывает преобладание в эпоху древнего аллювия широколиственных пород, что говорит о более теплом климате в тот период. Погребенная же почва могла образоваться только в эпоху более засушливого климата, когда прекратились разливы и накопление аллювия. Таким образом мы можем, придерживаясь схемы Блитта-Сернандера, отнести верхний горизонт древнеаллювиальных песков к атлантическому периоду, а образование погребенной почвы и культурного слоя в ней к суббореальному времени, точнее к ксеротермическому периоду.

Л. Я. Крижевская

¹ Ф. А. Селезнев. Приокские древнейшие поселения. Тр. Владим. музея, т. III.

² Неизданная коллекция из раскопок В. И. Равдоникаса.

³ Неизданные коллекции в Гос. Эрмитаже.

⁴ Коллекция А. А. Иностранцева (хранится в ЛГУ).

ПОГРЕБЕНИЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА В АНГАРСКОЙ ТАЙГЕ

Вслед за Падунским порогом долина Ангары резко расширяется и образует характерную „озероидную“ котловину. В русле реки появляются многочисленные острова, а берега отходят далеко друг от друга. Над ними возвышаются склоны гор. Все вокруг покрыто тайгой.

На островах и в устьях таежных речек, по высоким береговым террасам находится немало памятников прошлого, в том числе и древних погребений.

Одно из таких погребений, представляющее большой научный интерес, найдено на правом берегу Ангары в 0.4 км ниже устья речки Цэпань.

Внешними признаками погребения были немногочисленные кое-где выступавшие на поверхность своим ребром плиты могильной кладки. Кладка по очертаниям напоминала овал размером 2.7×0.8 м. Камни шли вглубь на 0.6 м, а ниже была ясно видна могильная яма тоже в виде овала, размером 2.5×0.6 м, заполненная серой землей с угольками. Между плитами кладки лежали кучкой обломки глиняного сосуда. На дне ямы помещался костяк взрослого человека (мужчины), ориентированный головой на ЮЗ, ногами к реке. Нижняя часть скелета оказалась нарушенной каким-то хищником в то время, когда связки, соединявшие кости, еще не сгнили целиком (рис. 36).

У костей ног были заметны остатки жженой коры, возможно обертки. У ног костяка лежал гарпун, пониже ребер фрагмент бронзового меча или кинжала, а под ним такая же игла, на груди два бронзовых наконечника стрел. У левого локтя лежал наконечник стрелы из

кости, обломки второго наконечника и изделия из рога. Около черепа справа находился еще один костяной наконечник, а слева фрагменты того же сосуда, что и под камнями кладки, один целый костяной наконечник стрелы и обломки другого. По левую сторону, против середины плечевой

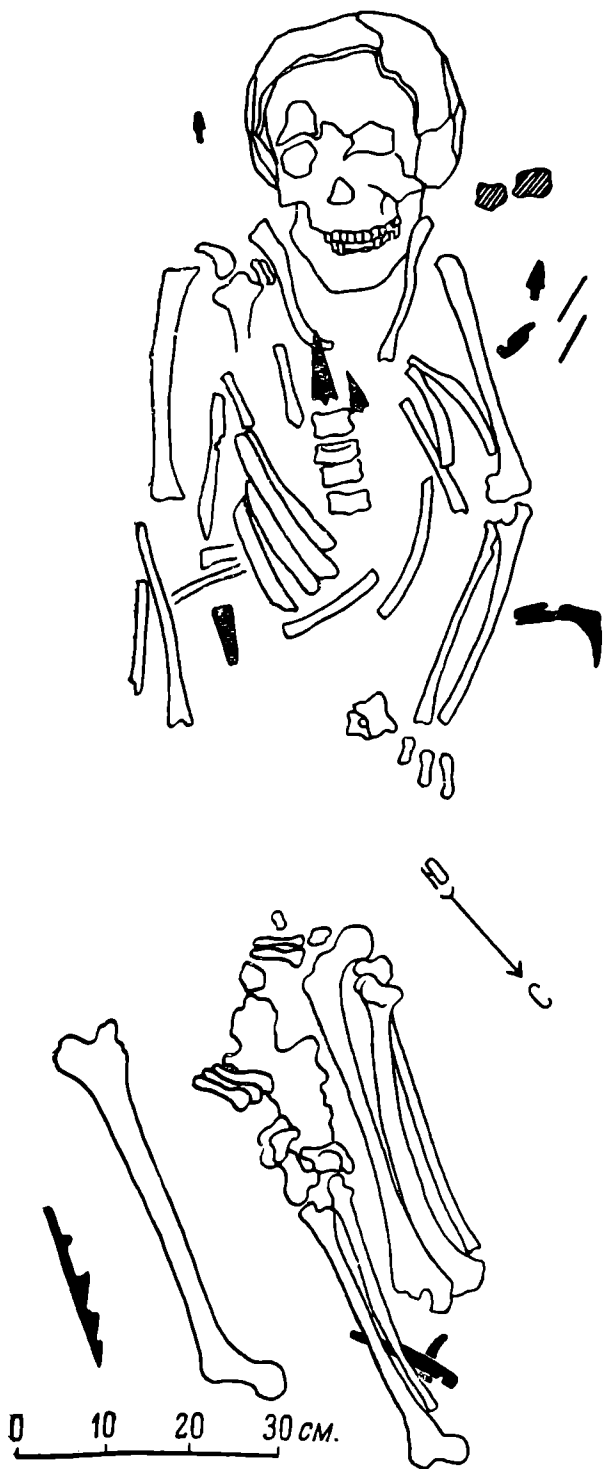

Рис. 36. План погребения на правом берегу Ангары, бл. устья речки Цэпань.

кости располагались плотно соединенные друг с другом 2 концевые пластины — остатки рогов лука. Вторая пара пластинок, сохранившаяся лучше и полнее, найдена была с той же левой стороны покойника под костями ног на расстоянии 1.2 м от первой (рис. 37, 1—3, 6). Инвентарь погребения заслуживает особого описания.

1) Костяной гарпун с тремя зубцами, расположенными по одну его сторону, друг за другом, зубцы крупные с резко выраженной кривизной, крючковатые (рис. 37, 4). Гарпун снабжен сбоку прямоугольным плоским

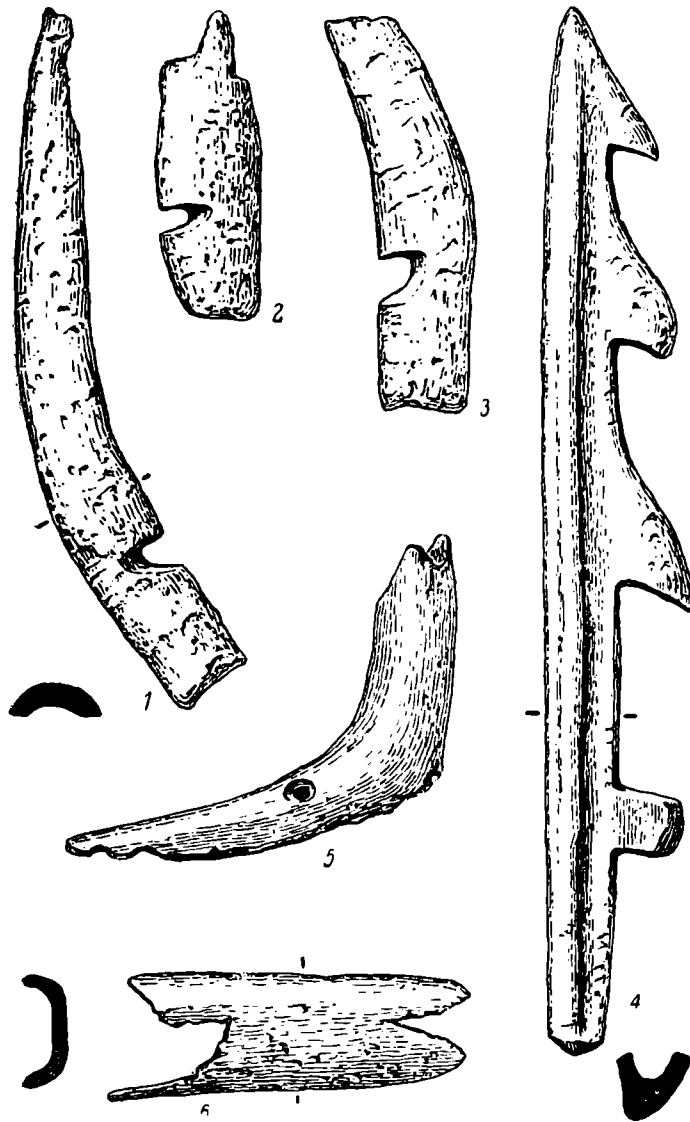

Рис. 37. Инвентарь из погребения.

выступом, лопастью для привязывания, расположенной перпендикулярно оси гарпуна. Он изготовлен из расколотой вдоль трубчатой кости и сохраняет поэтому массивное продольное ребро, усиливающее его прочность. На поверхности изделия следы шлифовки. Длина гарпуна 7.6 см, ширина (наибольшая) 2.5 см.

2) Фрагмент бронзового изделия в виде массивной пластины с изломом на одном широком и утолщенном конце (рис. 38, 3). Это несомненно конец клинка большого кинжала или меча. Клинок был массивным и сильно выпуклым в середине на одной стороне. После того как клинок оказался сломанным, его верхний конец был превращен в самостоятельное

орудие, причем острие было оттянуто и уплощено способом холоднойковки. Противоположный, массивный и обломанный конец служил рукоятью. На ней с плоской стороны сохранились даже следы органического вещества — кожи или дерева. Длина изделия 7.8 см, ширина в основании 2.5 см, верхнего конца — 2 см.

3) Тонкая прямоугольная в сечении бронзовая игла с миниатюрным отверстием. Длина 4.2 см (рис. 38, 5).

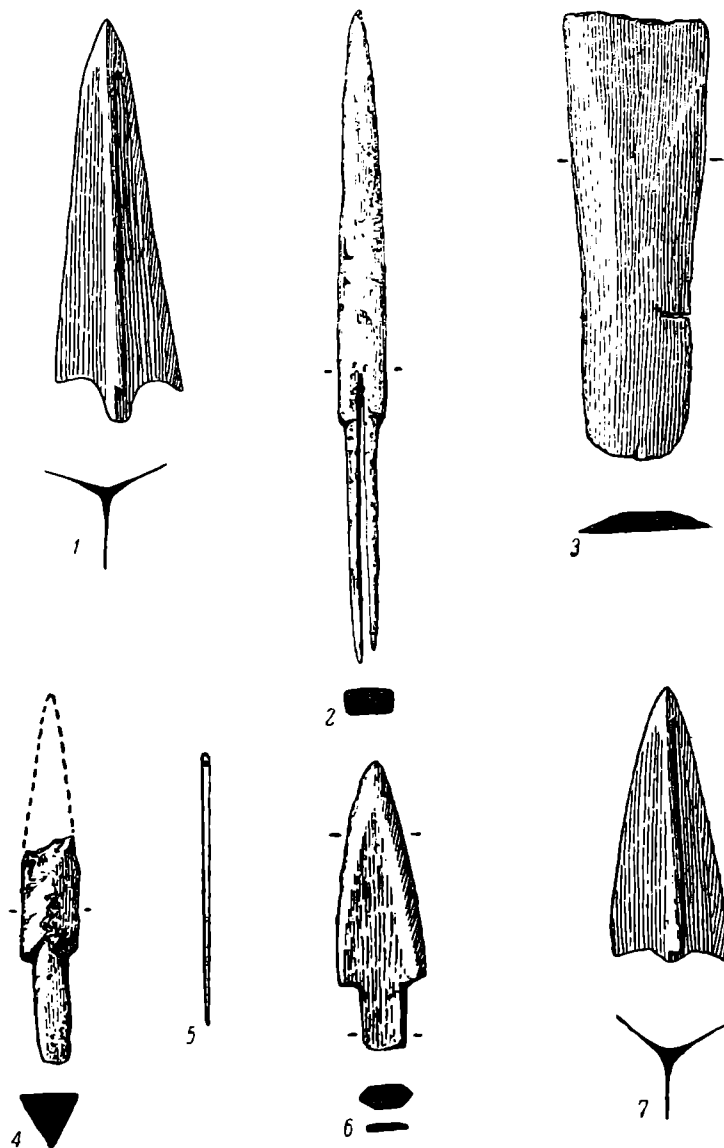

Рис. 38. Инвентарь из погребения.

4) Изделие из рога северного оленя, изготовленное из боковой части основного стержня рога с прилегающим к нему боковым отростком, кривое, с одним сквозным отверстием в середине и следами таких же — по крайней мере трех — отверстий, проходивших через тело основного стержня рога. Длина изделия по хорде достигает 8.7 см (рис. 37, 5).

5) Фрагмент изделия из рога, в виде полуцилиндрика, имеет следы 3 отверстий. Длина 6 см, диаметр 2 см.

6) Наконечник стрелы из кости, обладает коротким, резко скошенным с одной стороны насадом, отделенным жальцами от массивного тела

наконечника (рис. 38, 4). Тело наконечника в сечении треугольное, носок обломан. Жальца подчеркнуты глубокими надрезами, всего их было три — соответственно граням изделий.

7) Наконечник стрелы из рога в виде прямоугольного в сечении плоского острия, заканчивающегося внизу раздвоенным насадом, длина 10.2 см (рис. 38, 2).

8) Наконечник стрелы из бронзы, длинный, трехперый (рис. 38, 1). Втулки нет, нет и черенка, на месте черенка короткий заостренный шип, образованный полулунными вырезами лопастей наконечника. Лопастей неравной длины, заканчиваются слегка намеченными жальцами, чуть вогнутыми в середине. Лезвия лопастей, так же как и носок наконечника, заметно сточены. Длина наконечника 7 см, ширина 2 см.

9) Наконечник стрелы из бронзы. По форме совершенно сходен с описанным выше (№ 8). Отличается тем, что срединный шип (на месте отсутствующего черенка) еще короче и еле заметен (рис. 38, 7). Грани лопастей сточены с двух сторон сильнее, чем у первого наконечника. Длина 4.8 см, ширина базы 1.8 см. На обоих наконечниках патина светло-зеленая. Интересно, что в верхней трети их заметен землистый налет, которого нет в нижней части.

10) Плоский треугольный наконечник стрелы из кости с насадом. Лезвия наконечника заострены длинными срезами с двух сторон. Длина 6.2 см, ширина в плечиках 1.5 см (рис. 38, 6).

11) Пара тонких пластинок из рога, обкладок рогов лука. Пластины серповидно искривлены и с одной стороны выпуклые, с другой вогнутые. К одному концу они суживаются, а другой конец широкий и срезан в виде полулунной выемки. На внешнем краю каждой пластины имеется глубокий овальный вырез для тетивы, слегка загнутый внутрь и расположенный в 2 см от края. Обе пластины, совершенно аналогичные по размерам и форме, хорошо подходят друг к другу, тесно прилегая широкими желобчатыми поверхностями, причем боковые вырезы их точно совпадают. При этом плотно прижатые друг к другу широкие концы пластины имеют овальное сечение, а узкие сильно расходятся в стороны, оставляя между ними пустое пространство для деревянного стержня лука. Длина пластин около 12 см (по хорде), ширина (наибольшая) 2 см. Вторая пара таких же пластин отличается тем, что широкий конец их округлен. Узкие концы последних были обломаны в могиле (рис. 37, 1—3, 6).

12) Фрагменты большого, но относительно тонкостенного сосуда. Венчик слегка утолщен, бортик его широкий и плоский, горизонтально срезан и нависает снаружи над стенками карнизиком. Карнизик рассечен сверху косыми полосками. Пониже располагаются в одну линию круглые ямочки. Внешняя поверхность венчика украшена вертикальными, слегка скошенными тонкими накладными валиками, параллельными друг другу и примятыми пальцами.

Налепные валики на некоторых фрагментах расположены шевронами. Они сходятся под острым углом в виде треугольников, вписанных друг в друга. Масса сосуда плотная, красновато-бурая, с примесью песчинок (рис. 39).

Чтобы оценить значение этой новой находки, следует учесть, что в таежных районах Сибири, к востоку от Енисея, имеются своеобразные поселения, резко отличающиеся по инвентарю как от более древних энеолитических, так и от хорошо известных „курумчинских“ в Прибайкалье или „лздейских“ у Красноярска (I тысячелетия н. э.).

Самая характерная черта в инвентаре отмеченных таежных поселений — керамика того типа, к которому относятся и фрагменты сосудов из погребения у р. Цэпани.

Подобные сосуды встречаются на севере Байкала — на верхней Ангаре и по всему Байкальскому побережью, около Иркутска,¹ на Верхней Лене, вниз по Ангаре — у Братска и еще ниже, где они смыкаются с памятниками Красноярского района, а также на Подкаменной Тунгуске. Связанная с ними керамика встречается, повидимому, вплоть до глубины Монголии. Такие поселения, распространенные на огромной территории к западу от Байкала, определенно тяготеют там к самым глухим таежным местам.

Материалы описываемого погребения существенно дополняют теперь скудные сведения об оригинальных памятниках тайги и о культуре оставившего их населения. Обращает внимание уже тот факт, что все металлические вещи — иглы, наконечники стрел и фрагмент меча — сделаны из бронзы.

Рис. 39. Фрагменты сосуда из погребения.

Очевидно, бронза была единственным металлом, находившимся тогда в распоряжении лесных племен. В связи с этим интересен и своеобразный орнамент на керамике в виде вписанных друг в друга треугольников, точнее шевронов, иногда заканчивающихся длинными усиками. Сходный орнамент имеется на бронзовых кельтах из Забайкалья, Приенисейской, Ангарской и Ленской тайги, а также на некоторых „скифских котлах“, отличающихся рядом особенностей от минусинских и южнорусских (из Нижнеудинска).

Можно предполагать, что кельты „метляевского“ типа, бронзовые котлы с шевронами и керамика, найденная у р. Цэпани, в какой-то мере близки друг другу по времени.

Культура, которой принадлежат погребение на Цэпани и родственные ему стоянки, следовательно, может быть отнесена к развитому бронзовому веку.

Не противоречат такому выводу и другие предметы из описанного погребения. По крайней мере близкую аналогию одному костяному наконечнику стрелы из этого комплекса представляют трехгранные костяные наконечники с короткими уплощенными черенками и хорошо выражен-

¹ Н. Н. Бортвин. Из области древней сибирской керамики. Зап. Отд. русск. и слав. археол. РАО, т. XI, 1915, табл. XVI, 9, 12, 14, 15.

ными жальцами¹ первой стадии железной культуры Алтая, близкой пазырыкской стадии, и даже более раннего времени — „поздней бронзы“.²

Сейчас еще трудно, конечно, точнее определить хронологические рамки памятников таежной бронзы, но ясно, что они следуют за самыми поздними энеолитическими или, вернее, близкими к ним, вроде „шверских“ на Ангаре, погребениями и предшествуют памятникам, где встречаются уже первые следы широкого употребления железа. Один из наиболее ранних памятников „таежного железа“, погребение около с. Белоусово близ Качуга на Лене, не может быть моложе первых трех веков до н. э. Памятники развитой бронзы в тайге, следовательно, старше и могут восходить к VIII—IV вв. до н. э. С этим хорошо согласуются, повидимому, неопубликованные еще находки Г. П. Сосновского в плиточных могилах VII—IV вв. на Селенге (в том числе кельт „таежного типа“). Вместе с тем селенгинские находки (как и керамика с налепными валиками, обнаруженная по р. Толе в Монголии), отличаясь от находок, встречающихся к западу от Енисея, вообще сильно напоминают отмеченные таежные памятники Прибайкалья и низовьев Ангары.

В связи с этим заслуживают внимания особенные черты лесной культуры бронзового века, так или иначе отделяющие ее от степных культур — минусинских и алтайских. В погребении у р. Цэпань такими чертами являются: погребальный ритуал, характер керамики и, кроме того, наконечники стрел. В этом отношении особенно показателен один наконечник стрелы из кости с щелевидно-раздвоенным черенком, найденный на Цэпани (см. выше № 7), который очень сильно отличается от обычных степных. Зато близкие в принципе к нему наконечники известны из более древних погребений конца неолита в низовьях Ангары и в собственно Прибайкалье. Это местная, „эндемичная“ и, должно быть, очень древняя по происхождению форма. Наконец, совершенно особое место среди известных нам бронзовых наконечников стрел Сибири должны занять по своему типу металлические наконечники из погребения у р. Цэпань.

Вне таежной полосы Восточной Сибири аналогичные изделия из бронзы в литературе не отмечались.

В самой таежной зоне бронзовые наконечники данного типа известны пока лишь в ограниченном числе. Все они притом локализуются в Приангарье. В 1937 г. наконечники стрел данного типа в сопровождении той же характерной керамики были найдены нами в культурных слоях двух поселений в устье р. Каменки и выше Кежмы. В 1882 г. Н. И. Витковский нашел такой наконечник на Чадобце. Медный (бронзовый?) наконечник стрелы (см. у Витковского табл. III, № 9) с Чадобца — трехлопастный, „втулки или черешка в наконечниках такого типа, — писал Витковский, — повидимому не делалось“.³

Эти наконечники отличает не только необычность, но и простота конструкции. Они гораздо проще обычных „скифских“ бронзовых наконечников стрел, несмотря на свои три пера. Вместе с тем в них сказываются, повидимому, местные условия, многовековой опыт таежных охотников, сумевших изобрести такой тип наконечника, который соединяет большой размер при максимальной экономии еще довольно редкого металла. Они сумели обойтись и без черенка и без втулки, бесполезно увеличивавших вес изделия, заменяя их расщепом самого, соответственно обработанного, древка, в который и вгонялся бронзовый наконечник. По сути это был именно деревянный наконечник с острыми металличе-

¹ М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930, рис. 73 (найден в курганах около Бийска).

² Там же, рис. 55, со стоянки у с. Большереченского.

³ Н. И. Витковский. Следы каменного века в долине р. Ангары. Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО, т. IX, № 2, Иркутск.

скими ребрами и носком, так как пространство между крыльями наконечника было на $\frac{2}{3}$ заполнено, видимо, древком.

Тем больший интерес имеют остатки лука из описанного Ангарского погребения. Остатки пластин-обкладок лука из погребения у р. Цэпань напоминают такие же пластины из курганов гуннского времени в Забайкалье (могильник Ильмовая падь и др. по раскопкам Талько-Гринцевича).¹ К ним близки великолепно сохранившиеся пластины из древнего погребения, раскопанного в 1932 г. в дер. Белоусово, на Лене у с. Качуга и датировемого вещами скифо-сарматского времени.²

Пластины из Ильмовой пади, Белоусовского погребения и погребения у р. Цэпань по форме сближаются отчасти и с пластинами-обкладками луков, которые известны далеко на западе — в Поволжье (напр. в Сусловском курганном могильнике на Волге и др.), в Венгрии, на Дунае — в остатках римского укрепленного лагеря Карнунтума, а также в Англии.³ Следует считать доказанной принадлежность самых западных из таких находок варварским вспомогательным частям римской армии. Вполне обосновано предположение и о восточном, конкретно о гуннском, происхождении их на Волге, где луком с такими обкладками сменяются старые формы скифо-сарматского лука. Такое предположение целиком подтверждается как материалами Талько-Гринцевича из гуннских могильников, так и нашими находками. Если лук из Белоусовского погребения может быть лишь немногим старше гуннских луков, то лук с Цэпани относится зато к значительно более ранней поре. В нем можно видеть поэтому даже исходную форму степных луков гуннского типа, достигающих затем расцвета в виде сложного турецко-монгольского лука.

Как установлено антропологами, на Алтае и в Минусинском крае к началу н. э. происходит постепенная смена европеоидного населения монголоидным, во многом близким как к древним обитателям Забайкалья и Прибайкалья, так и к современным жителям тайги, ее аборигенам, в том числе эвенкам (тунгусам). С востока, в частности из заенисейской тайги, от населявших ее племен вместе с их представителями мог проникнуть и лук нового типа в степи Алтая и Минусинского края. Оттуда он мог проникнуть и дальше на запад, где его широкое распространение обеспечивалось не только наплывом варваров, но превосходными боевыми качествами этого лука и общими сдвигами в военном деле, вызванными борьбой Рима с варварским окружением.

Если, таким образом, становится ясной самобытность и довольно высокий уровень древней культуры лесных племен Восточной Сибири, то следует признать и то обстоятельство, что в процессе культурно-исторического взаимодействия с населением степей обитатели тайги вряд ли были пассивной стороной. Действительность, несомненно, была сложнее, интереснее. Остается только пожалеть, что мы еще так мало знаем о памятниках тайги.

А. П. Окладников

---

¹ Ю. Д. Талько-Гринцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади Троицко-Савского округа, Забайкальской области. Палеоэтнологическое исследование. Тр. Троицко-Савско-Кяхтинск. отд. Приамурск. отд. РГО, т. I, вып. 2, 1898—1899, стр. 10.

² Многочисленные костяные пластины, концевые обкладки луков, обнаружены также вместе с вещами ананьинского и пьяноборского типов в наслоениях древнего поселения у г. Салехарда, но они отличаются от обычных разнообразием и оригинальностью своей формы.

³ Werner. Bogenfragmente aus Carnuntum und von der unteren Wolga. Eur. Sept. Ant., VII, 1932, стр. 32—53.— Andreas Altöldi. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Archaeologia Hungarica, IX, Budapest, 1932, стр. 17—24, 90. (В этих двух работах имеются указания и на литературу по вопросу о луках гуннского типа, в том числе русскую.)

При постановке археологических исследований на городище Старого Термеза Узкомстарис ставил задачей широкий охват различных групп памятников материальной культуры для выяснения хотя бы в общих чертах главнейших этапов его развития и установления периодизации его истории. Поскольку изучение города нецелесообразно без ознакомления с районом, последний был охвачен отдельными разведочными работами.

Исследование осуществлялось в порядке опыта комплексной многоотрядной экспедицией, основной костяк которой составляли работники Узкомстариса при участии ИИМК, Эрмитажа, Центрального антирелигиозного музея в Москве и Сурхандарьинского окружного музея. Главное внимание было уделено Приамударьинской части городища. Отдельные отряды экспедиции работали над изучением памятников первобытного общества в Термезе и его районе, общей исторической топографии городища, буддийских монастырей на возвышенностях Чингизтепа и Каратепа, городища Аиртам, кешка у Ширабадской дороги, проводили раскопки мечети IX в., дворца термезских правителей XI—XII вв., жилого дома XII в., квартала металлостов, изучали вопросы истории водоснабжения Термеза и орошения его района, отдельные архитектурные памятники и особенности кладки из сырцовых кирпичей в зданиях Присурханской группы развалин.

Кроме того, прорабатывался ряд частных историко-археологических тем и предварительно обследовались отдельные пункты, что в результате привело к пересмотру прежних представлений о Старом Термезе.

При изучении памятников первобытного общества в Байсунском районе открыт грот Тешик-таш, давший впервые в Средней Азии палеолитические памятники времени мустье и скелет ребенка *Homo neanderthalensis*. Каменные орудия с городища Аиртам признаны за эпилеолитические. Самые ранние находки на самом городище Старого Термеза относятся если не к неолиту, то по крайней мере к энеолиту (кремни, фрагменты древнейшей крашеной керамики).

Выяснено, что первоначальный город был на месте средневековой цитадели и имел площадь около 10 га. Самые ранние точно датированные находки, сделанные здесь, восходят пока ко времени греко-бактрийского царства (монеты Евтидема — конец III в. до н. э. и Евкратиды — начало II в. до н. э.). В раскопе под стеной цитадели найден бронзовый трехперый наконечник стрелы со скрытой втулкой. Установлено наличие нескольких периодов кладки крепостных стен из крупных квадратных сырцовых кирпичей дофеодалного типа. Культурный слой цитадели превышает 10 м глубины.

На рано обжитой соседней площади Дуньотепа, входившей позднее в состав шахристана, мощность культурных наслоений установлена в 8.4 м, причем ниже уровня 2.5 м встречен слой с монетами типа Васудева, III в. н. э. Выяснено, что период кушанов был эпохой наивысшего расцвета рабовладельческого Термеза. С ним связано появление кольца внешних стен, охвативших два крупных буддийских монастыря. Медные монеты кушанского чекана встречены на всей площади приамударьинского городища и к востоку от него. Выявлены десятки пунктов с местами находок каменных и частично алебастровых архитектурных и скульптурных фрагментов первых веков до и после н. э. Среди них имеются фигуры будд, музыканта, а также базы, капители, волюты, аканты, карнизы и др. Скульптура этого периода с городищ Термеза,

¹ Сообщения о работах, проводившихся в 1936—1938 гг.

Аиртама, хатун-рабата близка к произведениям матхурской школы, но несет большее количество элементов классического искусства. Анализ каменных архитектурных деталей показал сильное влияние римских форм. Употребление для облицовок плит мергелистого известняка, добывавшегося из месторождения на берегу Аму-Дарьи у Орлиной горы, очень типично для времени кушанов. Отдельные правильно оформленные каменные блоки достигают иногда 250 кг.

На фрагменте одного каменного сосуда встречен обрывок текста почерком карошти, и таким образом впервые зарегистрирована находка надписи этим шрифтом на территории СССР. В пределах позднейшего рабада, на площади квартала металлистов, под средневековыми наслоениями обнаружен мощный слой кушанского времени с большим количеством кричного железа, очевидно добывавшегося около двух тысяч лет назад в соседних горах Кугетангтау.

Разведочные работы на Каратепе показали, что здесь площадь почти в 5 га занята остатками крупного древнего буддийского монастыря полупещерного типа. Пещеры индивидуального пользования и общественного назначения (напр. храмовые) располагались в несколько ярусов. Входы в них снаружи архитектурно оформлялись и иногда облицовывались камнем. На самом тепе и рядом с ним расположены руины крупных наземных сооружений, повидимому, вихара, сангарамы, ступы. В пещерах обнаружены процарапанные на стенках изображения ступы, а на штукатурке одного наземного сооружения встречены следы полихромной росписи с остатками изображений человеческих фигур почти в натуральную величину. Находки железных криц, металлических и керамических шлаков и несколько продолговатых керамических пэчей свидетельствуют, что при монастыре были хозяйственные предприятия, очевидно работавшие и на рынок.

Выяснено также, что основная система ирригационных магистралей была создана еще в период рабовладельческой формации, так как по берегам главных каналов открыты остатки поселений с керамикой кушанского времени.

Для V—VI вв. отмечен кризис в жизни правобережного Тохаристана. Такие сравнительно небольшие поселения, как городища Хатун-рабат и Аиртам, кончили свое существование до арабского завоевания. В более значительном Термезе сократилась обжитая площадь как результат уменьшения количества населения.

Кризис изживается к VIII в. Повидимому, к цекану термезшахов следует относить найденную под стенами цитадели медную плоскую монету, выбитую по типу поздних сасанидских дирхемов. В это же время было создано так наз. „гофрированное здание“, считавшееся памятником X—XIII вв. и оказавшееся кешком VI—VII вв.

После того как в 689 г. Термезом овладел Муса бен Абдаллах, город часто упоминается в арабской литературе. Подробнее всего он освещен источниками X в., когда завершилась первая стадия его развития как среднеазиатского феодального города и когда в нем имелись цитадель, шахристан, рабад, окруженный стеной, и пригородная территория сурадикат, занятая шатрами. Город имел известное благоустройство. Площади и улицы были вымощены жженым кирпичом. В двух местах рабада вскрыты подземные галереи для спуска нечистот (тазар), пришедшие в негодность, по археологическим данным, в конце X в., после чего их не восстанавливали. К концу IX в. (или к X в.) относятся раскапывавшиеся остатки мечети вблизи минарета 1032 г. Здание ее выстроено из жженных кирпичей, имеет несколько массивных круглых кирпичных колонн и принадлежит по плану к неизвестному до сих пор типу мечетей с двумя открытыми с угла и двумя закрытыми сторонами. Ее михраб как бы све-

ден из девяти сомкнутых стволов полуколонок, образующих гофрированную поверхность.

Исключительно археологическим путем установлено, что на XI—XII вв. приходится период расцвета феодального Термеза. Заново жженым кирпичом были укреплены стены цитадели. Шахристан был опоясан новым кольцом внутренних стен. Бывший рабад получил новую планировку, причем кварталы ремесленников достигали иногда больших размеров. Так, разведывавшийся квартал металлостов занимал площадь свыше 4 га. Отмечены кварталы стеклодувов, керамистов-посудников, керамистов, изготовлявших в огромном числе так наз. „симобкузача“. Вне рабада установлена территория, занятая кирпичными заводами, причем одна печь осталась в свое время неразгруженной после обжига.

В рабаде рядом с производственными кварталами располагались дома богачей. Одному из них принадлежало здание, в котором раскопана парадная комната с полом узорной кладки из жженого кирпича, такой же панели и алебастровой оконной решеткой со вставленными в гнезда панджара осколками разноцветного стекла от битой утвари. Из других зданий этого периода подробнее всего изучалось здание дворца термезских правителей, начатое исследованием экспедицией Музея восточных культур и Средазкомстариса в 1927 г.

Парадный дворец занимал площадь около 7000 кв. м. Посреди обширного двора раскопан выложенный жженым кирпичом хауз с вмозанными в угловые ступени хумами, которые служили хранилищем для рыб. Произведена полная раскопка аудиенц-зала с роскошным шtukом. Обнаружено много фрагментов полихромной росписи от перекрытия айвана.

При расчистке северного бокового павильона встречено много стеклянных декоративных медальонов с надписями и с изображениями розеток, львов, птиц орлиной породы, хватаящих животных, всадников, всадниц. На одном из медальонов имеется арабский текст: „Для султана великого победоносного Бахрамшаха“, с именем которого связана одна из реставраций дворца. В начале XIII в. дворец капитально реставрировался в последний раз, причем ремонт закончен не был. На это намекают, между прочим, подобранные на полу чашки с остатками разведенного алебастра и краски (лазурита и сатурнрот). Усиленное разрушение дворца ради получения кирпича падает на XV в.

К зданиям XII в. относится и мавзолей на острове Арал Байгамбар, считавшийся памятником XIX столетия. На одной из его ремонтных штукатурок прочитана дата 822 г. По разобранной во время работ на Джаркурганском минарете надпись он построен в 1003/9 г. н. э.

После разгрома Термеза монгольскими войсками в 1220 г. город в приамударьинской части быстро пришел в упадок. Зародыш нового города наметился в присурханской части вблизи родовой усыпальницы термезских сейидов. В XIV в. здесь сложился уже крупный город, который не был окружен стеной. В это время Старый Термез в приамударьинской части оставался почти безлюдным до тех пор, пока в 1407 г., по распоряжению Халил Султана, не была восстановлена цитадель. К этой эпохе относится и сооружение береговых устоев для укрепления берега от размывов.

Крепость выполняла свое назначение еще и в XVII в. Но крупного городского поселения под ее стенами не сложилось. Культурный слой с остатками XV—XVI вв. встречается лишь кое-где вдоль русла главного арыка.

Раскопка бывшего кешка дала, между прочим, большое количество семян и косточек, характеризующих ассортимент культурных растений и плодовых деревьев в Термезского района в XV в.

В конце XVII в. город в присурханской части был на закате, и в середине XVIII столетия бухарское правительство отдало распоряжение об его восстановлении. Находки на территории нового Термеза монет XVIII в. (в том числе русских) объясняются тем, что тут проходила торговая дорога к одной из удобных переправ через Аму-дарью. В XIX столетии оба городища Старого Термеза известны только как урочища, покрытые развалинами, а возникновение селения Паттакесар относится к середине прошлого столетия.

Такова схема восстановленной истории развития города Термеза.

М. Е. Массон

IV. ИНФОРМАЦИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ХЛЕБНЫХ РАСТЕНИЙ В ОБЛАСТЯХ, ПРИЛЕГАЮЩИХ К ЧЕРНОМУ МОРЮ

В последнее время мною подвергнуты были исследованию некоторые находки хлебных растений, добытые при археологических раскопках в районах, прилегающих к Черному и Азовскому морям и происходящие из поселений преимущественно античной эпохи. Как мной уже указывалось в 1934 г.,¹ находок каменного века на юге Украинской ССР и Крымской АССР мне не удалось выявить, не считая находок Хвойка в Киеве,² которые мне лично пришлось исследовать.³ В 1933 г. мной были получены от Н. А. Захарова зерна пшеницы из раскопок 1928 г. Краснодарского городища⁴ (сарматское поселение, возникшее в IV в. до н. э.). Эта находка интересна тем, что она относится к периоду широчайшего экспорта пшеницы с нашего юга, включая Крым, в М. Азию и Грецию. В греческих источниках имеется указание на то, что скифская (или сарматская) пшеница хорошо переносит перевозку и зерно ее мельче, чем у греческой пшеницы, и это вполне понятно, так как скифская пшеница представляла собой мягкую пшеницу (*Triticum vulgare*), а в Греции возделывалась и сейчас возделывается по преимуществу твердая пшеница (*Triticum durum*).

Из Краснодарского края, кроме этого образца, мне пришлось исследовать еще 5 образцов, полученных от Краснодарского музея через ИИМК АН СССР, и образец, полученный от акад. Н. И. Вави-

¹ К. Фляксбергер. Находки культурных растений доисторического периода. Тр. Инст. истории науки и техники Акад. Наук, сер. I, вып. 2, 1934.

² С. Магура. Питання побуту на підставі залишків Трипільської культури. Укр. Акад. Наук, Київ, 1926. — См. также вышеуказанную мою работу.

³ Сводных работ, касающихся культурных растений древнейших периодов нашего юга, насколько мне известно, нет, кроме работы М. Еbert. Südrussland im Altertum. Leipzig—Leipzig, 1921.

⁴ См. мою, вышеуказанную работу 1934 г., в которой дается и фотография (рис. 3) этих зерен.

лова из-под Майкопа. Образцы следующие.

1. Из Краснодарского городища на Дубинке, из слоя римского времени представлены обугленные семена чины (*Lathyrus esculenta*).

2. Из Краснодарского городища КРЭС (раскопки 1927 г.) — обугленные зерна ячменя (*Hordeum sativum*), причем, судя по гладкой поверхности на спинной стороне, они, повидимому, относятся к головерным ячменям, так как у пленчатых обугленных зерен обычно имеются отпечатки трех продольных нервов сгоревшей наружной чешуи.

3. Из городища Чумянный Редант, хутор Ново-Некрасовский, на восточном побережье Азовского моря (первый котлован; раскопки 1938 г.). Эта находка была мной получена в четырех пакетиках: а) с обугленными зернами мягкой пшеницы (*Tr. vulgare*), среди которых оказалось одно зерно пленчатого ячменя (*H. sativum*); б) очень мелкие обугленные зерна мягкой пшеницы (*Tr. vulgare*), напоминающие по размерам отвейку; в) обугленные зерна мягкой пшеницы (*Tr. vulgare*) средних размеров, г) спекшаяся обугленная масса проса (*Panicum miliaceum*).

4. Из городища ст. Елизаветинской (около 15 км к западу от Краснодара), из слоя эллинистического времени (раскопки 1934 г.) — крупные зерна мягкой пшеницы (*Tr. vulgare*).

5. Из городища ст. Елизаветинской, из слоя эллинистического времени (экспедиция МАЭ АН СССР 1935 г. под руководством В. А. Городцова) — мелкие зерна мягкой пшеницы (*Tr. vulgare*).

6. Раскопки близ г. Майкопа дочеченского периода. Образец получен через акад. Н. И. Вавилова и представляет обугленные зерна пшеницы (*Tr. vulgare*), ячменя (*H. sativum*), бобов (*Vicia faba*) и, повидимому, гороха (*Pisum sativum*).

Из раскопок, производившихся в Крымской АССР, мной исследовались следующие образцы, полученные от Института истории материальной культуры Академии Наук.

1. Мирмекий (в 4 км. к сев.-вост. от Керчи). Раскопки Боспорской экспедиции ИИМК 1935 г. под руководством В. Ф. Гайдукевича. Остатки греческого периода: а) раскоп Е. Слой V в. до н. э., №№ М-35/794 и 640 — зерна мягкой пшеницы (*Tr. vulgare*), ячменя (*H. sativum*) и семена маслины (*Olea oleracea*); б) раск. Е, тот же слой № М-35/642 — зерна мягкой пшеницы (*Tr. vulgare*), ячменя (*H. sativum*), и необугленные семена винограда (*Vitis vinifera*) и алыча (*Prunus devaricata*); в) раск. Е, тот же слой, № М-35/1066 — обугленные зерна мягкой пшеницы (*Tr. vulgare*) и ячменя (*H. sativum*).

2. Тиритака (в 10 км к юго-зап. от Керчи, совр. Камыш-Бурун). Раскопки Боспорской экспедиции ИИМК 1935 г. Остатки греческого периода: а) № Д-35/101 из зернохранилища — обугленные зерна мягкой пшеницы (*Tr. vulgare*), ячменя (*H. sativum*), необугленные зерна винограда (*V. vinifera*) и алыча (*Pr. devaricata*); б) № 1540, раскоп. V—VI, пункт № 1, слой V—IV вв. до н. э. — обугленные зерна мягкой пшеницы (*Tr. vulgare*), ячменя (*H. sativum*), вики чечевицеобразной (*Ervum ervilia*).

3. Ольвия. Раскопки 1936 г. под руководством Л. М. Славина. В слоях, относящихся ко II—III вв. н. э., обнаружены необугленные семена „воробейника“ (*Lithospermum arvense*) и татарника колючего (*Onopordon acanthium*). Эти семена обнаружены во всех слоях и притом в таком состоянии, что можно думать, будто они являются случайно попавшими.

4. Ольвия. Раскопки 1937 г. Такие же семена „воробейника“, как и в раскопках 1936 г.

5. Эски-кермен (Крымская АССР, близ д. Черкес-кермен). Раскопки 1937 г. под руководством Н. И. Репникова. В подвале жилища, погибшего от пожара (конец XIII в. н. э.), обнаружены, вместе с обломками глиняных сосудов, семена проса (*Panicum miliaceum*) и конопли (*Cannabis sativa*).

6. Тиритака (Керченский полуостров). Раскопки Боспорской экспедиции ИИМК 1939 г. под руководством В. Ф. Гайдукевича. Зерна, обнаруженные на дне сосуда IV в. н. э., наполненного нефтью, представляли собой необугленные семена проса (*P. miliaceum*) и зерна мягкой пшеницы (*Tr. vulgare*). Кроме того, при раскопках Тиритаки в 1939 г. обнаружены обугленные зерна мягкой пшеницы, ячменя и чечевицы (образец № Л-39/331).

Особый интерес представляли семена пшеницы и проса, пролежавшие, повидимому, полторы тысячи лет в нефти, в смысле деформации, которая в них произошла. Предварительное их анатомическое исследование, проведенное по моей просьбе анатомом доцентом Ленинградского с.-х. института М. С. Яковлевым, показало, что в зернах проса хорошо сохранились оболочки зерна без нарушения их морфологического клеточного построения.

В эндосперме просяных зерен хорошо также морфологически обрисовались крахмальные зерна. У зерен пшеницы также хорошо сохранилась морфологическая структура ткани мягких пшениц, причем особенно сохранилась семенная оболочка, тогда как плодовая оболочка (перикарпий) оказалась несколько утолщенной. Однако эндоспар представлялся в виде однородной коричневой массы зернистой структуры, в которой крахмальных зерен обнаружить не удалось. Микрхимического анализа при этом предварительном исследовании не было сделано, но М. С. Яковлев предполагает провести и дальнейшее исследование. Что касается зерен ячменя, то они рассыпались, как обычно рассыпается обугленное зерно.

Кроме этих образцов мной исследовались еще 2 образца из Ростовской области.

1. Саркел хазарского периода (низовья Дона, в 67 км от ст. Цимлянкой). Экспедиция ИИМК под руководством М. И. Артамонова. На дне зерновых ям собраны семена проса, а при разборке кирпича обнаружены зерна ячменя.

2. Древнее поселение античной эпохи (ныне г. Азов). Среди находок IV в. н. э., полученных мной от Новочеркасского краеведческого музея, оказались обугленные зерна мягкой пшеницы (*Tr. vulgare*) с примесью очень мелких зерен ржи (*Secale cereale*).

Исследованные материалы позволяют сделать следующие выводы.

1) Мягкая пшеница (*Tr. vulgare*) возделывалась уже в V в. до н. э., затем в эллинистическое, римское время и в последующие периоды на территориях нынешних Краснодарского края, Ростовской области и Крымской АССР. 2) Для более подробного сравнительного изучения мягких пшениц этих периодов, в виду недостаточности материалов, необходимы дальнейшие сборы археологических остатков хлебных растений. 3) Других видов пшениц, кроме вида мягких пшениц, не обнаружено. Особый интерес представляли бы находки твердых пшениц (*Tr. durum*) и полб (*Tr. dicoccum*). Вопрос о том, когда у нас начали возделываться твердые пшеницы (*Tr. durum*), возделываемые в настоящее время на юге под названиями кубанок, арнауток, юфтовок, которые считаются стародавними, местными, остается совершенно невыясненным. Требуется дальнейшие изыскания. 4) В этих же указанных областях в древности возделывались также ячмень (*H. sativum*), в виде пленчатых и голозерных форм, и просо (*P. miliaceum*). 5) Обнаружены также отдельные, единичные находки: мелкие зерна ржи — *Secale cereale* (Азов), конопли — *Cannabis sativa* (Эски-кермен), чина — *Lathyrus esculenta* (Дубинка), вика чечевицеобразная — *Ervum ervilla* (Тиритака), бобы — *Vicia faba* (бл. Майкопа), а также виноград — *Vitis vinifera* (Тиритака и Мирмекий), маслина —

Olea oloracea (Мирмекий) и алыча — *Prunus devaricata* (Мирмекий и Тиритака).

б) Находки говорят о том, что наши современные местные, так наз. стародавние, мягкие пшеницы Краснодарского края, Ростовской обл. и Крымской АССР и вообще районов по побережью Черного моря, повидимому, ведут свое происхождение от тех мягких пшениц, которые здесь возделывались уже полторы — две тысячи лет назад. То же самое можно сказать относительно ячменя и проса. 7) Необходимо отметить, что археологические находки культурных растений у нас на юге, да и во всем Союзе ССР, пока представляют отдельные фрагменты, и для выявления истории наших культурных

растений необходимы дальнейшие археологические изыскания.

Приношу большую благодарность ИИМК АН СССР, а также отдельным лицам, представившим мне материал для определения. В то же время я должен выразить пожелание, чтобы каждый археолог, каждая экспедиция при своих изысканиях обращали особое внимание на остатки культурных растений и направляли свои находки или в Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР или мне непосредственно (Институт растениеводства АН СССР) для определения.

К. Фляксбергер

НОВАЯ НАХОДКА КУФИЧЕСКИХ МОНЕТ

Летом 1939 г. около села Девица, Воронежской обл. был найден клад, содержащий 323 серебряные куфические монеты. Клад поступил в Воронежский областной музей краеведения, откуда был передан для изучения в Государственный Эрмитаж.

В настоящее время работа по определению монет клада закончена, что позволяет уже сообщить о нем некоторые сведения.

Клад был зарыт в конце первой половины IX в., позднейшая его монета чеканена в 223 г. х. (= 837/38 г. н. э.). Династический состав Девицкого клада очень характерен для указанного времени. В кладе оказались сасанидские, омейядские, аббасидские и идрисидские монеты VI—IX вв., а также несколько монет арабских наместников Ирана конца VIII в.

Клады подобного состава несколько раз были найдены на европейской территории Союза, однако все они относятся к более ранним годам. Самым

поздним из них был до сих пор Углицкий клад 1879 г.,¹ время зарытия которого может быть отнесено к началу второй четверти IX в. (позднейшая монета 213 г. х. = 828/29 г. н. э.). Девицкий клад является, таким образом, самым поздним среди кладов этой группы.

Большой интерес представляют обнаруженные в нем поддельные аббасидские диргемы, которые были известны в нумизматической литературе только по двум экземплярам Завалишинского клада.² Девицкий клад особенно богат монетами этого рода. Они составляют больше четверти всех найденных в нем монет и дают около десятка новых типов.

В настоящее время подготовляется подробное исследование состава Девицкого клада и описание наиболее интересных монет.

А. А. Быков

¹ ИГАИМК, VII, вып. 17, № 43.

² ИГАИМК, VII, вып. II, №№ 46, 47.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. Доклады в секторах Института	
К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. — Б. А. Куфтин	5
Ранние кочевники Забайкалья. — Г. П. Сосновский	36
О мордовском „феодализме“. — В. В. Гольмстен и Е. И. Горюнова	42
II. Статьи	
Из истории Дунайского понизовья в неолитическую эпоху — Е. Ю. Кричевский	49
Древний город Тира-Белгород-Аккерман. — А. Н. Зограф	63
Роль западного Причерноморья в сложении культуры Поднепровья и Поднепровья первых веков н. э. — М. А. Тиханова	67
Проблемы этнического состава населения Восточной Прибалтики в освещении современной латышской археологической литературы. — Г. И. Мосберг	71
Об искусственной деформации головы. — Е. В. Жиров	81
III. Полевые археологические исследования	
Находка мустьерского острокопечника в Самарканде. — Г. В. Григорьев	89
Исследование мустьерской стоянки у Волчьего Грота. — О. Н. Бадер	90
Первая находка палеолита в долине Сейма. — С. Н. Замятин	96
Неолитическая стоянка на р. Яне. — Л. Я. Крижевская	102
Погребение бронзового века в Ангарской тайге. — А. П. Окладников	105
Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ). — М. Е. Массон	113
IV. Информации	
Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю. — К. Фляксбергер	117
Новая находка куфических монет — А. А. Быков	119

Редактор Издательства А. М. Барабанов

Технический редактор Р. С. Волховер. — Корректор Н. А. Малевич
120 стр. (39 рис.)

Сдано в набор 22 октября 1940 г. — Подписано к печати 13 декабря 1940 г.

Форм. бум. 72 × 110 см. — 7,5 печ. л. + 2 вкл. — 11,02 уч.-авт. л. — 60192 тип. зн. в п. л.
Тираж 900

М 28304. — РИСО № 1585. — АНИ № 200. — Заказ № 1068.